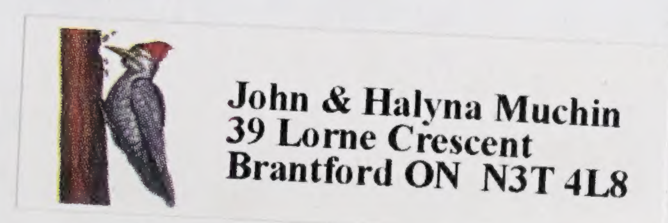
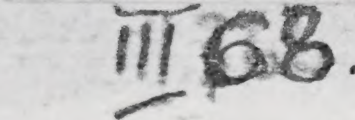

3 1761 0... 17122

John & Halyna Muchin
39 Lorne Crescent
Brantford ON N3T 4L8

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА.

„Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“

М. Г. РАФЕС.

ДВА ГОДА РЕВОЛЮЦИИ НА УКРАИНЕ.

(Эволюция и раскол „БУНДА“).

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.
Москва — 1920

СОДЕРЖАНИЕ.

1-я Госуд. типография (бывш. Т-ва И. Д. Сытина), Пятницкая, 71.

ОТ АВТОРА.

Два самостоятельных политических процесса пройдут перед глазами читателя в предлагаемой его вниманию книге. С одной стороны—развитие революционного движения на Украине, с другой—эволюция и раскол «Бунда», одной из влиятельных партий на Украине. Логически развиваясь, взаимно переплетаясь, под влиянием международных факторов оба процесса дали в результате одно и то же: победу идеи Советской власти, диктатуры пролетариата.

Революция на Украине возникла и развивалась в органической и неразрывной связи с общей великой всероссийской революцией 1917—19 гг. Те же общие политические и социальные идеи и внутренние и международные потрясения действуют на протяжении всей территории бывшей Российской Империи, в своем историческом развитии сложившейся в единое социально-экономическое целое. И все же мы можем говорить об «украинской революции», как отдельном революционном процессе: так оригинально сложились и развивались здесь социально-политические отношения в процессе всероссийской революции. В хоре гражданской войны с неожиданной силой прорвались местные особенности, выросшие на базе оригинальной национально-социаль-

ной структуры Украины. Победы германского империализма создали и внешние грани, обособившие украинский революционный процесс. «Самостийна» Украина родилась в мрачные месяцы Брестского мира, но само зарождение ее указывало на наличность особых внутренних условий, поддерживавших существование национальной государственности. Новая победа революции уничтожила искусственные перегородки между Украиной и Великороссией, обе революционные страны снова объединились в федеративной республике советов. Большая сила и организованность контр-революционных сил в «Украинской Социалистической Советской Республике» привела к новому поражению Советской власти. Кулацкие восстания облегчили продвижение и победу деникинских банд. Но и эта победа оказалась временной. Когда мы пишем эти строки, Красная армия медленно, но верно продвигается к Киеву и Харькову. И в то же время новая измена кулацких элементов, на сей раз Галичины, предательство Тарновского-Петрушевича, передавших Деникину армию и территорию Петлюры, с новой силой подчеркнула все идейное банкротство и разложение украинской национал-демократии. Задача объединения Украины и Галиции так же оказалась не под силу Винниченко и Петлюре, как и задача установления национальной государственности. Советская власть призвана принести украинскому мужику и социальное, и национальное освобождение, которое придет не в борьбе против революционной России, а в тесном с ней объединении. И каковы бы ни были в дальнейшем зигзаги украинской революции, так чутко реагирующей на все изменения международной ситуации, идейная победа Советской власти уже сегодня дана, как безраздельное государство над умами всех революционно мыслящих элементов на Украине.

И то же мы можем сказать сейчас о втором процессе—об эволюции «Бунда». Год назад, под влиянием ударов германской революции, «Бунд» на Украине в 24 часа перестроился в новый боевой порядок, вызванный потребностями социалистической революции. Быстро ликвидировалось наследие предыдущего периода. Маскарад украинских шовинистов, желавших спасти мелкобуржуазный национализм посредствам наряжения его в праздничные полубольшевистские одежды, не мог уже обмануть левой части «Бунда». Наоборот, быстрое разоблачение сущности петлюровской директории лишь ускорило эволюцию в «Бунде», ликвидировав без остатка все иллюзии примирения. «Левый Бунд» слился с коммунистической партией: это также было победой Советской власти на Украине. Стремительность этой эволюции в украинском «Бунде» также плод «самостийности» украинского революционного процесса. Медленнее идет та же эволюция в остальной части «Бунда», но и там основные идейные позиции уже сданы под натиском коммунизма. На очереди стоит разрыв с меньшевистской р. с.-д. р. п. и вступление в Коммунистический Интернационал. А там уже не за горами и слияние этой части «Бунда» с коммунистической партией. Каковы бы ни были и здесь зигзаги развития, идейная победа Советской власти и коммунизма и здесь безраздельна: влияние этих идей избежала лишь подлинно мещанская часть «Бунда».

Пусть не посетует на нас читатель за слишком, может быть, подробный анализ всех этапов развития обоих революционных процессов: так мало в сущности известно русскому читателю о жизни и политическом развитии окраин, что он должен сделать над собой это напряжение, чтобы зато получить большее право судить об этих явлениях, чем он имеет часто сейчас, когда он и и вкривь и вкось толкует об украинских «самостийниках» и прочих мало понятных ему явлениях.

В заключение несколько слов pro domo sua. Автору этих строк пришлось играть довольно активную роль в событиях украинской революции. Весь первый период ее вплоть до германской революции автор, вместе со всем «Бундом» и как один из самых активных лидеров его, провел «по ту сторону баррикады», в статьях и речах обстреливая нарождавшуюся социалистическую революцию. Обрисованная в предлагаемой книге эволюция взглядов «Бунда» есть в то же время и эволюция взглядов самого автора. Автору пришлось слишком, может быть, часто цитировать самого себя для иллюстрации позиции «Бунда» в первый период. Автор сознает этот недостаток книги, но, к сожалению, этот недостаток был неизбежен в виду той активной роли, которую пришлось играть автору. Пусть компенсацией за это читателю служит та выгода, что он получает обработку известной темы из самого можно сказать, первоисточника.

М. Рафес.

10-го декабря 1919 года.

I. ВСТУПЛЕНИЕ

I. Национально-социальные отношения и партийные группировки на Украине.

Именем Украины мы обозначаем политическую территорию, как она сложилась в процессе русской революции 1917—19 гг., объединяющую 9 губерний: Киевскую, Волынскую, Подольскую, Полтавскую, Черниговскую, Харьковскую, Екатеринославскую, Херсонскую и часть Черниговской с политическим центром в гор. Киеве. Край этот, с населением свыше 30 миллионов, неоднороден в экономическом отношении. Восточная его часть, примыкающая к Донецкому каменоугольному бассейну и отчасти охватывающая его, отличается довольно сильным промышленным развитием, остальная Украина—край по преимуществу земледельческий с развитой сельско-хозяйственной промышленностью. Расположенная вблизи Черного моря и по обоим берегам Днепра Украина является как бы торговым посредником торговой буржуазии. Пролетариат на Украине малочисленен и маловлиятелен, в значительной своей части не порвал еще связи с деревней. В деревне господствующий тип—крепкий крестьянин, ведущий уже давно индивидуалистическое хозяйство и выделивший из своей среды многочисленные подлинно кулацкие элементы.

В социальном отношении Украину можно характеризовать, как страну с развитой мелкой буржуазией. Особенность эта резко выделяется благодаря многонациональному составу населения и неизбежным вследствие этого национальным трениям, которые помогают оформиться политической идеологии этого основного слоя.

Национальный состав населения весьма своеобразен. Основное большинство населения, крестьянство, всегда пользовалось «малороссийским» наречием и хотя и не было охвачено национальным [illegible]

[illegible]

бюрократии, господствующих классов города. Помещик русский или поляк, банкир, фабрикант, купец, большей частью еврей,—опять-таки не «украинской мовы». Ненависть к крупновладельческим классам, стремление к социальному освобождению от гнета помещиков в таких условиях невольно окрасились в национальный цвет. «Геть панов» часто совпадало с лозунгом «геть ляхов», «геть москалей», «геть жидов». Под влиянием войны, собравшей в город, в казармы миллионы украинских крестьян, под влиянием революции, поднявшей их самодеятельность, быстро сложилась стройная национально-социальная идеология, типичная для крестьян-собственников. Украина для украинских крестьян. Земля помещиков и государственная поступает в украинский земельный фонд для пользования одних лишь украинцев.

Реакционная часть украинской интеллигенции, обильно выделяемая зажиточным крестьянством, бросила лозунг культурной украинизации края, как подготовку к «самостийной» государственности, что означало вытеснение «москалей», «ляхов» и «жидов» из всех областей общественно-государственной жизни. Если в начале это не было формулировано так резко, то только потому, что украинская интеллигенция не чувствовала себя в силах своими руками строить государство и надеялась приручить наименее опасную в государственном отношении часть интеллигенции — еврейскую. Но безоговорочно на этот путь могла стать только партия еврейских сионистов. Этот естественный союз украинских и еврейских национал-демократов назревал уже в последние дни гетманщины, новая революция спугнула его, а массовые погромы углубили вновь пропасть между двумя национализмами.

Для взаимоотношений между еврейским и не еврейским населением Украины существенное значение имеет и разница между западной и восточной частью Украины. Губернии Киевская, Волынская и Подольская отличаются крайне близким соприкосновением еврейского и крестьянского населения. Обилие местечек в этих трех губерниях делает их естественными торговыми и политическими центрами всей округи. В этих местечках почти всегда есть сахарный завод и несколько сот еврейских рабочих-ремесленников. Крестьянская и полукрестьянская рабочая масса мало выдвигает своей собственной политическо развитой интеллигенции. В виду этого еврейской рабочей организации здесь приходится играть руководящую роль не только в местечке, но и в округе. В первый период революции это встречалось крестьянством без особого противодействия, в последние месяцы это обстоятельство крайне обострило ненависть крестьян к коммунистам — с одной стороны, к евреям — с другой. В восточной части Украины еврейская рабочая организация такой руководящей роли не играет. Пр[illegible] в восточ-

ной Украине массы местечек, здесь меньше также точек соприкосновения между евреями и крестьянами.

Сложные национально-социальные отношения мелко-буржуазной страны создали на Украине обилие национально-политических групп и партий: в этом отношении много сходства с политической жизнью Австрии. В процессе революции 1917—19 гг. партии эти весьма значительно эволюционировали, о чем нам придется еще говорить в ходе изложения. Пока мы ограничимся перечислением этих групп, как они сложились в первой половине 1917 года. Мы будем перечислять их от крайне-правых к крайне-левым.

1. *Монархисты*, они же русские националисты, группировались вокруг «Киевлянина» — органа гласного киевской городской думы известного Шульгина. Выступая под фирмой «беспартийных русских», они в Киеве на выборах в августе—ноябре 1917 года собрали до 35.000 голосов. Влияние этой черной сотни ощущалось в Киеве и вообще на Украине во все моменты переломов в ходе революции. Причем Украина, кажется, единственная область, где эта группа выступала в первый период революции гласно, открыто.

2. *Польские реакционные группы:* нац. дем., клерикалы держались влиянием в польской национальной организации. Шли своим списком во всех выборах, борясь против левее стоящих польских групп.

2. *Польские реакционные группы:* нац.-дем., клерикалы одинаково скомпрометировавшими себя в период гетманщины. Влияние этой партии на Украине было еще меньше, чем в России в виду того, что предыдущей своей тактикой в национальном вопросе к.-д. оттолкнули от себя еврейского и украинского обывателя. Под влиянием выросшего национализма последние стремились в ряды собственных национальных партий, бывших несколько левее российских к.-д.

4. *Блок еврейских [illegible] и клерикалов* в первый период революции был [illegible] к.-д., с течением времени вследствие своего сугубого на[illegible]ьного оппортунизма [illegible]. Во внутренних вопросах еврейской жизни, вследствие поддержки мракобесия, играет [illegible]ую контр-революционную роль.

5. *Русские н. с. и трудовики.*
6. *Украинские соц.-федерал.*
7. *Евр. народная партия.*
8. *Польский демократ. централ.*

} В этой группе четырех буржуазно-демократических партий русские н. с. играют роль левого фланга.

Их соединила сама политическая жизнь, которая толкала их на блоки. Украинские с.-р., бывшие накануне революции радикал-демократами и присвоившие себе название социалистов, это те же левые к.-д. Вместе с русскими н. с. они принимают участие в [illegible]

и демократический польский централ—группы молодые без социалистической фразы, которым протежировали еврейские и польские социалисты, чтобы отвлечь мещанство из-под влияния еврейской и польской реакции.

9. *Росс. социалисты-революционеры.*
10. *Украинские социалисты-революц.*
11. *«Объедин. евр. социал. партия».*

Формально эти группы объединены народнической идеологией, но последняя лишь изредка толкала их на путь совместных выступлений (напр., по земельному вопросу в Ц. Р.). Разъединило их различное отношение к злободневным национальным вопросам. Национализму украинских соц.-рев. российские соц.-рев. противоставляли выпяченную вперед «российскую» точку зрения, мало согласованную с их программным федерализмом. На Украине русские соц.-рев. в сущности были партией городской мещанской обывательщины. Деревня отошла к украин. с.-р., кроме губерний Херсонской и Екатеринославской, где росс. с.-р. имели влияние и позже были вытеснены левыми соц.-рев. Что касается евр. «объединенцев», то их отделяла от соц.-дем. скорее не народническая идеология, достаточно выветрившаяся, а национализм, что опять-таки роднило их по мировоззрению с рус. и укр. с.-р., хотя и создавало часто между ними практические трения.

12. *Р. с.-д. р. п. (меньшевики).*
13. *Бунд.*
14. *Украин. соц.-дем.*
15. *Группа «Единство».*

Формально все эти группы, в том числе и у. с.-д., объединены марксистским мировоззрением, что действительно привело один раз к общему выступлению в Ц. Р. при обсуждении земельного вопроса. Но вообще надо сказать, что марксизм у. с.-д. особого характера. Это—не идея организации пролетариата для классовой борьбы, а своего рода «струвизм»—содействие капитализации всех отношений. В политической жизни они играли роль фермента самого крайнего украинского национализма, роль «кулацкой» партии.

Меньшевики за все время революции не смогли создать жизнеспособной всеукраинской организации. В меньшевизме непрерывно шло расслоение: города Киев и Одесса были всегда оплотом «оборончества», Харьков и Екатеринослав—центром интернационализма. В Киеве действовала и группа «Единство».

16. *P. P. S. (левица).*
17. *P. P. S. (правица).*

Группы вели обособленную одна от другой жизнь.

В начале революции «Левица» шла в блоке с меньшевиками и «Бундом», но недолго. Позже обе группы шли вместе с большевиками.

18. *«Поалей-Цион»* — или полнее «Евр. соц.-дем. раб. пар. П.-Ц. У.» поддерживали тесные отношения с укр. с.-д. и вели даже переговоры с ними об объединении. На Украине эта группа чужда была левого большевистского уклона, наоборот, из еврейских социалистических групп она самая правая, все подчинявшая интересам еврейской национальной идеи.

19. *Р. с.-д. р. п. (большевики)*, впоследствии «коммунистическая партия Украины» (к. п. У.).

Октябрьский переворот 1917 года, а затем германская революция вызвали раскол почти во всех социалистических партиях Украины.

Из партии российских соц.-рев. выделились группы левых соц.-рев., которые ко времени гетманского переворота были уже объединены под названием «украинская партия левых соц.-рев. интернационалистов». Активные выступления партии против Советской власти вызвали против них в апреле 1919 года репрессии и дальнейший раскол на «активистов», перешедших в подполье, и «пассивистов» (боротьбистов), к которым перешел центральный орган в Киеве «Борьба».

В разгар борьбы между Ц. Р. и Советской властью в Киеве в январе 1918 года из партии украинских соц.-рев. выделилась группа левых соц.-рев., шедшая в союзе с большевиками, но оставшаяся на почве украинской национальной ориентации, хотя и не одобрявшая самостийности. 14 января 1918 года лидеры этой группы, члены Ц. Р., были арестованы в Ц. Р. ставленником укр. с.-д., военным комендантом Ковенко, в будущем еще не раз игравшим роль палача. В мае 1918 года на съезде украинских соц.-рев. левые оказались в большинстве и исключили из партии всех деятелей Ц. Р. январско-апрельского германско-самостийнического периода 1918 года. Партия сохранила свое название и сокращенно, по имени центрального органа партии, именовалась партией соц.-рев. «боротьбистов», а с марта 1919 года — партией украинских соц.-рев. коммунистов.

В январе 1918 года из партии укр. соц.-дем. выделилась группа «незалежников», быстро затем захиревшая и вновь воссоединившаяся с у. с.-р. В январе 1919 года эта группа вновь сформировалась и чуть не получила большинства на партийном съезде. В феврале, после победы Советской власти, она входит в советы и киевский Исполком. В июне за вооруженное выступление против Советской власти подвергается репрессиям, раскалывается, образуется новая партия «укр. соц.-дем. незалежних левых».

В июле 1919 года «укр. соц.-рев. боротьбисты» и «укр. соц.-дем. незалеж. левые» сливают свои центральные комитеты и образуют новую партию «украинскую коммунистиче- [illegible]

тии Украины» (к. п. У.). Новая партия, по словам ее инициаторов, базирует на марксистском же мировоззрении, но отличается своими взглядами на национальный вопрос («поддержка национальной культуры молодых наций»).

Остатки партии укр. соц.-рев., исключенные из партии левыми, сплотились в организацию под названием «тегистов» (укр. соц.-рев. центральной тегии—течения), и с разными колебаниями поддерживали Украинскую директорию.

После раскола еврейских партий и слияния «Фарейнда», образовавшегося из коммунистических групп «Бунда» и «Объединенных» с к. п. У., раскололась и партия «Поалей Цион» на «соц.-дем. партию Поалей-Цион» и новую «евр. коммун. партию Поалей-Цион», образовавшуюся на всероссийском съезде коммунист. групп «П.-Ц.» в Гомеле.

Сохранились на Украине и организация правого «Бунда» и остатки «объединен. евр. соц. раб. партии».

Остатки «р. р. з.» и «п. с.-д.», после образования в Польше коммунистической партии, слились и вступили в коммун. партию, как польские секции ее.

Раскол в организации меньшевиков еще не совсем оформился. После последней конференции на Украине правые элементы из организации исключаются, если своими выступлениями вступают в конфликт с интернационалистскими резолюциями конференции. Такое массовое исключение имело место в Киеве и Одессе, после чего правые элементы, несомненно, оформятся в особую организацию, которая будет законно носить имя «правых меньшевиков».

Мы не будем останавливаться на дроблении монархических групп. Мы уже и так насчитали свыше 25 партийных образований.

Еще несколько слов о «Бунде».

Еврейское рабочее движение, как самостоятельное движение, не пустило на Украине (или, как говорили раньше, на юге России) столь глубоких корней, как в Литве и Польше. «Бунд» начал здесь работать значительно позже. В таких больших центрах, как Киев, Екатеринослав, Одесса прочно укоренилась традиция общей, единой соц.-дем. организации. Организация эта естественно отвлекает в свои ряды большие кадры еврейской рабочей интеллигенции, оставляя часто нетронутой широкую еврейскую рабочую массу. Оттого здесь сильное влияние сионистических идей, оттого юг всегда был очагом всех сионистско-социалистических еврейских групп. С другой стороны, отвлечение рабочей интеллигенции в общую организацию обескровливает соц.-дем. еврейскую организацию, открывая в ней больше поля для [illegible]

буржуазной интеллигенции, что еще более усиливает и так уже большую склонность еврейской рабочей организации к оппортунизму и ее национальную восприимчивость.

К моменту февральской революции на Украине сохранилось от старого «Бунда» лишь не более десяти еврейских социал-демократических организаций, ведших во время войны нелегальное существование. Это были группы «Бунда» в городах Киеве, Одессе, Екатеринославе, Житомире, Бердичеве, Кременчуге, Бахмуте, Харькове, Луганске, Мариуполе. Но немедленно после революции их количество стало очень быстро расти, доходя в период легального существования и выборов в Учредительное Собрание чуть ли не до 175. Группы эти рассыпаны, главным образом, в западной части Украины по всем городам и местечкам, хотя, впрочем, и редкий еврейский город восточной Украины не имел местной группы «Бунда». Это большая организационная сеть группировалась вокруг Областного, а потом Главного Украинского Комитета в Киеве, а также двух районных центров в Одессе и Екатеринославе. Гражданская война часто разрывала связи и создавала отчуждение между более интернационалистским востоком (Харьков, Екатеринослав) и оборонческим Киевом. Были и трения. Все же «Бунд» на Украине жил общеукраинской партийной жизнью, подводя время от времени на общеукраинских конференциях и совещаниях итоги пройденному.

По этим этапам и можно проследить эволюцию политических взглядов украинского «Бунда». Попутно мы будем говорить и о других еврейских группах, поскольку деятельность их переплеталась с работой «Бунда»: без этого не будет ясна последняя фаза—слияние в один «Фарбанд» и вступление в коммунистическую партию.

ДО ОКТЯБРЬСКОГО ПЕРЕВОРОТА.

1. Годы 1906—1914.

Раскол «Бунда» на Украине не даром вызвал и еще сейчас вызывает столь острое негодование в самых различных по своим политическим направлениям кругах «Бунда»; факт этот действительно неслыханный, небывалый в истории организации, праздновавшей в сентябре 1917 года 20-летний юбилей своей революционной деятельности. Бывали в «Бунде» разногласия по вопросам и программы, и тактики, и организации, но все эти споры разрешались в своем кругу. Внутри был налицо ... [illegible]

[illegible] 1906—1917 ...

переход от большевизма к меньшевизму, *«Бунд» не раскалывался.* Более того, он сохранил в *своих* рядах всю основную группу своих партийных работников, как она сложилась в годы 1901—05. Многие эмигрировали в Америку, часть отошла от политической работы, но все, кто у дел, остались верны организации.

Был в «Бунде» критический момент, когда обе борющиеся стороны считали то или иное решение спорного вопроса прямо гибельным для самого существования организации; когда обе стороны говорили об отказе своих противников от *основных* принципов «Бунда». Это было в 1906 году во время споров о возвращении «Бунда» в состав р. с.-д. р. п. на условиях, выработанных стокгольмским съездом,—условиях, отвергших принцип «единственного представительства еврейского пролетариата» и тем поставившим под знак вопроса и программу «Бунда» и цельность его разветвленной организации. И все же «Бунда» не раскололся, да и ушли-то из работников только один—другой (среди них недавно убитый в Вильне белогвардейцами Арон Девенишский, ушедший в 1906 г. от соц.- дем. и умерший демократом).

«Бундовцы» в большинстве своем в факте единства своей организации всегда были склонны видеть лишь признак большей политической зрелости партии, ее отвращения к кружковщине с ее трениями, раздорами, признак большей сплоченности еврейского пролетариата. Эта сплоченность еврейского пролетариата, однако, не мешала существованию целых четырех еврейских социалистических партий, расходившихся с «Бундом» исключительно на национальной почве и все же имевших сторонников и в пролетариате. Отсутствие острых разногласий внутри «Бунда» по вопросам общеполитическим и его единство при столь глубоком расколе общерусского рабочего движения должно быть, по нашему мнению, отнесено более всего на счет примитивности политической практики и слабого размаха самого движения. А с другой стороны, оно является косвенным доказательством того, что еврейское рабочее движение недостаточно связано еще с вопросами обще-пролетарской борьбы.

Но с подлинным недоумением историк революции и еврейского рабочего движения должен будет остановиться перед другим вопросом: *как могло случиться, что* «Бунд», воплотивший в себе все единое еврейское соц.-дем. движение, признанный в годы 1897—1904 авангардом российской революции, остался равнодушен к октябрьскому перевороту 1917 года? *Как могло случиться,* что в течение более чем года «Бунд» организованно стоял по ту сторону рабочей баррикады, в лагере контр-революции? *Как могло случиться,* что пролетарская социалистическая совесть проснулась в нем только после ударов германской революции?

Пока «Бунд» в большевизме видел одну лишь неразумную стихию деклассированных масс, ошибочно принятую пролетариатом за социальную революцию, этот вопрос не мучил совести работников «Бунда»: они радовались тому, что в эту критическую минуту, «когда стихия захлестывает приобретенные 20-летней работой соц.-дем. ценности», еврейское рабочее движение не имеет этого стихийного размаха и может противостоять разрушительной волне. Кой-кто с самодовольством мог даже думать, что единственным неразрушенным соц.-дем. островком останется после революции «Бунд», всегда верный соц.-дем. заветам и т. д. и т. п.

Но для тех в самом «Бунде», кто, как сейчас его Центральный Комитет полагает, что мы вступили в эпоху социальной революции, для тех, кто *принципиально* стал на платформу советов, как формы пролетарской диктатуры, для тех вопрос о том, *как это случилось*—не может быть праздным. Нельзя датировать социальной революции от 9 ноября 1918 года и становиться на Советскую платформу, провозглашенную 25 октября 7 ноября 1917 года. Почему же «Бунд» целый год играл контр-революционную роль, борясь против Советов? Почему еврейский пролетариат в целом не призвал к порядку своей организации? не расколол ее? что случилось с былым авангардом?

И как бы это ни было больно для революционного и партийного самолюбия, нужно открыто признать: *не выдержали экзамена. Авангард оказался арьергардом.* Еврейский ремесленный пролетариат, бывший застрельщиком в эпоху российской буржуазно-демократической революции, оказался в контр-революционном лагере, когда история поставила перед пролетариатом задачу произвести свою классовую революцию. Мелко-буржуазная среда привила еврейскому пролетариату *свои* навыки, взгляды, *свою* привязанность к существующему строю, *свое* недоверие к силам социальной революции. Стройная дисциплинированная партийная организация, это орудие, выкованное еврейским пролетариатом в предыдущую эпоху, стало препятствием для его развития. Там, где она, эта еврейская организация слабее сковывала еврейский пролетариат, напр., в крупных центрах юга, массы еврейского ремесленного пролетариата шли нога в ногу с русским пролетариатом под руководством большевиков. Политическая самостоятельность еврейского рабочего движения, его организационная изолированность в этот критический момент сыграли на руку контр-революции. Не даром еврейские коммунисты, порвав с прежней политической позицией, не останавливаются на полпути и подвергают пересмотру и национальные и организационные взгляды предыдущей эпохи, с которыми так срослось еврейское рабочее движение и которые также не исчерпали эпохи.

Бесспорно, что задерживающее контр-революционное влияние имела и политическая связь «Бунда» с меньшевизмом, который, как исторически оформившееся течение в соц.-дем., сложившееся в самостоятельную партию, менее всего мог быть склонен к приближению своей тактики к позиции большевиков. Каждый шаг «Бунда» к разрыву с чистой политической позицией меньшевизма был поэтому неизбежно связан с ослаблением организационных связей с р. с.-д. р. п. Так было на Украине. И сейчас при всей антипатии Центрального Комитета «Бунда» к определенным организационным шагам, которые закрепили бы его политическую позицию, ему придется рвать с Ц. К. меньшевиков, ибо при всех своих колебаниях этот Ц. К. р. с.-д. р. п. не желает принципиально признать Советскую власть, а лишь мирится с ней, как с неизбежным злом.

Союз «Бунда» с меньшевизмом оформился после поражения революции 1905—06 гг. В период революции 1905—06 гг. «Бунд» был в лагере большевиков. И в идеологии его мы видим те же характерные для большевиков того времени штрихи. То же (вначале) недоверие к Советам, как беспартийной организации, та же позиция партийных профессиональных союзов, то же до конца отрицательное отношение к идее рабочего съезда, в разных формах пропагандировавшейся меньшевиками в 1906—07 гг. Тот же принципиальный отказ от выборов в I Государственную Думу, вместе с тактикой активного бойкота. То же недоверие к буржуазной оппозиции, к революционным возможностям, которые будто скрываются в ней при условии организованного давления на нее слева. «*Левый блок*» пролетариата и крестьянства для завершения буржуазно-демократической революции, а не лозунг поддержки кадетского министерства—такова была *общая* позиция большевиков и «Бунда» в годы 1905—07.

И как своего политического союзника, б-ки поддерживают «Бунд» на стокгольмском объединительном съезде р. с.-д. р. п., отстаивают максимальные организационные уступки для облегчения ему обратного вступления в р. с.-д. р. п. Но «Бунд» оказался ненадежным союзником.

Уже на VII съезде «Бунда», в сентябре 1906 года, на почве разочарования в силе революции наметился поворот к меньшевизму, стремление принципиально ликвидировать основы бойкотистской линии. С этого времени «Бунд» занимает свое любимое место в центре между борющимися фракциями, «чуждый крайностей тех и других», как любили говорить в «Бунде». Такова была роль «Бунда» и на лондонском съезде, где он находился в компании с одиноким тогда среди русских соц.-дем. тов. Троцким.

Период после лондонского съезда 1907 года и разгрома [illegible] фракции — самый тяжелый [illegible] — [illegible]

вождается распадом и даже разложением всех партийных организаций. Массы отошли от политики, и партия потеряла поэтому свою роль вождя действенного пролетариата. Но в «Бунде» кризис был еще глубже. Здесь это был кризис самого рабочего движения. Экономическое движение еврейского пролетариата давно уже попало в тупик, никаких достижений больше быть не могло, так как ремесло не могло вынести тягости тех условий, которые ставило ему еврейское стачечное движение. Первое время после разгрома революции ознаменовалось к тому же серьезной экономической депрессией во всем Западном крае. Со стороны хозяев была сделана попытка ухудшения условий труда, что было нестерпимо для еврейских рабочих, свыкшихся с более развитыми потребностями. Началась массовая эмиграция в Америку, которая за несколько лет поглотила весь средний слой еврейского пролетариата, воспитанный в предыдущее десятилетие вместе со всей гвардией «Бунда». Партийная организация опустела и очень скоро представляла собой небольшую очень активную и подвижную группу старых работников, повисших в безвоздушном пространстве.

В то же время наметился и более глубокий кризис в области «еврейской экономики». Ручной труд в ремесле и мануфактуре за десятилетие получил последние удары. Ручное ткачество в Лодзинском и Белостокском районах вытесняется и тем самым наносится серьезнейший удар еврейскому рабочему движению. В силу различных причин еврейская рабочая масса на вновь возникшие фабрики с механическим производством не проникает. Отчасти она, в силу традиций, туда и сама не рвется, отчасти ее туда не пускают ни фабриканты, боящиеся влияния более сознательных элементов, ни польские рабочие, объявляющие труд в механическом производстве (ткацком, сапожном, табачном) своей привилегией. Тот рост еврейского пролетариата и вообще производительных классов за счет торгово-посреднических, который отмечен еврейской экономической литературой с периода освобождения крестьян, решительно затормозился. Повсюду и в Вильне, и в Минске, и в Гомеле, и в Лодзи, и в Варшаве вырастает новый слой торговых посредников, комиссионные конторы плодятся, как грибы. Соответственно этому, может быть, вырастает еврейский торгово-промышленный пролетариат, но не он может быть первоосновой еврейского рабочего движения.

Все эти политические и экономические условия подкопались под самую базу еврейского рабочего движения в России. «Бунд» никогда уже больше не знал эпохи более яркой, чем 1903—05 гг. Апогея своего революционного развития он достиг в июне 1905 года в период «лодзинских» и «одесских» дней. Центр тяжести еврейского рабочего движения с

того времени перешел в Америку, в Нью-Йорк; здесь организовано в профессиональных союзах свыше 200 тысяч еврейских рабочих; здесь социалистический *ежедневный* орган печатается в 150—200 тысяч экземпляров, здесь еврейские рабочие проводят в конгресс своего собственного депутата, единственного в американском конгрессе социалиста Меера Лондона, члена американской социалистической партии. И там еврейские рабочие идут в ногу с общими движениями пролетариата: они дали коммунистической партии Америки с первых же дней значительный отряд после раскола в американском еврейском рабочем движении.

На фоне тяжелых разочарований минувшего революционного периода 1905—06 гг., сменившегося уже канувшим, казалось, в вечность правительственным антисемитизмом, на фоне разгромленного извне и внутри еврейского рабочего движения, вся освободившаяся революционно-демократическая энергия еврейства ушла в национально-культурное строительство. Народные университеты, вечерние школы, культурно-просветительные общества, художественные журналы, лекции вырастают во всех крупных центрах. Все это культурное движение объединено общей национально-демократической идеологией «идишизма», цель которого—укрепление в еврействе новой демократической светской культуры на родном, еврейском языке. Аполитичное по своему содержанию, это движение натыкалось и на более широкие общественно-политические вопросы. Возникали острые споры и столкновения с клерикально-монистским направлением. Политическими по своему содержанию были и вопросы об еврейской общине, об автономии и пр. Сознательные еврейские рабочие оказались вовлеченными в это движение, продолжавшее культурную работу первых пионеров еврейского рабочего движения. В крупнейших городах еврейские рабочие имели свои отдельные рабочие драматические и литературные кружки, в большинстве городов они входили в состав общих культурных организаций, иногда группируясь внутри как партийная фракция, но в большинстве случаев сливаясь с близкими группами. Партийные нелегальные группы и кружки влачили жалкое существование. Вот в этот период в «Бунде» разгорается борьба двух течений: «ликвидаторского» (никогда, впрочем, не доходившего до выводов подлинных ликвидаторов) во главе с Абрамовичем-Рейном и Либером-Гольдманом, и большевистского во главе с Юдиным-Айзенштадтом. Интересно отметить, что Абрамович и Юдин, эти два когда-то антипода, в настоящее время стоят на довольно близкой позиции: один (Юдин) занимает правый фланг в «Бунде», а другой (Абрамович) расположился в правом центре.

Спор о легальных возможностях и использовании их, возникший в рядах соц.-дем., для «Бунд» сводился, главным образом, к вопросу о месте легально-культурной работы в партийной жизни, к вопросу об участии в обще-национальном культурном движении. Жизнью вопрос был разрешен положительно. В период 1908—10 гг. почти вся небогатая бундовская жизнь и литература были заполнены вопросами обще-национального движения. Приходилось определить в нем свое место. Под влиянием общего ослабления революции начал заметно проявляться ревизионизм в области национальной программы. Это в сущности было единственным «приобретением» «Бунда» за эту эпоху,— приобретением весьма отрицательной ценности. Легальные возможности этого периода мало содействовали сохранению партии как таковой, а ведь в этом в сущности была задача.

VIII конференция «Бунда» в октябре 1910 года подвела итоги предыдущему периоду. Крайности были сглажены. Не победило ни одно из крайних течений. Комиссия по организационному вопросу нашла синтез. Он заключался в том, что легальные возможности, открытая работа партии была признана важной, но при условии подчинения ее нелегальному партийному комитету, куда должны сходиться все нити работы во всех плоскостях жизни. Были приняты еще два дополнения: одно (в общей резолюции) отмечало необходимость в партийной агитации уделять главное внимание социальному моменту, выдвигая его преимущественно перед общеполитическим и национальным. В единогласном принятии этой резолюции сказывалась общая неудовлетворенность партийной работой и направлением партийной литературы предыдущего периода. Второе предложение, также принятое конференцией, рекомендовало Ц. К. обратить серьезное внимание на участие нашей организации в предстоящем в январе 1911 года ремесленном съезде.

Мы особо останавливаемся на последнем решении, ибо на этом именно ремесленном съезде и произошла первая партийная встреча «Бунда» с группой петроградских ликвидаторов в составе общей рабочей делегации. Отсюда, с этой встречи в «Бунд» привносится идея частичных лозунгов, идея борьбы за свободу коалиций, идея частичных политических кампаний—все вокруг вопросов *рабочей* политики. Для «Бунда» в сравнении с обще-национальной практикой предыдущего периода в этом был большой плюс, так как на этих вопросах чисто рабочей политики вовлекались в движение рабочей массы, они отвлекались от вопросов национальных к вопросам общероссийской рабочей жизни, связывались с общим оживлением рабочего движения. В конце 1911 года [illegible]

[illegible]

имеет влияние и на еврейскую рабочую среду. Выход первых двух нумеров бундовского органа «Лебенсфраген» с ярко-революционным настроением составляет настоящий праздник для еврейских рабочих. Эпоха безвременья закончена. Начинается новая полоса.

Но политическая позиция уже дана: это линия меньшевизма, линия частичных лозунгов, правда, без крайностей «ликвидаторов», т.-е. с одновременным стремлением к построению широкой нелегальной партийной организации. После своей IX конференции «Бунд» участвует в августовской конференции 1912 года, входит в августовский блок и в Организационный Комитет р. с.-д. р. п. Под лозунгами его платформы «Бунд» проводит выборную кампанию в IV Государственную Думу. На конфликте вокруг Ягелло «Бунд» связывается еще более с фракцией Чхеидзе, а когда фракция, по решению конференции большевиков, окончательно раскалывается, участие «Бунда» в августовском блоке становится еще прочнее. Но, впрочем, в составе О. К. этого блока тогда находились еще и такие лица и группы, как тов. Троцкий и Урицкий. Стало быть, в будущем теоретически возможны были и различные пути. «Бунд» пошел по меньшевистской дороге. Сообща с м-ками он провел страховую кампанию. В сентябре 1913 года «Бунд» проводит в ряде городов (Вильна, Белосток, Варшава, Лодзь, Бердичев) забастовку-протест еврейских рабочих против процесса Бейлиса.

В августе 1914 года «Бунд» готовится к VIII партийному съезду. Судя по настроению лидеров и на местах, съезд был сорван войной, но он не готовил никаких неожиданностей: «Бунд» остался бы в блоке с меньшевиками и после съезда, как остался в нем и без съезда.

II. Война и «Бунд».

Те разногласия, которые сегодня служат водоразделом между III Коммунистическим Интернационалом, с одной стороны, и всем прочим социалистическим миром, наметились не с момента войны. Они восходят гораздо дальше. Особенно ярко они проявились в 1910—11 г.г. в период споров об империализме и тактике соц.-дем. Крайнее левое крыло г германской соц.-дем., представленное тогда Розой Люксембург, Панекуком и отчасти Либкнехтом, утверждало, что империализм—последняя стадия капиталистического развития, что он приводит к неизбежной войне и краху капитализма, что он таким образом непосредственно упирается в социализм, что поэтому задача предупреждения войны [illegible]
[illegible]

товкой сил для свержения этого строя, что для этого необходимо центр тяжести всей работы перенести с парламентаризма на непосредственные революционные действия масс, что поэтому в порядок дня необходимо поставить подготовку масс к всеобщей стачке. Правое крыло и центр с Каутским во главе объединены были недоверием к силам пролетариата верой в живучесть современного строя. Для Каутского империализм был лишь одной из форм буржуазной политики, которая могла бы и перемениться при ином соотношении борющихся в рамках буржуазного строя сил. Задачей пролетариата должно быть изменение этого соотношения сил. Связавшись с теми элементами буржуазного общества, которые, как, напр., мелкая буржуазия и даже часть индустриального капитала, не заинтересованы непосредственно в империализме и войне, и давя на эти элементы, пролетариат может предупредить войну, может содействовать такой организации международных отношений, которая избавила бы человечество от надвигающейся катастрофы. А тем временем пролетариат собирал бы свои силы к решительной борьбе, момент которой сейчас еще не наступил. Поэтому Каутский и весь центр, вместе с правыми, ход рассуждений коих был несколько иной, выдвигали на первый план требование ограничения вооружений, соглашения между Германией и Англией и т. п. мероприятия. Сейчас можно было бы объединить их одной формулой: буржуазная контр-революционная «лига наций».

Социалистические партии, входившие в Интернационал, в подавляющем большинстве придерживались не позиции «радикалов», а позиции Каутского или близко к ней, во всяком случае не левее. Группы «радикалов» (с ориентацией на близкую социалистическую революцию) повсюду были в меньшинстве. В этом обстоятельстве можно было и тогда уже видеть один из признаков субъективной неподготовленности пролетариата к социалистическому перевороту, его привязанности к соглашательству, к иллюзиям мирного развития. Живучесть этих иллюзий мы видим еще и сегодня. Несмотря на то, что прогноз, данный Каутским накануне войны, не оправдался и война вспыхнула, несмотря на совершенно определенный грабительский характер стремлений творцов «лиги наций», проявившийся уже после войны, Каутский, и с ним вместе II Интернационал не прекращают взывать к этой самой грабительской «лиге» в надежде избегнуть ужасов революции, так испугавших наш «центр» в самый решительный момент.

Еще в период споров об империализме задолго до войны выяснилось со всей определенностью, что из русских соц.-дем. течений большевизм идет совместно с крайним левым

революцию, а меньшевизм, как это определенно формулировал и орган «ликвидаторов»—«Наша Заря», идет с германским центром. Мы видели из обзора предыдущей главы, что со времени 1907 года «Бунд» во всей своей тактической линии примыкал к меньшевикам. Соответственно этому складывалась и его международная ориентация. За самыми редкими исключениями (разве только отдельные одиночки), в «Бунде» сторонников крайних левых не было. Естественно поэтому, что когда разразилась война, вызвавшая в столь острой форме кризис Интернационала, политическая позиция «Бунда» могла колебаться между «оборончеством» и так называемым «интернационализмом». С первых же дней войны оборонческое крыло с самыми различными нюансами стало открыто выявляться. И в то же время организовывалось и интернационалистское течение.

Война застигла центр «Бунда» в крайне дезорганизованном состоянии. Наибольшая часть партийного центра оказалась за границей, разделенная между Женевой и Веной, часть в России, часть в ссылке. Первые же беседы (в Женеве) обнаружили, что в рядах партийного центра имеются все оттенки «оборончества» с обоими ориентациями: в сторону «германофильства» и «франкофильства». Обычная сдержанность бундовцев в формулировке своих взглядов проявилась и здесь: не было сторонников «освободительной идеологии» ни германской, ни французской. Никто не желал победы Германии или победы Франции—Англии, но всякий считал нужным оттенять, что задачей тактики соц.-дем. должно быть предупреждение поражения, разгрома той или иной коалиции. Никто не желал «бургфридена», а искал такой тактики, которая давала бы в максимальной степени возможность сохранить свое лицо. Но поскольку оправдывалось голосование кредитов, это с логической последовательностью вело и к «бургфридену».

В противовес «германофильской» и «пораженческой» (для России) линии Коссовского тогда же в «Бунде» в первые месяцы войны была формулирована и позиция, получившая впоследствии название «революционного оборончества», отстаивавшая и для российской соц.-дем. право на защиту своего отечества, в предположении, что эта тактика скорее всего может привести к падению царизма. И тут не было плехановской законченности, отсутствовала франкофильская ориентация, отсутствовало стремление к бургфридену. Автор статьи в «Информационном Листке Заграничного Комитета Бунда» М. Борисов (это мой псевдоним) в то же время признавал и законность германской «оборонческой» позиции и совершенно был чужд какой бы то ни было привязанности к антантской или германской ориентации. «Защита отечества — нежелательна и [illegible] для соц.-дем. тактики [illegible]

Партия пролетариата, серьезно предполагающая возможность практической постановки в процессе мировой войны вопроса о социальном перевороте, конечно, должна была заботиться первее всего о сохранении себя, как революционной партии, для руководства действиями пролетариата к этому ожидаемому моменту. Пренебречь преходящими настроениями пролетариата, увлеченного стихией национального подъема, и не бояться временно остаться в ничтожном меньшинстве, игнорировать опасности для каждой страны переходных этапов мировой войны с неизбежными колебаниями военного счастья, столь грозными с точки зрения программы—минимум всей мировой социал-демократии, ограничиться на время ролью резкого критика всего совершающегося вокруг, развивая максимальную агитацию для подготовки той силы, которая должна в нужный момент выступить в роли могильщика современного строя — такова должна была бы быть тактика соц.-дем., если она серьезно готовилась к революции. Таковой была лишь тактика небольшой группы крайне-левых в Циммервальде, таковой была тактика большевиков.

То же и по отношению к русской революции. Только владея этим критерием социалистического переворота и можно было не оказаться увлеченным «мелочами» революции, ее переходящими этапами, столь важными и значительными с точки зрения «демократических» завоеваний и столь несущественными с точки зрения основной задачи социалистического переворота, когда она поставлена сознанием, как практическая задача сегодняшней эпохи.

Я предпослал эти замечания настоящей главе, так как в них заключается полнейшее осуждение линии поведения всех групп и фракций в Интернационале и всех течений в российском социализме, действовавших в революции 1917—19 гг. Для тех только, кто и сегодня не ориентируется на социалистическую революцию, кто и сегодня берет на себя роль «баррикады» на пути истории, в этих словах осуждения нет. Они отойдут в историю, как группы, верно до конца служившие буржуазии, без колебаний выполнявшие черную работу контр-революции, как бы сами они ни смотрели на себя и свое черное дело. Но все те течения и группы, которые после германской революции изменили свою ориентацию, которые искренно твердят о социалистическом перевороте, на путь которого уже решительно вступил наш мир, продумали ли они до конца свою роль за весь *предыдущий* период революции? Бросили ли попытки перекинуть мост между прошлой и новой ориентацией и тактикой? Примирились ли они с [illegible] невольных (конечно, невольных и глубоко [illegible] буржуазии, про[illegible] [illegible] [illegible]? Надо быть му-

жественным до конца. В свете нынешних взглядов иначе, как контр-революционными и нельзя считать все партии, которые с упорством, заслуживающим лучшего приложения, защищали буржуазный, а затем буржуазно-демократический строй от социалистической революции. Кто возьмется безоговорочно оправдывать все шаги и действия партии большевиков за время всей революции? Не найдется ли и в рядах старых коммунистов много таких, которые *сегодня* наметили бы более правильные действия для того или иного момента в ходе революции? Но какими жалкими кажутся сегодня все возражения и нападки из лагеря анти-большевиков, которые пытаются уязвить сторонников социалистического переворота с точки зрения интересов пресловутой «демократии»?

Революция 1905 года завещала ее преемнице две основные тактические линии, *обе* имевшие в виду буржуазно-демократическую ограниченность ее: точку зрения большевиков и точку зрения меньшевиков. Различие между этими позициями сводилось к разной оценке роли буржуазии и крестьянства, как движущих сил революции. Была и третья точка зрения, частная, которой держались Троцкий, Парвус и Роза Люксембург. Они и тогда уже поставили вопрос о перманентном развитии революции и ее неизбежном переходе в рабоче-социалистическую, конечно, при соответствующей международной ситуации. С этой точки зрения они отстаивали необходимость чисто рабочего социал-демократического правительства. Тогда эта позиция не получила ни логического ни практического развития.

Революция 1917 года возникла на почве того кризиса, который вызван *мировой* войной, она сама есть плод влияния *международных* факторов, а не исключительно внутренних. Тактика соц.-дем. в новой революции отнюдь не могла быть построена только на учете ее *внутренних* сил. Меньшую с точки зрения социализма ошибку совершал в этой революции тот, кто *переоценивал* силу международной революции, чем тот, кто нетерпеливо, каждый день подсчитывая число своих друзей в Европе и, не видя там пока активной поддержки, по-обывательски *отворачивался* от Европы и сознательно *мешал* развитию мировой революции своей контр-революционной политикой внутри. Большевизм в лице Ленина с первого же дня революции отказался от повторения задов и сразу стал на позицию перманентной мировой революции, которой Россия есть застрельщик. Меньшевизм начал с повторения своих задов, с преувеличения революционных намерений и возможностей буржуазии (эта эпоха выдвинула на авансцену в р. с.-д. р. п. группу «оборонцев») и кончил повторением большевистских задов, [illegible] революционной [illegible] с крестьянством, при [illegible]

оригинального, в котором крестьянству должен подчиниться пролетариат, этот недавно еще общепризнанный гегемон (эту миссию взяли на себя меньшевики-интернационалисты, нынешние победители в р. с.-д. р. п.). Отказ от гегемонии пролетариата при столь блестящих перспективах мировой революции, борьба *против* социалистических задач — разве может быть более жалкой роль фракции, имеющей столько революционных и социалистических заслуг в прошлом?

Имея позади себя опыт революции 1905—6 гг. и все поведение российской буржуазии за период 1905—1916 гг., учитывая ту огромную роль, которую рабочие партии Запада играли в деле спасения буржуазного отечества, всякий здравомыслящий революционер уже в первые дни революции мог себе со всей определенностью сказать: без участия представителей пролетариата в революционной власти невозможно спасение страны и революции. История поставила этот вопрос со всей ясностью и категоричностью: в той или иной форме, но участие пролетариата во власти было неизбежно. Поставив во главу угла интересы *социалистической* революции в международном масштабе, соц.-дем. могла бы стойко отказываться от *всякой* коалиции с анти-социалистическими элементами, выжидая момента, когда все себя скомпрометируют, и власть, как готовое яблоко, сама упадет в руки пролетариата. Такое спокойное пренебрежение интересами сегодняшнего дня революции дается только той партии, которая (это были большевики), действительно ставит себе принципиально—отличные от других партий задачи — задачи социалистического переворота. Меньшевикам при их ориентации на буржуазную революцию оно не могло быть свойственно, и они поэтому так легко были сдвинуты буржуазией со своей «вегетарианской» позиции, проникнутой нежеланием брать на себя ответственность за свое дело. История может поставить им на вид уже не одну, а несколько ошибок: 1) Почему в самом начале не предви[illegible] неизбежности и необходимости участия во власти? 2) Почему, решив категорически не участвовать в правительстве, представители рабочих так легко уступили натиску буржуазии и мещанству? 3) Почему, уступив натиску и сдав позицию, не укрепились на новой и так легко пошли на простую роль заложников, вместо роли решающего фактора в этом коалиционном правительстве?

Переходя к позиции «Бунда» надо отметить, что, оставаясь в меньшевистском с.-р. блоке в течение всего первого периода революции, «Бунд» раньше других сдал позицию коалиции с цензовой буржуазией и, отдавая дань своему прошлому, довольно скоро занял позицию «левого блока», которую занимал и в 1905 [illegible]. И вторая особен-
[illegible]

ронники каолиции с буржуазией и противники ее строго размежевались между двумя фракциями: оборонцев и интернационалистов или в дальнейшем активистов и сторонников Ц. К. В «Бунде» такого размежевания не было. К определенному моменту развития революции вся организация в своем подавляющем большинстве, вместе с большинством лидеров и центральным комитетом, не изменившим почти своего состава, изменила свою позицию. Правда, перемена эта с точки зрения социалистической революции была не глубокая. Партия осталась на своей основной меньшевистской позиции, ограничивающей задачи революции рамками буржуазно-демократического переворота, она лишь констатировала отход буржуазии от революции и осталась в коалиции с остальными «живыми» силами страны, с городским мещанством и кулацким крестьянством. Осталась в «Бунде» до сегодняшнего дня группа сторонников коалиции с буржуазией или точнее—сторонников чисто буржуазной власти, но группа эта давно уже потеряла всякое влияние на направление политики «Бунда». На Украине и в Белоруссии она своим существованием лишь содействовала дифференциации «Бунда» и ускоряет наступление раскола, когда назревает для него момент.

В качестве представителя Ц. К. Бунда мне пришлось участвовать в Исполнительном Комитете Петроградского Совета при формировании первого Временного Правительства. Я отстаивал идею активного участия соц.-дем. в формировании власти: без пролетариата революционной власти не будет — таков был мой тогдашний мотив. На заседании организационного Комитета р. с.-д. р. п. в ту же ночь с 1 на 2 марта вопреки мнению Батурского, тогдашнего представителя О. К. в Исполнительном Комитете, также принято было решение *за участие соц.-дем. во Врем. Правит.* Предполагалось эту позицию отстаивать на пленуме Совета 2 марта, когда вопрос должен был быть окончательно решен. Два обстоятельства помешали О. К. выступить публично с этим решением. Когда на завтра, до заседания Совета, вторично собрался Исполком для обсуждения вопроса после того, как представители партий уже информировались о взглядах своих организаций, оказалось, что Стеклов, Суханов и Соколов, не [illegible] этого заседания, сообщили уже представителям Думского Комитета о состоявшемся накануне отрицательном решении вопроса Исполкомом, *как об окончательном*. Второе обстоятельство еще важнее: на заседании Совета представители большевиков повели крайне энергичную атаку против поддержки буржуазного правительства. Членам Исполнительного Комитета пришлось со всей энергией отстаивать эту позицию. Выступлени[е] с предложением участия во Времен-[illegible] Правительстве [illegible] встретило бы [illegible]

пленуме Совета, когда и большинство Исполкома было против него. Оно лишь сыграло бы на руку большевикам.

Позиция, занятая представителем «Бунда» и Организационным Комитетом, *не* соответствовала в то время мнению партии. Состоявшиеся в начале апреля конференции «Бунда» и м-ков высказались *против* участия во Врем. Прав. и за условную его поддержку. Количество сторонников участия во Врем. Прав. в «Бунде» было довольно велико. Предложение было отклонено большинством 29 против 19 при 3 воздержавшихся. При столь солидном меньшинстве «Бунду» не трудно было в ближайшем же будущем отказаться от этой позиции и поддерживать участие соц.-дем. в коалиционном правительстве. Этот переход на новую позицию в меньшевистском лагере вообще совершился незаметно. Было известно, что партия против участия во власти. Было известно, что после кризиса 18 апреля буржуазия ультимативно требует этого участия. Затем стало известно, что соц.-дем. партия уступила этому требованию во имя спасения революции. Но ведь и отказ от участия во Временном Правительстве в свое время был решен во имя спасения революции. Стало быть, все дело здесь в ультиматуме правительства и в ультиматуме соц.-рев., не желавших одни нести ответственность, не желавших быть тем ослом, на которого будет переложен весь груз революции. Очевидно, не было и раньше глубоко-принципиальных доводов против участия. Оно казалось просто удобнее, практически целесообразнее. Но если кризис был столь глубок и только соц.-дем. могла дать ему разрешение, почему же в руках буржуазии оставлены были все главнейшие посты, а революционная демократия ограничилась довольно глупой демонстрацией своей незаинтересованности во власти и разделе министерских портфелей.

Не изменив ни на йоту политики правительства своим участием в нем, усилив блительность и тем ослабив фактический контроль за правительством органов революционной демократии, соц.-дем. меньшевики и соц.-рев. незаметно превратились в самых горячих защитников правительства. Ничего еще фактически не сделав для осуществления программы мира, провозглашенной 14 марта, лидеры совета и члены правительства уже в начале мая развивают огромную агитацию за оборону страны, подготовляя наступление 18 июня, предпринятое по требованию Антанты. Идеи «бургфридена» овладевают умами. Но как и во всей Европе эта идея пролетариату приносит одни лишь разочарования.

Все надежды при помощи коалиции тащить влево цензовую буржуазию оказываются утопическими. О революционной демократии можно сказать: «Du denkst zu schieben und wirst geschoben». [illegible]
[illegible]

правительства приобретает все более сторонников. В «Бунде» намечается постепенный рост большинства за отказ от коалиции с буржуазией. Это заметно уже на заседании пленума Ц. К. «Бунда» 28—30 мая, когда позиция Абрамовича уже не встречает столь решительного противодействия.

Сам Церетели, повидимому, склонялся к этой позиции. Приходится сожалеть, что в сборник речей Церетели, изданный Ст. Ивановичем, не попала речь его, произнесенная в Киеве 30 июня, почти накануне июльских дней. В речи этой, произнесенной с большим подъемом, Церетели проводил одну основную идею, которую можно передать в следующих словах: «Революция развивается по своему собственному логическому пути, подталкиваемая внутренними классовыми противоречиями. Она прямо идет к осуществлению своих демократических задач, поставленных перед ней самым революционным классом — пролетариатом. Из шага в шаг уменьшается количество ее попутчиков. Революция отметает их в сторону, но идет своим путем. Так было с Гучковым, Милюковым, так будет и дальше. При вашей поддержке нам не страшны никакие разрывы»... и т. д. и т. д.

Слушая Церетели, казалось, что в этот момент не демократия играет в правительстве роль заложников, а, наоборот, правительство находится под непосредственным руководством революционных сил. И речь Церетели не была лишена актуальности. Он приехал в Киев вместе с Керенским и Терещенко ликвидировать прежние ошибки кадетских политиков в украинском вопросе, он приехал мириться с Центральной Радой. И речь его была как бы публичным ответом скептикам из Центральной Рады, она означала: «Революция поставила на очередь осуществление автономии Украины — и эта автономия должна осуществиться, будь то с согласия кадетов или вопреки им, будь то с ними или против них».

И поздно ночью 30 июня, когда тексты универсала и заявления Временного Правительства по украинскому вопросу были уже выработаны, и когда вдруг из Питера попросили Церетели не опубликовывать их без обсуждения в правительстве, Церетели твердо заявил: «Это лишь временная чисто формальная задержка; то, что мы с вами здесь решаем, это обязательно и для правительства, от имени которого я здесь выступаю». Свое обещание и намеченную в киевской речи линию поведения Церетели в первые дни июля полностью провел: кадеты отказались итти в ногу с революцией и были ею отметены. Киевские документы были опубликованы — кадеты ушли из состава правительства. Но недолго держался сам Церетели этой линии. В испуге перед 3 июля он отступил и снова вернулся на позицию безусловной коалиции с цензовой буржуазией. Единственными следами его [illegible] поворота [illegible] его речь и украинск[illegible]

написанные в Киеве, да циркуляр его губернским комиссарам, изданные Церетели в те несколько дней правительственного кризиса, когда он осуществлял функции министра внутренних дел в несуществующем кабинете.

Из испуга демократии родилась новая коалиция с возвратом в нее кадетов. Это второе коалиционное правительство было признаком явного поворота вправо. Я помню наши встречи и разговоры с членами этого нового правительства Кокошкиным, Некрасовым, Авксентьевым, когда украинская делегация приехала в Петроград для реализации соглашения, заключенного в Киеве. Кокошкин и бар. Нольде должны были определить конкретное содержание украинской автономии. Я помню впечатление, которое осталось у всех нас после совещания в кабинете Авксентьева всех приехавших из Украины губернских комиссаров. В кабинете Авксентьева уже не следовало тогда говорить о революции, ее задачах, развитии, а только о задачах государственности, порядке и пр. Соц.-дем. испугались июльских дней, а разве могла не испугаться меньшевистская соц.-дем., которая все строила на сегодняшнем дне и не приучилась к неизбежным поражениям и отступлениям мировой революции, которой предстоит еще далекий путь.

Испуг охватывает и интернационалистские группы меньшевизма. Они также рекомендуют революционной демократии позицию обороны от крепнущей реакции вместо прежнего натиска. Нет уже решительного требования разрыва с буржуазией. В тезисах Мартова, формулированных в середине июля, говорится: «Власть не должна перейти к имущим классам... В правительство должны войти только те буржуазные группы, которые согласны проводить эту программу... Если соответствующих влиятельных буржуазных групп не найдется, власть должна остаться в руках Сове[illegible]

Этот тезис недалек от тезиса Дана, также формулированного для предстоящего съезда р. с.-д. р. п.: «В то же время рабочий класс заинтересован в том, чтобы к осуществлению этой программы и тем самым к участию в правительстве привлечены были те слои имущих классов, которые способны в нынешний период революции итти рука об руку с революционной демократией». Здесь в положительной форме высказано то, что со скептицизмом повторяется и в резолюции Мартова, также не говорящего с уверенностью, что коалиции с буржуазией быть не может, быть не должно.

6 августа открывается южная конференция «Бунда», где должны сразиться оба борющиеся в соц.-дем. направления: оборонцы и интернационалисты. Последние готовились оказаться в большинстве. Но доводы [illegible] на [illegible] [illegible]. Н[illegible] [illegible] крайне. Но

здесь явной провокации со стороны реакционного генералитета, господствовавшего в ставке и подсказавшего мысль о наступлении для разгрома революции? Идея коалиции всех утомила, правительство было слишком явно кадетским. Оборонцы защищались вяло, у интернационалистов было много пылу, но и на этой конференции они не могли развить какой-либо стройной программы, боялись расшифровать свои требования «революционной постановки вопросов о мире» и также далеки они были от международной постановки вопроса о революции, как и оборонцы, и так же, как оборонцы забыли они о тезисе базельского манифеста: использовать кризис, который создается на почве войны для нанесения максимальных ударов капиталистическому строю, обо всем этом вы ни слова не найдете в проектах их резолюций.

Резолюция южной конференции вышла куцая, компромиссная. Требуя от революционной демократии прямого и последовательного проведения программы 8 июля и высказывая осуждения колебаниям пр-ва вправо, резолюция говорит: «Не надо останавливаться и перед тем, чтобы образовать новое правительство на основе *коалиции революционно-демократических сил*». Требуя от пр-ва решительных шагов на пути к миру и «поддержки каждого серьезного предложения общего мира, *с какой бы стороны оно ни было сделано*», конференция в то же время призывает к напряжению всех средств для создания на фронте революционных колонн, *способных к защите страны и революции*. На конференции интернационалисты в пылу борьбы обвиняли оборонцев в том, что те своими поправками превращают резолюцию в свою. Я проверил сейчас резолюцию, принятую конференцией с проектом ее, предложенным тов. Абрамовичем. Единственная серьезная поправка, принятая конференцией, заключалась в том, что после тезиса резолюции Абрамовича о необходимости создания на фронте революционных колонн, конференция, по моему предложению, добавила: «способных защищать страну и революцию». Но разве интернационалисты предлагали организацию этих колонн для революционной наступательной войны?

Для характеристики политических настроений в «Бунде» к этому моменту необходимо отметить, что вся резолюция в целом, знаменовавшая все же большой сдвиг, была принята большинством 36 голосов против 7 при 22 воздержавшихся, тезис же, говорящий о создании при известных условиях революционно-демократического правительства, был принят почти единогласно. Но характерна здесь разница между обозначением этого будущего правительства. В тезисах Мартова говорится: «Если соответствующих влиятельных буржуазных групп не найдется, власть должна [illegible] в руках [illegible]. В резолюции южной конференции «Бунда»

говорится глухо о *коалиции революционно-демократических сил.* Эта формула значительно шире формулы советов. И сам же Мартов впоследствии, став сторонником этой более широкой формулы, разъяснил причину ее возникновения. В статье его в бундовской «Арбетер-Штиме» от 22 ноября 1917 года, под заглавием «Новая эпоха в революции», мы читаем:

«Когда в апреле—мае говорили о передаче всей власти Советам, то тогда под этим понимали, что власть должна принадлежать не коалиции с буржуазией, но объединенной революционной демократии, организовавшейся вокруг Советов. Никому тогда не приходило в голову считать те части демократии, которые были организованы в думах, земствах, профессиональных союзах, экономических организациях и т. п., *особым классом* в отличие от тех частей демократии, которые представлены в Советах. Но с того момента, когда в Советах стали господствовать большевики, Советы эти действительно потеряли свое руководство над *объединенной* демократией. Именно поэтому левое крыло «демократического совещания», борясь против коалиции, выставило своим лозунгом—«вся власть демократии», а не «вся власть Советам».

Но ведь для всякого очевидно, что если «демократия», объединенная вокруг Советов, поддалась влиянию большевизма, а «демократия», объединенная в думах, земствах и пр. осталась под влиянием правых с.-р., меньшевиков, н. с. и к.-д., то мы здесь имеем дело с различными социальными группами и, изменив свой лозунг, меньшевики-интернационалисты, действительно, повернули вправо, открыто *отстаивая коалицию с более зажиточной частью демократии,* с теми группами, которых теперь принято называть кулацкими. Коалиция, конечно, предполагает жертвы с обеих сторон,—*взаимную* уступчивость.

Еще в № 7 от 27 апреля передовая «Арбетер-Штиме» по поводу демонстрации 18 апреля писала:

«С самого начала было ясно, при каких условиях может сохраниться единство в революции. Буржуазия должна отказаться от стремления к полновластию. Пролетариат должен отказаться от захвата власти. Каждый из противоположных классов ограничивает себя по доброй воле до того момента, пока революция укрепится».

Это была формула оборончеcкая, она резко отвергалась интернационалистами. И тов. Абрамович в своей статье «Непроизнесенная речь» в № 33 «Арб.-Шт.» пишет:

«Все должны приносить жертвы! и не только наши противники, буржуазные классы, но и мы, т.-е. те классы, которые идут с нами, на которых мы опираемся! Эта теория не нова, тов. Церетели. В Германии она носит название «гражданский мир», во Франции—«священное единение».

К чему эта тактика в России привела показывает другой лидер бундовских интернационалистов тов. Нахимсон. В статье «Основной вопрос наших разногласий» в № 32 «Арб.-Штиме», он пишет:

«Не от кого-либо другого, но как раз от наших меньшевиков-оборонцев приходится слышать [illegible] речи [illegible]
[illegible]

На это интернационалисты итти не могут. И тов. Нахимсон гордо кончает:

«Мы должны эту борьбу вести за триумф принципов классовой борьбы рабочих всех стран против сотрудничества классов, против буржуазии всех стран, за интернационализм».

Здесь конкретного положительного содержания весьма мало. Автор ополчается против военной идеологии, за мир, за интернационализм. Но где конкретная цель проповедуемой им классовой борьбы, где цели ее для русского пролетариата в революции? Все это в конце концов одна лишь теоретическая фразеология, пока интернационалисты в меньшинстве в соц.-дем. Когда же им приходится с ходом классовой борьбы в революции занимать конкретную боевую позицию, они оказываются в лагере противников революции и проповедуют новую коалицию с подлинно-мелкобуржуазными слоями, которые они впоследствии вынуждены будут также идеализировать, как в свое время «оборонцы», по правильному замечанию тов. Нахимсона, идеализировали цензовую крупную буржуазию.

Но интернационалистам так и не пришлось в России осуществить свой коалиции с мелкой буржуазией: этому помешало утверждение Советской власти. Проделать этот опыт выпало на долю «Бунда» на Украине, и здесь эта тактика так же себя в конец скомпрометировала, как тактика коалиции с цензовой буржуазией в первый период революции.

3. Украинское национальное движение и «Бунд».

Политика «Бунда» по отношению к украинскому движению имеет один основной грех, но грех этот не первоначальный, он—результат общей политической позиции «Бунда», особенно во второй период революции. «Бунд», как и весь меньшевизм, ориентировался на буржуазно-демократический характер революции и не ставил пролетариату особых практических задач, которые отделяли бы его от других классов. Вступив на путь участия в революционно-государственном строительстве страны, «Бунд» в каждый данный момент чувствовал ответственность за успехи *всей* революционной коалиции и стремился в каждый отдельный момент в максимальной степени «улучшить» общую работу. Это—путь неизбежного соглашательства оппортунизма.

Украинское движение в его отношении к коммунистическому рисуется нам сегодня, как контр-революционная сила. Иным и не может быть движение, объединяющее собственнические мелко-буржуазные кулацкие слои, испугавшиеся за целость накопленной собственности и [illegible] к социалистическому пролетариату. Контр-

ционной была поэтому роль Центральной Рады, объединившей все анти-большевистские силы, контр-революционной [illegible] и роль Директории, с оружием в руках сопротивлявшейся социальному освобождению трудящихся масс.

Эта сторона движения открыто проявилась немедленно же после большевистского переворота. Но она в начале не могла пугать «Бунд», сам настроенный анти-большевистски и видевший в противодействии большевизму защиту демократических завоеваний революции. «Бунду» импонировала, его привлекала другая сторона украинского национального движения, также вытекавшая из его [illegible]ко-буржуазного характера и так определенно проявлявшаяся в первый период революции. Это та сила противодействия, которое национальная украинская идеология естественно создает против всякой попытки помещичьей, а потому и анти-украинской реставрации. Правда, во второй период революции, став на путь борьбы с большевизмом, Центральная Рада не удержалась и на этой демократической высоте, и со ступеньки на ступеньку катилась от предательства к предательству, но эти ее произвольные анти-демократические действия впоследствии оттолкнули от нее «Бунд» и толкнули его в лагерь решительной оппозиции в Центральной Раде. В демократической непоследовательности «Бунд» упрекать не приходится.

В июне месяце 1917 года на долю «Бунда» выпадает роль инициатора в деле примирения между Центральной Радой — с одной стороны и Временным Правительством и местными неукраинскими революционными организациями — с другой. Стремление все серьезные вопросы революции откладывать до Учредительного Собрания давно уже скомпрометировало себя, как определенное стремление буржуазии к отсрочке реформ до времени, когда, как [illegible]лось, ситуация будет более для нее выгодная в [illegible]идаемого распыления революционных сил. Но когда речь заходила до национальных вопросов, стремление к отсрочке с новой силой возникало в рядах революционных групп, маскируя собой или отсутствие позиции, или же, [illegible], налет российского национализма. Когда российские меньшевики и соц.-рев. в Киеве столь энергично выставляли свою общерусскую точку зрения в противовес украинской, часто забывая о положительной стороне движений, [illegible] часто бывало лишь противопоставление двух национализмов.

В начале июня Центральная Рада в ответ на новое отклонение украинских требований об автономии опубликовала свой первый универсал и образовала Генеральный Секретариат, нечто в [illegible]
[illegible]

национальному признаку. Чтобы не дать развиться этой борьбе, «Бунд» выдвинул идею образования органа краевой власти на началах соглашения с Врем. Пр-вом и объединения всех местных революционно-демократических сил [1]). Про-

---

[1]) Приводим полностью резолюцию «Бунда» по украинскому вопросу:

«Обсудивъ вопрос об украинском движении в связи с опубликованием «Универсала», Бюро Южного Областного Комитета «Бунда» находит:

1) что при силе украинского движения и проявившихся в нем автономистских тенденциях, являющихся естественным результатом вовлечения в процесс революции широких народных масс, то сеяние недоверия к российской революционной демократии и ее высшему органу—Всероссийскому Временному Правительству,—которое имеет место в «Универсале», ставит украинское национальное движение на путь разрыва с революционной демократией и создает условия для обострения внутренних трений между населением Украины;

2) что при существовании на Украине органов революционной демократии в лице Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, Центральная Украинская Рада, опирающаяся исключительно на украинскую нацию, не может быть авторитетным органом краевой власти и может явиться источником национальной междоусобицы.

Для предотвращения этой опасности и удовлетворения законных желаний как украинской нации, так и всех других наций, живущих на территории Украины, Временное Правительство должно создать общественный территориальный орган, который должен быть составлен на началах представительства от организованных демократических масс всего разноплеменного населения края, в том числе и от Украинской Рады. Этот орган, в качестве представителя Всероссийского Временного Правительства, будет иметь основной задачей проведение в жизнь на территории Украины всех задач революционного строительства, намеченных в программе российской демократии, и установление форм и способов введения автономного строя на Украине.

В этих интересах Бюро Южного Областного Комитета «Бунда», обсудив вопрос о средствах и путях справедливого удовлетворения национальных стремлений украинской и всех других наций Украины, остановилось на выдвинутой Центральной Украинской Радой идее территориального съезда.

В полном убеждении, что:

а) этот съезд будет соответствовать интересам дальнейшего развития революции и демократизации государственного строя России;

б) что участие в этом съезде демократии вообще и социал-демократии в особенности будет способствовать мобилизации революционной демократии всех наций Украины для борьбы с шовинистическими стремлениями буржуазных классов.

Бюро Южного Областного Комитета «Бунда» считает, что созыв территориального съезда представителей всего населения без различия национальностей сумеет не только осуществить последовательную демократизацию всех сторон жизни Украины, но и сочетать территориальную автономию Украины с автономией национальных меньшинств, обеспечив каждой из них право на национально-культурную автономию и равенство с прочими нациями во всех вопросах национальной и государственной жизни.

Гарантию этого Бюро Южного Областного Комитета «Бунда» усматривает в следующих условиях:

1) территориальный съезд должен быть созван на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права с пропорциональным представительством;

2) выработанный съездом проект статута территориальной автономии края с обеспеч[illegible] национальных прав меньшинств, представляется на утверждение В[illegible] Учредительного Собрания».

явлена была со стороны «Бунда» большая настойчивость, послан был специальный представитель для информирования центральных учреждений партии и заседавшего тогда съезда Советов о положении дел на Украине и в целях воздействия на них в сторону соглашения. При деятельном участии представителей «Бунда» секция по национальному вопросу включила в резолюцию нижеследующий тезис, потом утвержденный и съездом и ставший директивой для представителей Советов во Временном Правительстве:

«Вместе с тем, для укрепления завоеваний революции и для объединения трудовой демократии всех наций, революционная Россия должна немедленно приступить к децентрализации управления, что открывает широкий путь самодеятельности демократии и развитию народных сил всех национальностей».

В форме общих положений эта резолюция повторяет все предложения «Бунда». Эта резолюция и побудила правительство делегировать Церетели, Керенского и Терещенко к концу июня в Киев для заключения мира с Украиной: в тылу брусиловского наступления украинская оппозиция была опасна. Мы говорили уже выше (см. главу «До октябрьской революции») о состоявшемся тогда соглашении, о выступлении Церетели, о поездке делегации в Петроград, о конфликте с кадетами накануне июльских дней и о тех первых отрицательных впечатлениях, которые вынесла украинская делегация из ее встреч и переговоров с деятелями правительства новой коалиции.

Это новое правительство не преминуло создать новый конфликт с Центральной Радой, в состав которой уже входили представители всех местных неукраинских революционных и общественных организаций. Та инструкция, которая была утверждена правительством 5 августа, ничего общего не имела ни с киевским соглашением, ни с резолюцией съезда Советов и нисколько не открывала широких путей для развития самодеятельности. Вся задача этой инструкции была в том, чтобы бюрократическими путями опутать все революционное движение и подчинить его бюрократическому контролю петроградских канцелярий. Было ясно кадетское происхождение этого документа и было поэтому понятно, что в ответ на него партии украинской Центральной Рады решили готовиться к дальнейшей борьбе не только за национальные лозунги, но и за свержение власти кадетов.

Собственная позиция украинских националистов, как она выразилась в резолюциях так называемого «съезда народов», происходившего в Киеве в июне под председательством Грушевского [1], могла бы быть формулирована, как требование

---

[1]) Этот «съезд народов» созван был по инициативе [illegible]. На съезд [illegible] только [illegible]

конфедерации, совершенно самостоятельных национальных государств. Но это была музыка будущего. Пока же украинская Центральная Рада и все партии в ней, настроенные резко враждебно к кадетам, ориентировались на большевизм. Они отказались от участия в Московском Государственном совещании, партийные съезды соц.-дем. и соц.-рев. требовали немедленного мира, замалчивая задачу обороны, а когда в сентябре украинские партии приняли участие в демократическом совещании, их делегаты имели мандат бороться против всякой коалиции с цензовыми элементами и отстаивать однородно-социалистическую власть.

Борьба на демократическом совещании показала украинским деятелям, что переворот близок, что необходимо загодя укреплять свои национальные позиции. Генеральный Секретариат, утвержденный Временным Правительством, приступает к организации собственной национальной гвардии, под названием «вильного козацства». Участвовавшие еще в этом заседании Секретариата представители меньшевиков (Н. К. Василенко) и «Бунда» (автор настоящего очерка) резко возражают против этого проекта, предсказывая, что это «вильно казацство» будет использовано мелкой буржуазией в борьбе против рабочего класса; предсказание это вполне оправдалось. Тот же Генеральный Секретариат в первой же декларации своей выступает с лозунгом созыва Украинского Учредительного Собрания.

Против этой идеи мы не возражали, но затем был выдвинут вопрос о суверенитете. Председатель Секретариата Винниченко был прав, когда ответил в Ц. Р. на вопрос к.-д., что всякое Учредительное Собрание имеет все права, вытекающие из самого его названия (этот ответ вызвал уход к.-д. из Центральной Рады). Но этот ответ все же не выяснил вопроса о взаимоотношениях между Украинским и Всероссийским Учредительным Собранием: за кем из них последнее слово в случае разногласий. В постановке украинских партий это был в сущности спор даже не между формулами «автономии» и «федерации», а скорее между «федерацией» и «конфедерацией». «Бунд» же между тем по смыслу своей программы был весьма далек и от федерации.

Свой ригоризм в национальном вопросе «Бунд» на Украине сдал довольно быстро, видя всю неизбежность более свободных отношений между отдельными областями крестьянской России при демократическом строе. Ход борьбы и неожиданное грубое вмешательство правительства в этот спор заставили «Бунд» пойти на дальнейшие уступки, чтобы демонстрировать единство украинской и неукраинской демократии перед лицом давления правительства, отшедшего от лозунгов демократии.

Это был уже период, когда анти-коалиционные настроения в «Бунде» совершенно окрепли, а ориентация на демократическую власть была совершенно определенной. И вот, почти накануне октябрьского восстания распространяется оправдавшийся слух о том, что прокурору палаты в Киеве предписано правительством привлечь к судебной ответственности Генеральный Секретариат за его стремления к отделению от России. Фракция «Бунда» отправляет следующую депешу в предпарламент (Совет республики) через бундовскую фракцию в нем:

«Петроградские корреспонденты местной печати распространяют слухи, что Врем. Правит. предполагает сделать выступление по украинскому вопросу и ранее предпринять репрессии против Генерального Секретариата и Рады за проявляемое ею стремление к отделению от России, демонстрируемое в решении созвать Украинское Учредительное Собрание. Представители «Бунда» в Ц. Р., в согласии с Бюро Южного Областного Комитета «Бунда», просит фракцию «Бунда» в Совете республики принять все меры к тому, чтобы остановить это выступление правительства, пока вопрос не будет обсужден в Совете республики. Преждевременное выступление, и притом со стороны одного правительства, при нынешнем положении вопроса и без общего его освещения приведет к особому обострению вопроса. По существу сообщаем: необходимость созыва Украинского Учредительного Собрания, прокламированная декларацией Генерального Секретариата, признана нами, соц.-дем. и соц.-рев. и всеми партиями в Ц. Р., кроме кадетов. Вопрос о суверенитете, возникший позже, сейчас обсуждается Ц. Радой и вызывает острые разногласия. Но ни одним постановлением Секретариата суверенитет Украинского Учредительного Собрания не зафиксирован. Вместе с меньшевиками и с.-р. мы добиваемся в Ц. Р. определенного решения, которое признавало бы суверенитет Всероссийского Учредительного Собрания. Вопрос, вероятно, решится завтра».

Телеграмма отправлена была 21 октября, а назавтра в Малой Раде представитель «Бунда» от имени трех фракций сделал заявление следующего содержания:

«Все три фракции (Бунд», меньшевики и с.-р.) стремятся создать единство фронта украинской и неукраинской демократии. Принимая во внимание травлю, которая поднята контр-революционными элементами против украинского движения, мы снимаем свое [illegible] предложение и голосуем за выработанную сообща резолюцию».

Сама резолюция Рады гласила:

«Заслушав разъяснения Генер. Секретариата и еще раз подтверждая необходимость единства Федеративной Российской Республики, Малая Рада признает, что воля народов Украины к самоопределению может быть выражена только через Украинское Учредительное Собрание и что эта таким образом выявленная воля будет согласована с волей других народов России, которая найдет свое выражение во Всероссийском Учредительном Собрании. Глубоко убежденная в том, что права народов Украины будут вполне обеспечены во Всероссийском Учредительном Собрании, Малая Рада переходит к очередным делам».

Мы несколько подробнее остановились на этом эпизоде в самый канун октябрьского восстания, так как он вполне характеризует отношения, сложившиеся к этому моменту в Киеве как между «Бундом» и Центральной Радой, так и между последней и Временным Правительством.

[illegible] Бунд [illegible]

критически литературу того времени, мы должны признать, что в отношении «Бунда» к Центральной Раде имеется значительный элемент идеализации, но все же мелко-буржуазный характер всего движения деятелям «Бунда» был ясен. Характерно, что резолюции, относящиеся к этому первому периоду, меньше проникнуты критическими замечаниями, чем отдельные статьи даже за подписью М. Рафеса, который обычно больше других обвиняется в соглашательстве и оппортунизме по отношению к Ц. Р.

В резолюции Южной конференции Бунда 5—10 августа мы читаем:

«Массовый характер и сила украинского национального движения являются результатом того, что революция пробудила к активной политической жизни широкие массы украинского народа, связывающего свою борьбу за демократизацию государственнаго строя России и преобразование его в демократическую республику с борьбой за национально-территориальную автономию».

«В единстве демократии всех наций конференция усматривает единственный способ борьбы с отрицательными явлениями, вытекающими из недостаточной классовой дифференцированности украинского национального движения. Громадное преобладание в Ц. Р. крестьянских партий над рабочей и недостаточно выдержанная линия классовой политики укр. соц.-дем. (это сказано очень мягко. М. Рафес) придают всему украинскому движению националистическую окраску и создают представление об уклон всей украинской демократии в сторону разрыва с демократией неукраинской (это всё то же очень мягко. М. Р.)».

Далее резолюция несколько раз подчеркивает требование культурно-национальной автономии для национальных меньшинств и равноправия языков, ставя его, *как условие* автономии Украины. Относительно генерального секретариата сказано, что

«участие соц.-дем. в составе этого Секретариата возможно только при условии *полного соответствия его деятельности* задачам революционной демократии как общим, так и по отношению к национальному вопросу».— условие, которого «Бунд» на Украине никогда не держался.

Гораздо более определенно высказывается в № 2 «Фолксцайтунг» от 23 августа в статье «об украинской автономии» тов. М. Рафес (он же один из авторов резолюции, сейчас цитированной):

«Кроме демократических тенденций, каждое национальное движение носит в себе большую струю шовинизма. Европейские рабочие хорошо знают эту разницу: это—глубокая пропасть, отделяющая национальные требования «Бунда» от воинствующей шовинистской политики сионистов.

И в украинском движении имеется эта струя шовинизма. У украинского народа, по преимуществу крестьянского, последние годы стала выделяться мелкая и средняя буржуазия. Так же, как в Польше, эти слои проникнуты антисемитизмом и вообще ненавистью к «чужим». Они желали бы *украинизировать* всю жизнь, из всех областей выбросить евреев, русских, поляков, самим захватить все экономические позиции. Идейные вожди их, это—их же дети, дети буржуазии, интеллигенция, настроены еще более воинственно, чем сама буржуазия».

Тут никакой идеализации нет. Но в той же статье автор [illegible]

«Необходимо подчеркнуть разницу между польско-еврейскими и украино-еврейскими отношениями. Там, в Польше, руководство лежало в руках имущих классов,—евреи получили антисемитизм, здесь соглашение заключено революционно-демократическими слоями народа, и потому сразу был признан принцип полного гражданского, политического и национального равноправия еврейской национальности. Представитель евр. соц.-дем. партии «Бунда» вошел в первый Генеральный Секретариат будущей автономной Украины. Создан специальный пост (вице-секретарь по евр. национальным делам), который в руках еврейской демократии будет средством для укрепления национального равноправия.. Все это — завоевание революции, все это—результаты соглашения...».

Здесь тон оценки несколько приподнятый, ибо если Ц. Р. базирует на проникнутой антисемитизмом мелко-буржуазной массе и если вожди ее, интеллигенция, еще более воинственно настроены, чем буржуазия, то вопреки всем прекрасным институциям для охраны прав национальных меньшинств в жизни все же будут и погромы, и национальные ограничения. Это обстоятельство не мешало отметить и в августе 1917 года, чтобы это не было неожиданным в ноябре. Об органах национальной автономии, сыгравших большую роль в политической эволюции «Бунда» на Украине, мы еще будем иметь случай говорить подробнее.

Резкую статью против украинского сепаратизма мы находим в № 8 «Фолксайтунг» от 20 октября, в период борьбы по вопросу о суверенитете Учредительного Собрания и почти накануне соглашения на примирительной формуле. Статья настолько резкая, что кажется странным, как был найден потом общий язык:

«В украинском движении снова поднимает голову сепаратизм. Мысль о полном отделении от России становится все более популярной среди всех украинских соц.-дем.... Украинские националисты полагают, что отмежевав свою украинскую революцию, они спасают свое будущее. Это — жестокая ошибка. Если ослабеет революция в России, то никто, ни одна часть себя не спасет от опасностей контр-революции. Тогда все погибнет..

Всероссийское Учредительное Собрание—это высшая инстанция. Ему и только ему принадлежит последнее слово. Это должны признать и украинские социалисты, если они желают сохранить в силе соглашение с российской революционной демократией...»

Украинские социалисты этого последнего принципа не признали, он в компромиссную формулу не вошел. Но тем не менее соглашение состоялось благодаря уступчивости «Бунда», не желавшего играть на руки контр-революции.

Так подготовлялся тот блок между «Бундом» и украинской мелкой буржуазией, который вступил в силу немедленно после октябрьского выступления большевиков.

Для устранения недоразумений, мы считаем нужным в заключение остановиться еще на одном вопросе: в какой мере «Бунд», в целом несет ответственность за позицию в украинском вопросе, занятую Южным Областным Комитетом «Бунда. На этот вопрос можно ответить [illegible]

лах июля принял следующую резолюцию по украинскому вопросу:

«Будучи солидарен с позицией, занятой Бюро Южн. Обл. Ком. «Бунда» в украинском вопросе и с выдвинутой Бюро в его резолюции идеей образования территориальных представительных органов от организованных демократических масс всего многонационального населения Украины;

полагая, что при создавшихся на Украине условиях и в виду общего революционного кризиса в стране безусловно необходимо образование в крае высшего органа власти и что сейчас это возможно только путем пополнения Генерального Секретариата, выдвинутого украинским движением, представителями не украинских демократических организаций;

устанавливая далее, что, по соглашению между Врем. Прав. и Центр. Укр. Радой, только этот реорганизованный Генеральный Секретариат, утвержденный Врем. Правит., сможет быть органом местной власти на Украине;

считая, что активное участие соц.-дем. партии в составе Ц. Р., ее Исполн. Комитета (Малой Рады) и секретариата, ныне реорганизуемых, может обеспечить осуществление общих революционных задач и подготовить основания для разрешения национального вопроса на Украине и в то же время это участие даст возможность объединить силы соц.-дем. различных наций на основе единой программы и тактики,—

Ц. К. высказывается за участие соц.-дем. в Ц. Р., Исполнительном ее Комитете и Генеральном Секретариате. Вступление в состав Генерального Секретариата должно быть связано соглашением о платформе деятельности и компетенции Генерального Секретариата и о форме, в какой должны быть гарантированы права национальных меньшинств».

В общем и целом это та же резолюция, которая спустя месяц была с некоторыми оговорками принята и южной конференцией «Бунда».

III. ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

1. Первые недели после переворота.

Когда я пишу эти строки, российский и значительная часть международного пролетариата готовится к празднованию второй годовщины октябрьского переворота 1917 года, этого дня, с которого начинается летосчисление мировой социалистической революции. Живущий бок-о-бок с российским пролетариатом, связанный через своих представителей общими пролетарскими и революционными органами, еврейский рабочий класс, организованный под знаменем «Бунда», оказался в стороне от этого могучего движения. Этого факта не может изменить никакая последующая перемена, никакие более поздние расколы и перегруппировки в «Бунде». Описание тактики и позиции «Бунда» в целом и его отдельных организаций дает нам поэтому лишь картину большего или меньшего шатания, большей или меньшей [illegible]

различно для дальнейшей эволюции партии, и нам поэтому придется несколько подробнее остановиться на роли, сыгранной «Бундом» в течение этого краткого, но бурного периода октябрьского переворота.

Роль «Бунда» и отдельных его вождей была в эти дни велика и заметно выделилась в таких центрах, как Петроград, Киев, Минск, Одесса, Екатеринослав.

В Петрограде тов. Абрамовичу пришлось сыграть роль одного из самых активных лидеров той тактики, которая окрещена именем «Викжеля», зато т. Либер был в числе застрельщиков правого фланга соц.-дем.

Подготовленный предыдущей эволюцией и будучи противником коалиции с цензовыми элементами, «Бунд», как он ни был враждебен тактике вооруженного свержения революционного правительства одной лишь партией большевиков и притом за несколько недель до выборов во Всероссийское Учредительное Собрание, не мог, по самому существу своей позиции, находиться в лагере тех, которые вооруженной рукой защищали правительство Керенского. Скорее других «Бунд» мог быть склонен считать окончательно закрытой ту страницу истории русской революции, которая вопреки воле пролетариата писалась все еще Керенским, и поскорее перейти к очередным делам, которые открывались фактом свержения этого неудачливого правительства. Роль «Викжеля» как нельзя более подходила к «Бунду», в большинстве еще в сентябре высказавшемуся за однородно-социалистическое правительство или точнее за демократическую власть. И «Бунд», действительно, повсюду «викжелил», объективно принеся большевикам значительную пользу тем, что содействовал уменьшению количества тех групп и даже военных сил, которые могли быть двинуты в Петроград на помощь правительству Керенского. Так было в Минске, в этом центре северо-западного фронта, так было и в Киеве, и в Екатеринославе, где были приняты прямые постановления о неотправке войск против восставших большевиков; эти постановления были одним из условий прекращения или невозбуждения вооруженной борьбы в том или ином центре.

Резолюция Ц. К. р. с.-д. р. п. (объединенной), в котором представлен и «Бунд», гласила (принята в день переворота 26 октября в Петрограде):

«Захватив посредством военного заговора власть, большевики совершили насилие над волей демократии и узурпировали права народа. Ц. К. объед. р. с.-д. р. п. полагает, что важнейшей задачей момента является объединение всех пролетарских и демократических сил, чтобы избежать гибели революции и полного торжества анархии и противодействовать натиску контр-революции.

[illegible]

политических, профессиональных и армейских демократических организаций.

Центральными политическими лозунгами должны быть: созыв Учредительного Собрания к назначенному сроку, приступ к переговорам о заключении всеобщего мира».

В тот же день Ц. К. р. с.-д. р. п. принята и вторая резолюция о соглашении с большевиками:

«Обсудив создавшееся положение и находя, что все прочие мотивы должны отступить на второй план перед настойчивой необходимостью не допустить дальнейшее кровопролитие, война между самими рабочими и гибель рабочего движения, Ц. К. Объед. р. с.-д. р. п. постановляет:

принять участие в попытке образования однородной власти с участием социалистических партий от нар. соц. до большевиков».

Эта резолюция Ц. К., как известно, вызвала раскол в Ц. К. и выход из него всех почти «оборонцев» (кроме Дана), выпустивших особое обращение по этому поводу ко всем членам р. с.-д. р. п. Обращение это, проникнутое «активистским» духом среди, других имен подписано и тов. Либером, Гельдманом и датировано 1 ноября 1917 года.

Аналогична резолюции Ц. К. р. с.-д. р. п. и резолюция минской организации «Бунда», принятой при участии Бюро Ц. К. «Бунда».

«Передача власти Советам означает установление диктатуры солдат и части рабочего класса. Это означает переоценку своих собственных сил, сокращение базы революции, увеличение сил контр-революции и должно привести к поражению революции...

В центре должна сейчас быть организована демократическая власть, опирающаяся на самые широкие слои народных масс—на самую широкую демократию».

Здесь, в Минске, тактика несколько более резкая и приводит к выводу, который не был сделан ни одной другой организацией «Бунда», именно: к выходу фракции «Бунда» из Совета при отказе местных большевиков, имеющих в нем большинство, от соглашения и поддержки «власти, образованной в Петрограде». Этот выход и был осуществлен, но впоследствии фракция вернулась обратно в Совет.

Сложнее была тактика в крупных центрах Украины. Здесь всегда была еще третья борющаяся за власть сила в лице Центральной Рады или ее местных органов, спешивших использовать переворот для укрепления украинской власти. Тактика украинских партий и фракций в Советах заключалась в поддержке большевистских выступлений, а затем в использовании новой ситуации в своих целях.

Особенно сложна была ситуация в столице Украины, в Киеве. Большевистское большинство Совета еще 22 октября образовало при протестах всех фракций «Революционный Комитет» в составе шести лиц, не опубликовав даже персонального состава. Готовившаяся к перевороту Центральная Рада [illegible] к [illegible] числам октября в Киев третий съезд [illegible] [illegible], [illegible] в [illegible] Ц. Г. [illegible]

низаций всей прифронтовой полосы. Все это были тысячи вооруженных людей. Временное Правительство имело на своей стороне лишь часть местного гарнизона, группировавшаяся вокруг штаба военного округа. Большевистская агитация сильно ослабила силу сопротивления гарнизона и вновь прибывающих войск.

Городская дума стала в подавляющем своем большинстве на сторону Временного Правительства. К этому моменту как-то незаметно стерлись грани между меньшевиками, соц.-рев., кадетами и даже правыми—все стремились отмежеваться от большевиков и только от большевиков. В комитет спасения революции, который очень быстро слился со штабом военного округа, были избраны (при протестах «Бунда») и представители к.-д. и национально-буржуазных групп. Политически сторонники Временного Правительства группировались вокруг тройки из командира военного округа *Квецинского*, из политического комиссара при нем *Кириенко* (с.-д., меньшевик, бывший член II Госуд. Думы) и комиссара гор. Киева *К. П. Василенко* (с.-д. меньшевик).

Военные действия большевиков и украинцев были согласованы. Центральная Рада образовала «Краевой Комитет спасения революции», куда вошли и представители большевиков. Последние, до сих пор отказывавшиеся от вступления в Малую Раду и ограничивавшиеся участием в Центральной Раде для демонстративно-информационных целей, сейчас вошли в состав и Малой Рады, куда были делегированы тт. Пятаков и Затонский. Это было одно из условий соглашения с украинцами.

Казаки также не имели намерения оставаться нейтральными. Их активность сдерживалась выступлениями Центральной Рады, так как и казаки и украинцы были объединены участием в так называемом Совете народов, созданном на киевском съезде различных национальных групп. На заседании Малой Рады Грушевский напомнил им, что они не в праве действовать вооруженной силой на *территории другого народа*, и угрожал конфликтами в будущем. Возможно, что здесь в этот момент и состоялось какое-либо тайное соглашение между казаками и украинцами для взаимной охраны против большевизма: казаки действительно стали переходить на нейтральную позицию, когда убедились, что власть переходит не к б-кам, а к Ц. Р.

Из всех трех фракций социалистического блока один только «Бунд» резко и решительно отказался от поддержки Временного Правительства. Заявление об этом в думе тов. Рафеса, характеризовавшего погибшее правительство словами «Правительство гражданской войны», вызвало дружные ну- [illegible] выступления в думе против «Бунда» от правых [illegible]

фес, одновременно отмежевавшись от б-ков, высказал уверенность, что Украина будет избавлена от ужасов гражданской войны, благодаря организованности населения и наличности влиятельного политического центра, как Ц. У. Р., которая и должна стать преемницей власти на Украине до образования нового общеукраинского центрального правительства.

В начале казалось, что участие б-ков в Ц. Р. означает их отказ от вооруженной борьбы на Украине, отказ от стремления к захвату власти здесь. С течением времени выяснилось заблуждение, и по инициативе «Бунда» в Малой Раде поставлен был вопрос об осуждении петроградского восстания. Обсуждение этой резолюции и ее принятие привело к разрыву между Ц. Р. и б-ками и к уходу последних как из Ц. Р., так и из «Краевого Комитета спасения революции».

1 ноября Бюро Южного Областного Комитета «Бунда» имело уже возможность разослать следующую циркулярную депешу всем крупнейшим организациям на Украине:

«После четырехдневной кровавой борьбы между военными частями штаба округа, украинскими, казацкими и большевистскими вся власть перешла к Генеральному Секретариату Ц. Р. Штаб бежал, а частью арестован украинским Войсковым Комитетом. Генеральный Секретариат пополнен комиссарами по всем отраслям государственной жизни и распространяет свою власть на территорию всей Украины. Власть Ген. Секр. признана помощником комиссара при штабе округа, киевской городской думой. Среди других представителей неукраинских организаций в состав Генер. Секр. вступил также и представитель «Бунда» — т. Золотарев [1].

Большевики прекратили забастовку. В городе тихо.

Необходимо самым резким образом отмежеваться от большевистской диктатуры в центре и на местах. В центре власть должна быть революционно-демократической в составе представителей всех социалистических партий от н. с. до большевиков без всякой коалиции с к.-д. и крупной буржуазией. На Украине необходимо поддержать Генер. Секр. Ц. Р., построенный на этой же основе, и будет стремиться к признанию его Центральной властью, лишь только последняя сорганизуется.

Власть в каждом городе должна перейти к городской думе, которая должна учреждать специальные революционные комитеты по соглашению со всеми револ. организациями. При штабах военных округов необходимо учреждать комиссариаты из представителей револ. организаций.

Необходимо без перерыва продолжать подготовку к выборам в Учр. Собр., которые назначены на 12 ноября».

На протяжении одной недели почти нейтралистская линия «викжелевия» испаряется и заменяется, как мы видим из этой циркулярной депеши, определенной позицией поддержки Генерального Секретариата, не признанного большевиками, то-есть поддержка его против большевиков. Авторы циркуляра подчеркивают, что Секретариат также построен по принципу «от н. с. до б-ков». Это основано на том, что укр. соц.-дем. на своем последнем тогда съезде солидаризовались со всеми лозунгами б-ков. Но ведь одно дело сходство

---

[1] В [illegible] сентября — октября «Бунд» из-за мелких трений и [illegible] [illegible] аппарата Ц. Р. в Секретариат не входил.

фразеологии, а другое вопрос о социальной основе партии. Несмотря на всю свою «идеологию», укр. с.-р. не имели влияния в рабочей массе и были фракцией мелкой буржуазии. Включением их в Украинское правительство отнюдь не достигалось прекращение гражданской войны. Большевистски настроенный пролетариат раньше или позже снова станет на путь борьбы для свержения и этого Генер. Секретариата, ибо последний отрицает основы октябрьского переворота в остальной России. Циркулярная депеша проникнута спокойствием, она призывает лишь резко отмежеваться от большевистской диктатуры. Для первого времени спокойствие это было понятно: борьба пока прекратилась. Но позже эта позиция получила иной характер и стала по отношению к большевикам позицией активистской в противоположность позиции интернационалистов, требовавшей отказа от участия в подавлении большевизма. Позиции сходились случайно вначале вследствие общего отрицательного отношения к свергнутому правительству и нежелания поддерживать вооруженную борьбу против б-ков, когда последняя велась буржуазной контр-революцией, группировавшейся вокруг Временного Правительства.

За десять дней центр «Бунда» в Киеве поправел. То единство настроения, которое характерно для местной киевской организации «Бунда» в первые дни восстания, когда лидеры «Бунда» отмежевывались от соседей справа, поэтому постепенно улетучивается; в январе 1918 года разногласия снова вспыхнут, приведут к открытому бурному конфликту внутри той же киевской организации, которая не хотела, подобно лидерам, межеваться от друзей слева.

Организации «Бунда» в Одессе и Екатеринославе, идейно также осуждавшие большевизм, в стремлении своем сохранить контакт с рабочей массой и, так сказать, *изнутри* сдерживать ее от большевистских крайностей, заняли несколько отличную от других городов тактику: они вступили в состав избранных советами большевистских революционных комитетов и, оставаясь там в меньшинстве, все же своей оппозицией, как они уверяли, предупредили вооруженные столкновения и смягчили гражданскую войну. Власть в этих городах, действительно, не перешла в руки б-ков, а досталась в руки объединенных органов разнообразного состава с большим влиянием украинских элементов. Эти органы признали впоследствии над собой власть киевского Генер. Секретариата.

К 7 ноября представители «Бунда» собрались на конференцию в Минск, чтобы подвести итоги этой своей работе и ориентироваться в ситуации дня. Что же сказало это авторитетное собрание «Бунда»?

Из отчета в № 27 «Фолксцайтунг» мы узнаем:

1) что все организации на местах стремились решительно отмежеваться от большевистского переворота, тактика Екатеринославской и Одесской организаций, стремившихся к единению с б-ками, встретила резкую критику и осуждение;

2) что политическая линия всех организаций за последнее время подвинулась налево, в сторону полного отказа от коалиции с буржуазией;

3) что в «Бунде» нет сторонников большевистских лозунгов и тактики;

4) что поэтому общая резолюция о моменте с оценкой переворота принята единогласно при 2 воздержавшихся (всего было 22 участника).

Резолюция вполне обстоятельная и стремится дать исчерпывающее объяснение происшедшему перевороту:

«Восстание... — результат недовольства, накопившегося в широких кругах рабочего класса и армии на почве затянувшейся войны, растущего продовольственного кризиса, узко-эгоистической политики буржуазии, связавшейся с контр-революционными элементами, недовольства, выросшего на почве колеблющейся, нерешительной, антидемократической политики Врем. Прав., особенно последнего состава, не встретившей достаточного противодействия со стороны части революционной демократии».

Почему же это недовольство вылилось в форму такого решительного переворота, дающего основание говорить о свержении власти буржуазии, о социалистическом характере его. Резолюция отвечает:

«Противодействие, оказываемое буржуазией осуществлению социальных и политических задач демократической революции, и обостряющее до крайности классовые противоречия, исключительно—высокая роль в революции, выпавшая на долю пролетариата, ее авангарда; роль многомиллионной армии в процессе войны, оторвавшейся от всякой социальной базы; невысокий уровень сознательности и неорганизованность масс, — все это толкает их на путь анархии и стихийной борьбы за утопическую задачу немедленного свержения экономического гнета буржуазии».

Резолюция далее возлагает на большевиков полную ответственность за совершенный переворот и особенно резко нападает на политику террора, «открывающего дорогу для военной диктатуры контр-революции». Переходя к очередным задачам соц.-дем., резолюция намечает их несколько (мы излагаем их вкратце):

1) борьба против анархических тенденций и попыток навязать пролетариату задачи, «которые не могут быть осуществлены в настоящую эпоху»;

2) содействие образованию коалиции революц.-демократ. сил на платформе немедленного предложения мира, передачи земли земельным комитетам и созыва Учред. Собр., для ликвидации гражданской войны без репрессий по отношению к борющимся частям демократии и образования нового органа власти из всех социалистических партий, не исключая большевиков;

3) охрану всех органов революционной демократии и в то же время обеспечение авторитета органов городского самоуправления.

Труднее было определить позицию по отношению к созданной б-ками новой власти. Разногласия были резкие.

После долгих весьма страстных споров об отношении к нынешнему Совету Народных Комиссаров, совещание, исходя из его безусловной недолговечности (в этом были уверены все участники), выдвигает большинством 14 голосов против 5 тактику саботажа большевистской власти:

«Концентрировать всю револ. демократию вокруг идеи непризнания этой власти и изоляции ее для подготовки ее падения и перехода власти ко всей революционной демократии».

«Ликвидация восстания без репрессий» — это из арсенала интернационалистов. «Саботаж власти» — это уже от активизма. Мы говорили уже выше, характеризуя позицию южного областного комитета «Бунда», что в ней заметен уклон в сторону активизма, то же мы замечаем и в резолюции общебундовского совещания. Это станет яснее, если мы сопоставим эти резолюции с статьей тов. Абрамовича в № 49 «Арб.-Штиме» от 13 ноября. Статья эта под заголовком «Наша позиция» вообще заслуживает внимания, как теоретическое обоснование всей позиции «интернационалистов», иллюстрирующее всю беспомощность этого течения в момент исторического переворота октября 1917 года.

«Нет ни одного человека во всей России, кроме большевиков, который не понимал бы, что «революция» 25 октября была самым крупным несчастьем для подлинной революции, для рабочего класса и для всей России».

Эта оценка объединяет меньшевиков-интернационалистов не только с «оборонцами» в р. с.-д. р. п., но и с соц.-рев., и с кадетами, вообще со всем естественно-образовавшимся анти-большевистским блоком. Тов. Абрамович ищет того, что его политических друзей от этого [illegible] отделяет.

«Для нас было ясно, что большевистское «правительство» не может держаться, что через неделю-другую они должны [illegible] банкротировать, ибо не смогут выполнять своих обещаний, ибо не смогут платить по тем политическим векселям, которые они выдали народу...»

Эта глубина предсказания также не отделяла интернационалистов от других течений русской политической мысли. В течение двух лет банкротство большевиков предсказывалось ежедневно, пока не пришлось части противников «большевизма» самим ступить на «советскую платформу» под влиянием развития мировых событий, [illegible] предусмотренных и интернационалистами.

«Есть товарищи, которые полагают, что [illegible] большевистское восстание по сути своей не более, как военное восстание, «солдатский бунт» петроградского гарнизона, не желающего идти на фронт. Но не надо забывать, что большевистская революция не была бы [illegible], если бы она не опи

ралась на *сочувствие и симпатию широких рабочих и солдатских масс*... Большевизм стал «евангелием» широких пролетарских и полу-пролетарских масс. Для них большевизм *единственно*-возможная форма революции и социализма... Во все предыдущие революции пролетариат кровью платил за выучку. Он выдвигал «максимальные» требования и боролся за них так долго, пока железная рука капитализма не окровавливала его голову. В России мы ожидали иного конца... мы надеялись, что марксизм... удержит пролетариат от максималистских утопий и предохранит его от кровавых разочарований... Мы ошиблись... Большевизм выражает стихийное настроение революционно и социалистически-настроенных, но не зрелых малосознательных рабочих масс. Большевизм, объективно говоря—классовое движение незрелых малосознательных рабочих масс...»

Тов. Абрамович далее подробно анализирует причины, толкающие к большевизму крестьянские и солдатские массы, которые тянутся к «земле» и «миру».

Весьма характерно и для этой большой статьи, что в ней совершенно отсутствует анализ международных перспектив революции. Можно в каждый момент большевистского движения «предвидеть», что оно, как «максимализм» пролетариата в июньские дни 1848 года и в марте—мае 1871 года, будет разбито силами контр-революционного капитала. Но для соц.-дем., а тем более «интернационалиста» было обязательно учесть силы революции и контр-революции в международном масштабе. Почему этот опыт большевиков, если он основан на столь стихийных стремлениях рабочего класса и еще при поддержке крестьян и солдат, должен был банкротировать в *две недели* до мобилизации всех сил в интернациональном масштабе? И, наконец, раз «опыт в таком грандиозном масштабе великой страны поставлен, не было ли долгом всех соц.-дем., при всем своем скептицизме, впрячься в общую с б-ками революционную колесницу, а не наоборот, извне, вместе с буржуазией содействовать банкротству этого «опыта»? На эти вопросы тов. Абрамович не отвечает, он даже их не формулирует.

Он лишь решительно выступает против *вооруженного подавления* большевистского движения.

«Против кого нам бороться? Против этих масс? Стало-быть, нам сознательной соц.-дем и более малочисленной части рабочего класса объединиться с буржуазной и мелко-буржуазной частью армии и помогать *огнем и мечем* подавить большую часть рабочего класса? Что это означало бы исторически, объективно? Что потом написал бы об этом историк русской революции? Он бы писал: стихийное революционное классовое движение русского рабочего класса, поддержанное революционно настроенными крестьянами и солдатами, было подавлено объединенными силами русской буржуазии *при содействии социал-демократии*».

«История не справедлива, она не знает праведного суда. Мы, конечно, имеем полное *право* подавить такое авантюристское и утопическое движение, как нынешнее большевистское восстание. Но что поможет это «право?» Тов. Дан правильно заметил: рабочий класс в своей памяти позже простит большевикам их грехи и преступления, так как они шли с массами. Но он не простит нам, хотя мы [illegible] правы, если мы вместе с его [illegible] масс»

Не простит тов. Абрамович, хотя эти выступления и были «вегетарианские», без оружия в руках. Словом, можно в грандиозной борьбе часто еще больше принести вреда, особенно если это слово исходит из прежде незапятнанного источника. Объективно говоря, за два года получилось распределение ролей между собственно-буржуазией, вооружавшей белогвардейские отряды и звавшей на помощь Антанту, и социалистами, «интернационалистами» меньшевиками в том числе, создававшими необходимое настроение своими письменными чернильными выступлениями. Присяжные заседатели, формулирующие обвинительный приговор, не могут умыть руки и сказать, что они неповинны в смертной казни, которая назначена коронным судом на основании их приговора. В произнесении приговора над большевизмом участвовали и «интернационалисты».

В дальнейшей части статьи тов. Абрамович подробно разбирает опасности от подавления большевизма вооруженной рукой с неизбежным переходом власти к контр-революционной буржуазии, говорит о значении выдвинутого лозунга «однородно-социалистической власти» для изоляции большевиков и т. д. Все это особого интереса не представляет.

Так в первые дни после октябрьской революции местные и центральные организации, лидеры и литераторы, «оборонцы» и «интернационалисты» «Бунда», партии еврейского пролетариата, встретили этот переворот, так от него межевались и такие, с позволения сказать, прогнозы давали ближайшим путям развития революции.

2. В „Украинской Народной Республике“.

Свержение Временного Правительства в октябре 1917 года на Украине привело к установлению власти расширенного и пополненного генерального секретариата Украинской Центральной Рады. Этот переход власти, несмотря на отдельные трения, произошел с согласия *всех* политических партий и организаций, кроме крайне правых (группа Шульгина) и крайне левых. Даже кадеты, недавно демонстративно выступившие против Ц. Р., выразили доверие Генеральному Секретариату на том основании, что это сейчас единственно-легальный орган власти, утвержденный Временным Правительством на основании инструкции 3 августа. Правда, Ц. Р. совершила крупное отступление от инструкции, расширив компетенцию Секретариата и распространив его власть на все 9 губерний и все отрасли государственной жизни. Но это была «государственная необходимость» в виду большевистского переворота.

Шульгин [illegible] ход власти к Ц. [illegible]
[illegible]

явил, что его группа не будет мешать работе секретариата. Но если ему не удастся водворение порядка, тогда они скажут Ц. Р.: «Умела воровать, умей и ответ держать». Настроение, которым проникнута была открытая речь Шульгина, было не чуждо не только к. д., но и соц.-рев. и даже части меньшевиков, потому-то и случилось, что с резкой отповедью Шульгину и с защитой Ц. Р. выступил в думе один представитель «Бунда»—Рафес, тов. Балабанов (правый меньшевик, лидер думской фракции) также счел нужным в сдержанных выражениях отмежеваться от украинофобии и призвать к поддержке Ц. Р.

Составился новый генеральный секретариат, который оставался у власти три месяца, вплоть до 4-го универсала, провозгласившего самостийность Украины. В секретариате представлена была вся разнонациальная демократия:

В. К. Винниченко—председатель и секретарь по внутренним делам (укр. соц.-дем.).

Порш — секретарь труда (укр. соц.-дем.).

Линиченко — секретарь торговли (укр. соц.-рев.).

Золотарев — генеральный контролер («Бунд») [1].

Ткаченко — секретарь юстиции (укр. соц.-дем.).

Ющенко — секретарь по жел.-дор. делам (укр. соц.-рев.).

Зарубин — секретарь почт и телеграфов (рос. со.-рев.)

Проф. Туган-Барановский — секретарь финансов (укр. соц.-фед.).

Стешенко — секретарь просвещения (укр. соц.-дем.).

Савченко-Бельский — секретарь по земельным делам (укр. соц.-рев.).

Ковалевский — секретарь по делам продовольствия (укр. соц.-рев.).

Петлюра — секретарь по воен. делам (укр. соц.-дем.).

Лотоцкий — генеральный писарь (укр. соц.-фед.).

Шульгин — секретарь по национальным делам (укр. соц.-фед.).

Зильберфарб — секретарь по делам еврейской нации («объедин. евр. соц. партия»).

Одинец — секретарь по делам великорусской нации (рос. нар. соц.-трудовик).

Мицкевич — секретарь по делам польской нации (пол. демократ. централ).

Здесь мы имеем 5 укр. соц.-дем., 4 укр. соц.-рев., 3 укр. соц.-фед. (12 украинцев из 18 секретарей), затем по 1: рос. соц.-рев., рос. нар. соц., «Бунд», «объединенцы», польские демократы. Что касается меньшевиков, то с их стороны было

---

[1]) В силу ряда обстоятельств, главным образом, частных отлучек моих, представительство «Бунда» в течение ноября—декабря перешло к тов. Золотареву, но это нисколько не отразилось на линии «Бунда».

заявлено принципиальное согласие на вступление в Секретариат, но господствующая партия укр. соц.-дем., желавшая начать борьбу за гегемонию в пролетариате, не уступала им поста Секретаря труда, почему было заявлено, что они вступят в Секретариат без портфеля. Вопрос о номинировании кандидата неоднократно обсуждался в областном комитете р. с.-д. р. п., но каждый раз оставался открытым по персональным причинам.

Мирились ли «большевики» с переходом власти к Центральной Раде? Они считались с этим как с временной неизбежностью, но стали немедленно готовиться к борьбе. Киевский Совет Рабочих Депутатов, в котором б-ки имели обеспеченное большинство, обсуждал этот вопрос в заседании своем от ноября. На голосование поставлены были три вопроса, ответы на которые последовали вполне ясные и определенные:

1. *Кому должна принадлежать власть в Киеве?*—Ответ: объединенному Совету Рабочих и Солдатских Депутатов.

2. *Кому должна принадлежать власть в центре?* — Ответ: Советам.

3. *Каково отношение к Центральной Раде?*—Ответ: она должна быть реорганизована в Совет Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

Против последнего особенно резко протестовали украинские фракции, указывая, что Ц. Р. и так уже является представительством крестьян, рабочих и солдат, только избранным не от советов, а от организаций рабочих, военных и селянских (спилок). Формально это возражение можно считать правильным. Состав Ц. Р. (пленума ее) был таков: 212 крестьянских депутатов, 132 военных депутата, 100 рабочих депутатов, по 5 представителей от 4 украинских партий, затем представители интеллигенции и различных украинских учреждений. При реорганизации Рады в июле в нее было введено 210 новых представителей от неукраинских организаций и партий, в том числе и от Советов Рабочих и Солдатских Депутатов.

Все выборы произведены были в июне по национальному признаку. Селянские спилки объединяли часто крестьян, интеллигенцию и пр. Рабочий съезд в июне в общей сложности представлял несколько тысяч национально-организованных украинских рабочих, и эти 100 рабочих депутатов, которые выбраны были на съезде в состав Ц. Р., представляют собой ничтожное меньшинство рабочего класса Украины.

Решение киевского совета означало, что борьба между б-ками и Ц. Р.—дело ближайшего будущего. И Ц. Р. стала готовиться к этой борьбе заблаговременно. Вся дальнейшая тактика украинских организаций построена была на двух [illegible]: 1) [illegible] национальной [illegible]

ственности и 2) предупреждение, а потом и подавление большевистских выступлений. Задачей дня поэтому было закрепить победу, неожиданно доставшуюся в октябрьскую революцию, «украинизировать» поскорее всю общественно-политическую жизнь, добиться скорейшего прекращения войны, выбить почву из-под ног большевистской агитации путем провозглашения ряда социальных реформ. Для решения всех этих задач нужно было решительно порвать с тактикой выжидания прихода Учредительного Собрания, которое всех рассудит, нужно было решительно стать на точку зрения собственного государства, довлеющего одному себе и самостоятельно ориентирующегося во всех вопросах жизни.

С первого же дня октябрьского переворота вновь подымает голову «самостийническая» ориентация, в этом духе ведется большая агитация в прессе, в собраниях. Но председатель Ц. Р. профессор Грушевский при открытии очередной сессии провозглашает, что в своих национальных достижениях, украинская демократия должна быть крайне осторожна. Лозунг «самостийности» слишком резко рвет все завязавшиеся связи. Прочность советского режима еще неясна, возможность сепаратного украинского мира неопределенна, отношение неукраинцев к «самостийности» резко отрицательное — стало-быть, нечего пока спешить. К этому времени «украинская демократия» уже умела прокладывать себе пути к международным факторам. Она вела переговоры на два фронта. Постепенно завязывая сношения с германской дипломатией, она поддерживала дружественные связи с французским консульством, которое первое поспешило «признать» «Украинскую Народную Республику», когда она была провозглашена третьим универсалом [1]). Такова, повидимому, была к началу ноября равнодействующая всех политических факторов.

7 ноября Малая Рада провозгласила Универсал, коим Украина объявлялась «Украинской Народной Республикой». Провозглашению этого универсала предшествовала серьезная внутренняя борьба с неукраинскими представителями в Ц. Р., которая привела к крупным поправкам в универсале и к положительному голосованию за него большинства «национальных меньшостей», и в том числе и «Бунда», представитель которого (в то время тов. Золотарев) и руководил этой внутренней борьбой.

Положение «Бунда» было весьма затруднительное. Курс был взят им совершенно определенный: на крепкую «украинскую демократию», которая должна противостоять стихии и максимализму, отстоять завоевания революции. Но для

[1]) Первый универсал был издан в начале июня в ответ на отказ Временного Правительства признать автономию Украины и был объявлением борьбы против Вр. Прав. Второй универсал издан в начале июля по соглашению с представителем Вр. Пр. тов. [illegible]

«Бунда» в то же время было ясно, что эта «украинская демократия» сохранит свою революционность только при тесной связи со всей революционной Россией. Провозглашение «самостийности» означает открытие шлюз националистической мелко-буржуазной реакции, немедленное ослабление влияния «национальных меньшостей», сильных только своей связью с революционной Россией, именем которой они и давят на Ц. У. Р. «Бунд» мог легко примириться с провозглашением федеративного строя России, к этому украинские «бундовцы» были подготовлены своей предыдущей политической работой. Но федеративная связь Украины с Россией при отсутствии в не[illegible] центральной власти есть фикция—это голое принципиальн[illegible] заявление, от которого легко шагнуть и к «самостийности», и [illegible] союзу с австро-германским империализмом. При таких условиях самой правильной тактикой, пожалуй, было бы толкать Ц. У. Р. на путь максимального сближения с Совнаркомом в Петрограде. Но это было для «Бунда» в ту пору наименее приемлемо, ибо это означало бы признание Советской власти и октябрьского переворота, это было бы «ударом в спину» всей российской «революционной демократии», которая вела упорную борьбу с Советской властью, и в те дни с часу на час ждала ее падения. Стремление к единству России и путь разрыва с единственным властным политическим центром,—этого примирить нельзя было. Встав на последний путь, «Бунд» поэтому объективно изо дня в день содействовал обострению отношений между Украиной и Петроградом, содействовал приближению «самостийности», против которой он так решительно боролся внутри Ц. Р.

Выход мог быть найден только словесный. Представители «Бунда», меньшевиков и с.-р. настояли на том, чтобы в «универсале» было подчеркнуто стремление к единству России. И универсал говорит:

«Не отделяясь от российской [illegible]публики и сохраняя ее единство, мы твердо станем на собственную почву, чтобы нашими силами помочь всей России, чтобы вся российская республика стала федерацией равных и свободных народов».

И в ряде других мест имеется много оговорок в роде того, что Ц. Р. будет оберегать «права и революцию не только у себя, но и во всей России». Устанавливая государственный контроль над промышленностью Украины, Ц. Р. «будет оберегать интересы как Украины, так и всей России». Все эти поправки дались с большим трудом, из них впоследствии сделан был один практический вывод, это—нота Ц. Р. ко всем областным правительствам о создании центральной власти, но сама эта нота осталась без практических последствий.

Была у «Бунда» и [illegible] [illegible]бота, выросшая из крайней [illegible] [illegible] [illegible]ртий. [illegible]

жала большевистскую агитацию, Ц. Р. готова была воспринять все лозунги большевизма: и рабочий контроль и непосредственное самими крестьянами разрешение земельного вопроса. «Бунд» был на принципиальной соц.-дем. высоте и вел борьбу против этих явно демагогических со стороны украинских партий тенденций и в этом отношении также значительно исправил «Универсал».

Наконец и в отношении национального вопроса под давлением всех «национальных меньшостей» удалось добиться больших уступок. Вице-секретари по еврейским, польским и великорусским делам еще раньше вошли в секретариат в качестве равноправных членов. Сейчас универсалом провозглашена была персонально-национальная автономия для всех национальных меньшинств, и в первую голову для великоруссов, евреев и поляков.

После всех этих исправлений «Универсал» вносил следующие изменения в жизнь Украины: 1) он провозглашал «Украинскую Народную Республику» как часть федеративной России с возложением на Генеральный Секретариат, высший орган власти до созыва Укр. Учр. Собр., заботы и об интересах российской революции в целом; 2) он определил территорию «Укр. Нар. Респ.», распространив власть Ген. Секр. на 9 губерний; 3) отменил частную собственность на землю помещиков, государства, уделов, монастырей, с передачей земли в ведение земельных комитетов; 4) провозгласил 8-час. раб. день и государственный контроль над фабриками и заводами с участием представителей от рабочих;5) возложил на Ген. Секр. обязанность воздействовать *через центральное правительство* в целях скорейшего заключения мира и заботиться о защите прав Украины на международном конгрессе [1]); 6) провозгласил отмену смертной казни; 7) обещал укрепление всех свобод и самоуправления; 8) провозглашал национально-персональную автономию.

«Бунд» после этого считал себя обязанным голосовать за «Универсал» и остаться в составе правительства. Меньшевики, рус. соц.-рев., рос. нар.-соц. и «демокр. польский централ» от голосования воздержались. Представитель меньшевиков заявил по мотивам голосования, что р. с.-д. р. п. стоят на точке зрения национального самоопределения, но они полагают, что только Всеросс. Учр. Собр. может установить формы этого национального самоопределения (все должны сидеть смирно и ждать:—М. Р.), партия боится, как бы от провозглашения «Универсала» не пострадало единство революционного фронта».

---

[1]) Эта часть также подверглась серьезным изменениям благодаря вмешательству «Бунда», меньш. и соц.-рев.

18 ноября состоялось в Киеве совещание при Южном Областном Комитете «Бунда». В порядке дня его значились вопросы: 1) о политическом моменте; 2) о политике на Украине; 3) о национально-персональной автономии. Снова была принята резолюция об отношении к перевороту 25 октября, которая вполне солидаризуется с резолюцией минского общественного совещания. Единственная перемена, это—*исключение* того абзаца минской резолюции, который довольно откровенно призывал к саботажу власти. Тактика бундовских представителей в Ц. Р., направленная между прочим и к тому, чтобы «отграничить украинскую демократию от большевистской авантюры», получила полное признание совещания. Возражения были сделаны представителями Екатеринославской и Одесской организаций (они нашли отражение и в местных партийных органах печати) по частному вопросу: о включении в территорию Украины ряда местностей без опроса населения.

Задачи на Украине формулированы в следующих выражениях:

«В настоящий момент, когда автономия Украины фактически осуществлена, в интересах беспрепятственного и незатуманенного развития классовой борьбы, в целях наилучшей защиты интересов рабочего класса и наиаучших слоев населения и недопущения обострения национальной борьбы, ближайшей задачей соц.-дем. вообще и «Бунда» в частности является непреклонная борьба за демократизацию внутреннего строя автономной украинской республики. В то же время настойчиво необходима борьба против шовинистических стремлений мелко-буржуазных слоев всех народов Украины, раздувающих национальную борьбу».

И далее подробно разработаны частные задачи все в развитие пункта о предупреждении национального гнета и национальной борьбы. Уже чувствовался прилив антисемитских настроений, уже заметен был отлив революционных настроений во всем мещанстве, и в частности еврейском. Национальный момент снова как в 1907—10 гг. начинает занимать в «Бунде» высокое место в ущерб обще-пролетарским.

Когда читаешь сейчас эту подробно разработанную резолюцию о задачах партии, принятую спустя почти месяц после октябрьского переворота, то только диву даешься: какая прочная привязанность к существующему строю, сколько опытности в борьбе с мелкими недостатками демократического механизма, сколько темперамента и преданности минимализму и как мало способности увлечься, даже только увлечься задачами пошире, повыше, выходящими за рамки существующего капиталистического строя.

3. Гражданская война, Брест «самостийности».

Месяцы ноябрь — [illegible] сложные и тяжелые по [illegible]

жданской войны и в то же время период выборов во Всероссийское и Украинское Учредительное Собрание, месяцы брестских мирных переговоров. В настроении крестьянства заметны большие колебания. До большинства деревень гражданская война еще не докатилась, во многих крестьянин вступил уже на путь решительной ликвидации помещичьего землевладения; в глухих местах еще не дошли и до этой стадии, зато в деревне, близкой к центру или куда солдатами занесены городские влияния, там первая стадия борьбы против помещика уже слилась с новейшей формой, с большевизмом, объединяемая всеобщим тяготением к миру. Но все же большинство крестьян в эти месяцы еще льнули к той партии, к соц.-рев., через которую до деревни впервые докатилась весть о земле и воле.

Иначе было в городах. После недавних своих блестящих побед на выборах в городские думы, партия соц.-рев. оказалась внезапно брошенной обывателем. Городской мещанин бросился направо, в объятия партии кадетов — он испугался революции, которая, по его мнению, слишком затянулась и приняла нехороший оборот. На Украине это должно было неизбежно сказаться в росте националистических настроений. среди всего городского мещанства, а при наличности многонационального состава населения — и в росте внутренней национальной борьбы.

Мы уже указывали выше на двойственную роль украинского крестьянско-мещанского национализма. Для своего освобождения эти массы должны были раньше всего сбросить помещика. Центральная Рада прекрасно поняла эту психологию своих и бросила в «Универсале» лозунг отнятия земли у помещиков. Этот лозунг не замедлил оказать свое влияние и в течение короткого времени в города потянулись длинными обозами помещики, мелкопоместные дворянчики, их служилые люди, а за ними по крестьянской логике, поддержанной националистами, выбрасывались и многие еврейские семьи, укрепившиеся в деревнях, но связанные с прежним господином-помещиком.

Еврейское население Украины, за исключением небольшого слоя ремесленного и фабрично-заводского пролетариата, в огромном большинстве кормилось вокруг помещичьего землевладения, сельско-хозяйственной промышленности. Помимо непосредственных выселений, удар по основам собственности в деревне должен был рикошетом ударить по массе еврейства особенно уездных городов и местечек. Былые симпатии к революции, пошатнувшиеся от общих причин, сменились индифферентизмом и даже кой-где ненавистью, и в то же время симпатиями к сионизму. И в первую голову это сказалось на отношений к [illegible] движению и к «Бунду». [illegible], особенно [illegible]

ждое еврейскому мещанину (он не уважает этой «хлопской мовы» и предпочитает язык богатой культуры, русский), предстало перед ним после 3 универсала своей отрицательно-социальной стороной и он возненавидел его. В «Бунде» всегда в еврействе воплощалось влияние русской революции. Отвернувшись от революции, обыватель естественно отвернулся от «Бунда».

В ряде статей в «Фолксцайтунг» за середину ноября отмечается этот политический кризис в еврействе[1]). Чем выше вздымалось влияние сионизма и общий индифферентизм еврейского мелкого буржуа к политике, тем сильнее была необходимость для «Бунда» подчеркнуть свою связь с революцией, активное в ней участие еврейского пролетариата. Национальной особенности необходимо было противоставить единство еврейских и украинских революционеров. Конечно, лучше всего этого можно было достичь тесной связью еврейского рабочего движения с движением пролетариата—с большевизмом, по этому пути и шли сами, без «Бунда» еврейские массы крупных центров Украины. Для «Бунда» при его общей политической позиции этот путь был исключен. Свои особые задачи по революционизированию еврейства внутри он мог таким образом достигнуть только укреплением своего блока с украинскими партиями. Но последнее обстоятельство только способствовало изоляции «Бунда» от рабочих масс. Как показали выборы в еврейские общины, в Учредительные Собрания, в ноябре—декабре 1917 года «Бунд» был партией, объединявшей рабочие и полупролетарские массы только отдельных пунктов Украины и часть мещанства, еще не порвавшая с революцией.

В то же время все чаще начинала выявляться и обратная сторона украинского движения — его национализм и довольно прозрачная антисемитская струя. Центр—секретариат и Центр. Рада—стремились сохранить внешнее приличие, но и здесь часто прорывалось, на местах начались погромы — центр их замалчивал, не желая ссориться со своими. Перестраивалась украинская армия, как территориальная армия новой полу-государственной единицы, но для Ц. У. Р. эта армия должна была остаться по своему национальному составу армией украинской. Идя навстречу антисемитизму снизу, генеральный секретарь по войсковым делам Петлюра даже выразил удивление по поводу антипатии «Бунда» к отдельным еврейским воинским частям: ничего нет лучше! Украинские и еврейские националисты-сионисты оказались на одной позиции.

---

[1]) Статьи М. Раф[illegible] [illegible]ческий кризис в еврействе» [illegible] «Евреи и украинцы» [illegible]

Между тем гражданская война все более обострялась. Правда, увеличением киевского гарнизона удалось добиться бо́льшего представительства солдат в объединенном совете рабочих и солдат в Киеве и прежняя резолюция его была отменена: объединенный совет признал Ц. Р. Но это было лишь внешнее прикрытие: в столице Украины рабочие и их совет во всем поддерживали б-ков и горючий материал лишь накоплялся.

Со стороны Генер. Секр. делались попытки к соглашению с Совнаркомом и это временами удавалось. Одной из таких попыток является частичное соглашение в ставке и разговор 17 ноября по прямому проводу между Народ. Комиссаром тов. Сталиным и Поршем, выступавшим не то от имени Ц. К. укр. соц.-дем., не то, как член генерального секретариата. Из этих переговоров выяснилось, что соглашение в ту минуту не могло состояться из-за внутренней гражданской войны, из-за непризнания Ц. Р. пролетариатом Украины. Но эти переговоры вызвали бурю негодования со стороны блока: «Бунда», меньшевиков и соц.-рев. Был внесен запрос в Ц. Р. в поддержанный меньш. Балабаном, который послужил поводом к генеральным прениям о мире и об отношении к Совету Народных Комиссаров. Винниченко успокоил интернационалистов заявлением, что мирные переговоры Украина будет вести не через посредство б-ков, но отметил, что Совнарком опирается на массы, но в то же время Малая Рада уполномочила Генеральный Секретариат выступить с предложением мира ко всем державам по соглашению со всеми областными правительствами. Такая нота и была послана, но среди других областных правительств и Совету Народных Комиссаров в Интер. Вторичный запрос меньшинств на ту же тему оставлен был вовсе без ответа. Было ясно, что украинская дипломатия в виду неопределенного положения желает «быть застрахована в нескольких обществах», что она ведет одновременно переговоры со всеми, а отнюдь не желает стоять на принципиальной высоте меньшевиков и «Бунда».

С точки зрения своей позиции в вопросах международной политики, «Бунд», бывший противн. сепар. мира, мог и имел все основания тогда же порвать с генеральным секретариатом, но он был в плену своей анти-большевистской позиции. 3 декабря был день открытия заседаний съезда советов в Киеве. В этот же день от Совнаркома последовал известный ультиматум с требованием не пропускать казаков с фронта на Дон; отвергая ультиматум, Генеральный Секретариат в ту же ночь разоружил в Киеве большевистски-настроенную понтонную роту и все штабы войск на юго-западном и румынском фронтах. Киевские рабочие ответили на разоружение забастовкой. Съезд советов, благодаря [illegible]

пятым Ц. Р. мерам, дал большинство против б-ков. Последние покинули съезд и образовали в Харькове свой центр Ц. И. К., а потом и секретариат, базирующий на выборах, произведенных к тому же к киевскому съезду советов. С этого дня вся территория Украины охвачена гражданской войной: с севера движутся советские войска, с западной границы идут части на борьбу с Ц. Р., войска движутся из Харькова. Борьба поддерживается изнутри рабочими, объявляющими забастовки для поддержки советских войск и вносящими дезорганизацию в ряды украинской армии.

Эта гражданская война внутри Украины, поддерживаемая борьбой между Ц. Р. и Совнаркомом, снова скрепляет союз между «Бундом» и меньшевиками, с одной стороны, и украинскими партиями—с другой. В № 43 «Ф. Ц.» от 4 декабря мы читаем:

«Стоя перед опасностью новой гражданской войны, «Бунд» должен заявить, что, несмотря на разногласия, которые отделяют его позицию от позиции украинской демократии, он поддержит Ц. Р. и Ген. Секр. Он будет стремиться к тому, чтобы была избегнута кровавая борьба, что так быстро удалось достигнуть разоружением военных частей, зараженных анархизмом».

Последние слова имеют в виду разоружение большевистски-настроенной понтонной роты в Киеве. В № 45 от 7 декабря в статье «Кто объявил войну Украине?» автор разъясняет, что Совет Народных Комиссаров не представляет всей Великороссии, а, наоборот, идет против воли всей демократии России. Статья кончается словами:

«Украина приняла войну, как войну против кучки одураченных солдат, а не против Великоруссии. Это не национальная война украинцев против великороссов, а борьба против нападения авантюристов и анархистов! Вот почему наш лозунг «Бунда» в этой борьбе: долой гражданскую войну! поддержка генеральному секретариату!»

«Еврейский рабочий в этой борьбе становится на сторону украинской демократии и убежден, что это единство будет залогом восстановления единого революционного фронта через Всероссийское Учредительное Собрание во всей стране».

Последние слова явно невразумительны, тем более, что им серьезно не верит и сам автор, не чуждый пониманию того, что та же «украинская демократия» тянет совсем не к Всероссийскому Учредительному Собранию, а к «самостийности».

Из всех приведенных здесь цитат ясно одно: «Бунд» на Украине и внутреннюю гражданскую войну и борьбу между Ц. Р. и Совнаркомом понимал, как борьбу между организованной «демократией» и анархически-настроенным меньшинством рабочих и солдат. Он желал бы этой борьбы избежать, но для этого требовал от б-ков полного отказа от идеи господства, а так как этого не было и быть не могло, то «Бунд» в этой гражданской войне занял определенную позицию: против б-ков и на стороне Ц. Р., не смущаясь тем, [illegible]

позиция чисто активистская. Она разделялась всем партийным центром в Киеве, между тем как еще два месяца назад стремился отстраниться от этой активной борьбы против восстания.

В № 15 «Фолксцайтунг», от 28 октября, т.-е. в первые дни октябрьского выступления автор настоящего очерка писал:

«Отмежеваться от б-ков—еще не вся политика. Идет восстание, оно обостряет классовые противоречия, оно создает гражданскую войну. Победа б-ков может привести к вредным последствиям—это несомненно. Но нужно подумать и о том, как повлияет победа нынешнего правительства, что она может принести революционному рабочему классу?

«Мы уже сегодня можем наблюдать, какие силы мобилизуются против большевистского восстания... Все скрытые и открытые враги революции сейчас соберутся вокруг Врем. Правит., борющегося против восстания. Эти темные силы свяжут таким образом правительство с собой, а потом в качестве награды получат привилегии на счет рабочего класса».

Такова была позиция «Бунда» в октябре».

«Нельзя забывать, что на Петроградских улицах борется часть рабочего класса, давшая себя увлечь б-кам. Окончательно подавить восстание сегодня означает разрушить многие Советы Рабочих Депутатов, многие профессиональные союзы, где большевики засели как у себя дома.

И пусть бы еще борьбу против восстания вело демократическое пр-во, выросшее из революции и связанное тесно с революционной демократией! Можно ли это сказать о нынешнем Врем. Прав.? Нет, конечно, нет...

И этому-то пр-ву мы должны сегодня выразить свое полное доверие, даже не задумываясь над тем, кто воспользуется плодами победы? Занять такую позицию значило бы только дать себя увлечь борьбой против б-зма и броситься в объятия буржуазии. Это значило бы также—потерять всякое доверие в глазах рабочей массы и этим лишь содействовать тому, что восстание разольется по всей стране.»

Новое правительство—вот наш положительный лозунг во время восстания, а не поддержка того пр-ва, которое не могло удовлетворить справедливых требований народа.

Коалиция с имущими классами банкротировала. Да здравствует демократическое правительство!

Такова была позиция «Бунда» в октябре.

Читатель и без комментариев поймет, как логически новая позиция «Бунда» в гражданской войне в декабре вытекает из позиции, занятой в октябре по отношению к первой стадии восстания при всем внешнем различии ее. *«Бунд» поддерживает сейчас демократическое правительство*, хотя он и видит все отрицательные стороны его политики. «Бунд» боится его национализма, но против большевизма его последний оплот, и «Бунд» теоретически на чисто активистской позиции.

За два месяца от октябрьского восстания «Бунд» ни на йоту не приблизился к б-кам. Если были у отдельных лиц на крайнем левом фланге интернационализма отдельные увлечения, они изгладились к декабрю, когда было уже ясно, что б-ки подготовляют разгон Учредительного Собрания. В начале декабря собрался в Петрограде недолго спустя после съезда Р. С. Д. Р. П., VIII [illegible]. На [illegible]

съездах интернационалисты были в большинстве. Правое крыло, бывшее довольно сильным на съезде р. с.-д. р. п., на съезде «Бунда» представлено было отдельными одиночками. Здесь боролись центр и интернационалисты. При голосовании резолюций голоса разбились следующим образом: за резолюцию съезда р. с.-д. р. п. (Мартова) — 34 голоса, за резолюцию Либера—11 голосов, за резолюцию центра (в основе ее лежала резолюция минского совещания 7 ноября)—26 голосов. Интернационалисты таким образом имели лишь относительное большинство.

В статье тов. Альтера, бывшего тогда на крайне левом фланге в «Бунде», в № 2(64) «Фолксцайтунг» от 4 января, об итогах VIII съезда «Бунда» автор пишет:

«Борьба на съезде велась между группой левого центра и интернационалистами. В известной мере это был спор о прошлом. Банкротство прежней политики, приведшей непосредственно и неизбежно к большевистскому восстанию, принудило товарищей из левого центра принять все практическое предложение интернационалистов. Позиция партии для *сегодняшнего* дня не вызывала острых разногласий между обеими группами. Но так как они пришли к тому же практическому выводу из различных точек зрения и разными путями, было ясно для всех, что это идет борьба за тактику *завтрашнего* дня, когда при изменившихся политических условиях старые разногласия могут всплыть снова. Интернационалисты победили».

Эту победу устанавливает таким образом и крайний левый в «Бунде», он результатами съезда вполне доволен.

Что же по основному вопросу—о содержании революции и ее задачах—сказали в этой резолюции победившие интернационалисты? Резолюция не уклоняется от этого вопроса и для устранения всяких сомнений и начинает непосредственно с ответа на него:

«Переживаемая нами революция не может осуществить социалистического переустройства России, поскольку такое переустройство не началось еще в более развитых странах и поскольку производительные силы России стоят еще на слишком низком уровне. Поэтому все попытки превратить нынешнюю революцию в социальную не могут встретить поддержки не пролетарского большинства населения и должны неизбежно кончиться поражением, руинируя политическое положение пролетариата и крестьянства».

«Границы настоящей революции лежат поэтому в радикально-демократическом переустройстве общества, которое освободило бы производительные силы и создало бы этим почву для всестороннего развития капитализма, который подготовит необходимые условия для социализма».

«Полное осуществление задач этой демократической революции ..... может быть достигнуто только союзом сил рабочего класса и городской и деревенской мелко-буржуазной демократии».

Таков анализ, данный интернационализмом в середине декабря 1917 года. *Октябрьский переворот не есть новая революция*, речь идет еще все о той же революции, начало которой датирует 27 февраля 1917 года. 25 октября 1917 г. это стихийная вспышка... А что касается русской революции в целом, то так как социалистическое переустройство еще в Западной Европе не [illegible]

ской революции является создание почвы для развития капитализма. Но где прочное развитие европейских отношений, возможно ли там это *начало*? Где завещание II Интернационала (Базельского конгресса) об использовании кризиса, который будет создан войной, для нанесения удара капиталистическому обществу?

На VIII съезде победивший интернационализм формулировал антитезу против тезы, формулированной октябрьским переворотом: не подорвать господство капитала, а открыть ему свободный путь развития. Соответственно этому и намечены ближайшие шаги и задачи, из которых одна: «Вся власть Учредительному Собранию!» «Бунд» остался на той же позиции.

VIII съезд, констатировав разрыв с буржуазией, осветил коалицию с мелко-буржуазной демократией. При перечислении задач соц.-дем. резолюция *на первое место* выдвигает именно эту задачу коалиции:

«При создавшемся положении напрячь все силы для ликвидации политического кризиса возможно более мирным способом, путем создания революционного объединения между пролетарской и мелко-буржуазной демократией, как единственными силами, которые заинтересованы в разрешении до конца основных задач революции».

В этой формулировке, конечно, предполагается все то же правительство «от н. с. до б-ков», которое должно прийти на смену Совету Народных Комиссаров. Здесь нет никакого отличия между мелко-буржуазной и пролетарской демократией. *Обе силы поставлены на одну доску* и обе одинаково названы *«единственными силами*, которые заинтересованы в разрешении *до конца* основных задач революции». Такое заявление страдает, конечно, все тем же смягчением классовых противоречий, что и идея коалиции вообще. По отношению к этой формуле можно было бы сказать, что она слишком сильно идеализирует мелкую буржуазию. В декабре, после двухмесячного наблюдения над украинской мелкой буржуазией у власти, такое заявление было признаком упорства иллюзий. Это обстоятельство и послужило поводом к воздержанию от голосования резолюции съезда о политическом моменте со стороны нескольких лиц, в том числе и автора этих строк, вообще и тогда не бывшего среди левых.

Тот же тов. Альтер в № «Ф. Ц.» от 4 января, как заслугу VIII съезда «Бунда» считает, что съезд

«прежде всего требует *самостоятельной классовой политики*. В будущем партия должна остерегаться от всяких планов и действий, которые могли бы ослабить острые углы классовых различий. Возможно, что те или иные конкретные задачи могут быть общими у соц.-дем. с некоторыми мелко-буржуазными или просто буржуазными группами. Даже в этих случаях «Бунд» должен отмежеваться от всех других социальных слоев и вести свою борьбу исключительно пролетарскими средствами и в пролетарской среде. Время, когда соц.-дем. почти сливалась с мелко-буржуазными элементами, должно, наконец, перейти в прошлое. Рабочий

класс может наилучшим способом выполнить свою историческую задачу только как совершенно самостоятельная социальная сила».

Все это, конечно, в процессе гражданской войны оказывается одной лишь фразой. Соц.-дем., отказывающейся от социальной революции, приходится оказываться в одном лагере с буржуазией и играть контр-революционную роль.

Но и при самом внимательном чтении резолюции VIII съезда мы и этой постановки вопроса не находим. Наоборот, съезд говорит совершенно определенно об *общих* задачах пролетариата и мелкой буржуазии, о коалиции; правда, последний абзац резолюции о политическом моменте говорит:

«Стремясь при всей указанной выше работе, ради интересов общедемократической революции к координированию деятельности с деятельностью всех остальных революционных партий, соц.-дем. партия, памятуя временный характер этой координации, должна отбросить такую общую работу, которая может связать свободу ее собственной борьбы и углубить пропасть между отдельными частями революционного пролетариата».

Но и этот абзац резолюции, формулировав достаточно широко для любых толкований, не дает основания делать тех выводов о VIII съезде, которые формулированы тов. Альтером почти месяц спустя после съезда. Наоборот, резолюция избранного VIII съездом Центрального Комитета, «Бунда» «по украинским вопросам», принятая им немедленно после съезда, заявляет, что «в настоящий момент несвоевременно отзывать наших представителей из Генер. Секретариата». Эта резолюция показывает, что «Бунд» в целом к этому времени не считал правильными замечания крайнего интернационалиста в «Бунде» тов. Альтера.

Мы приведем здесь эту резолюцию полностью, так как она непосредственно касается тех вопросов, которые затронуты в настоящей главе:

«1. Центральный Комитет «Бунда» полагает:

а) что лучшим средством для ликвидации гражданской войны, разгоревшейся на Украине, является своевременный созыв к назначенному сроку Украинского Учредительного Собрания, которое сорганизует автономное правительство Украины;

б) что принимая все меры к мирному разрешению конфликта между частью советов и Ц. Р. на основе соглашения социалистических партий и добиваясь от обеих сторон активных шагов в этом направлении, наши партийные организации должны оказывать Ц. Р. самую энергичную поддержку в ее борьбе за обеспечение основ демократической автономии против нападения со стороны Совета Народных Комиссаров.

II. Обсудив вопрос об участии наших представителей в Генеральном Секретариате Ц. Рады, Ц. К. полагает, что только в том случае, если меры, которые будут предложены нашим представителем ради соглашения между борющимися на Украине сторонами, будут отклонены Генер. Секретариатом, и если политическое обострение, замечающееся сейчас на Украине, перейдет в вооруженное столкновение между той частью пролетариата Украины, которая организована в советах, с одной стороны и Ц. Р. с другой—только в этом случае наш представитель выступает из Генерал. Секретариата. Ц. К. полагает, что отозвать наших представителей в настоящий момент несвоевременно».

Необходимо отметить, что когда Ц. К. «Бунда» формулировал эту свою резолюцию, ему не совсем ясна была ситуация на Украине, он не знал еще о тех вооруженных столкновениях, которые уже имели место на Украине. Тактика, предлагавшаяся Ц. К., — несколько отличная от той, которая применялась «Бундом» на Украине. С точки зрения тех принципов, которые положены в основу этой резолюции Ц. К., уход представителей «Бунда» из Генерального Секретариата был уже на самом деле своевременен, так как хотя и не все условия ею намеченные, уже наступили, но одно из них, при том главное—вооруженный конфликт, гражданская война—уже имели место.

Деятели Южного Областного Комитета «Бунда» между тем и сами считали момент ухода из Генер. Секретариата наступившим, но из других соображений. Конфликт между «Бундом» и Генеральным Секретариатом назрел вокруг вопроса о мире и «самостийности».

На 13-ое декабря назначена была экстренная сессия для разрешения всех этих вопросов, скорее для санкционирования тех решений, которые давно уже назрели и подготовлены были в переговорах между украинскими фракциями. В статье, посвященной предстоящей сессии, представитель «Бунда» в секретариате т. Золотарев («к открытию сессии Рады», № 50 «Ф. Ц.» от 13 декабря) возражает против идентифицирования позиции «Бунда» и секретариата. Он говорит:

«В общем мы, конечно, согласны с позицией Рады и Секретариата, но мы остаемся вполне независимы по отношению к тем вопросам, которые вызывают у нас разногласия».

И тов. Золотарев рекомендует фракции «Бунда» подчеркнуть в Ц. Раде именно те пункты, которые разделяют для того, чтобы получить, наконец, ясные ответы на поставленные не раз вопросы. Для Золотарева главный вопрос—это «самостийность». Золотарев формулирует:

«Если над Украиной победят сепаратистические стремления, если украинские вожди уступят разгоряченному национализму и благодаря возможности заключения сепаратного мира сделают попытку выйти из мировой войны как самостоятельное государство,—тогда это будет началом разрыва между украинской и неукраинской демократией, ибо независимость украинской республики—фикция!

«Украинская республика в военном, экономическом и финансовом отношении слишком слаба, чтобы она могла сохранить свою самостоятельность при сильном давлении со стороны средне-европейских держав.

«А потому провозглашение «самостийной» Украины в действительности может обозначать только то, что Украина выступает из революционной России и попадает под протекторат империалистических Австрии и Германии. Иначе говоря, это означает, что украинская демократия перестает быть революционной силой».

Позиция эта, по всей вероятности, сейчас [illegible] страшной и самому тов. Золотареву, который [illegible] известна, приблизился в настоящее [illegible]

Если «Бунд» «в общем и целом» согласен с политикой Ц. Р. и секретариата, почему же он столь часто твердит о «сепаратистской» опасности? Неужели это мелочь? Если так, тогда непонятно, почему из-за такой мелочи было уходить из секретариата? Если это не мелочь, тогда что означает согласие с политикой Рады и секретариата «в общем и целом»? Ведь стремление к «самостийности» должно было проникать всю политику Ц. Р. Как же «Бунд» этого на практике не замечал? На самом деле все объясняется проще. Слишком сроднился «Бунд» с «украинской демократией» на общей позиции против большевиков, потому и получалось согласие «в общем и целом». «Бунд» был в плену анти-большевистской позиции своей и ушел из Генерального Секретариата позже, чем нужно было с точки зрения своей же собственной позиции в вопросах международной политики.

Для Центральной Рады выступления оппозиции внутри были крайне неприятны при ее разносторонней дипломатической деятельности. Чтобы обмануть бдительность оппозиции, придумывались различные формулы «общего» мира, «общероссийских» переговоров, «информационных» делегаций в Брест. «Бунд» и меньшевики неизменно голосовали за свои принципиально-выдержанные резолюции, и каждый раз оставались ни с чем, ибо дело близилось между тем к развязке.

Так и в сессии Центральной Рады в декабре все выступления большинства были подернуты явным дипломатическим флером. Министр по национальным делам *А. Я. Шульгин* неожиданно для всех заявил, что Ц. Р. ждет начала переговоров сообща с дипломатией Антанты, резолюция Ц. Р. гласит, что необходимо немедленно послать делегацию в Брест для участия в переговорах, а нота Генер. Секретариата ко всем областным правительствам, вторично посланная в середине декабря, повторяет фразы об общероссийских переговорах о мире, для ведения которых необходимо образование нового центрального правительства. Сессия кончилась. Разногласия были замазаны. «Бунд» остался везти общую колесницу украинской политики. Его представитель остался в секретариате и именем Золотарева подписаны (заочно, без его участия в обсуждении, так как он был в отъезде) два известных воззвания Генерального Секретариата против б-ков, националистические и демагогические, компрометировавшие «Бунд» еще более, чем он того желал. Так тянулось до конца декабря 1917 года это положение, пока не разрешилось кризисом. В один момент «Бунд» бурно порвал все нити, связывавшие его с большинством Ц. Р. и вчера еще правительственная партия в глазах украинского мещанства превратилась в противницу украинского движения, лидеры кото-[illegible]

В последние дни декабря Генеральный Секретариат получил от своей делегации в Бресте запрос о том, что ей делать при создавшемся положении и в частности поддерживать ли предложение б-ков о перенесении мирных переговоров в Стокгольм. Обсуждение этого вопроса дало повод к самым горячим прениям в секретариате, при чем наметились два течения: одно, к коему примыкал представитель «Бунда» Золотарев, ориентировавшееся на общий мир и требовавшее поэтому поддержки предложения б-ков, направленного в данный момент к тому, чтоб вырваться из тисков германской дипломатии в Брестской крепости, к тому, чтобы, по крайней мере, сделать максимальные усилия для вовлечения в движение за общий мир европейского пролетариата. Более сильно было представлено в секретариате второе течение, лидерами которого были укр. соц.-рев. *Шаповал* и укр. соц.-дем. *Ткаченко*. Это течение уже тогда, в конце декабря договаривало все до конца. Они говорили: у нас самих для борьбы с большевиками сил нет, нас сбросит большевистская волна; защиту мы можем получить только от Германии. Нам нужны для этого только три германских корпуса. Германский империализм культурен, он нам не страшен, он нам поможет в творческой работе, наша «самостийность»—в его же интересах.

Дебаты официально особой резолюцией не закончились. Председатель *Винниченко* своего собственного окончательного мнения не формулировал, хотя высказывался против того, чтоб во всем «гоняться за большевиками». «Их не перегонишь», говорил тогда председатель секретариата. Какая директива была послана в Брест, автору этих строк неизвестно. Может-быть, директивы и вовсе не были посланы, что равносильно было санкционированию той «самостийнической» позиции, на которой стояла брестская делегация.

Не порвавший еще окончательно с фракцией укр. соц.-дем. большевик *Неронович* [1]) вынес эту «подробность» настроений украинских партий на трибуну Малой Рады со ссылкой на частный разговор с Винниченко. Слухи о предстоящем опубликовании нового Универсала все крепли и связывались с последним выступлением Грушевского при закрытии сессии Ц. Р., когда он определенно говорил о «самостийной» Украине. Кольцо советских войск между тем все более приближалось к Киеву, брожение захватило и киевский украинский гарнизон. Чувствовалось, что нити прежней политики скоро оборвутся, и тайное станет явным.

В первых числах января в печати появилось сообщение

---

[1]) Впоследствии он был послан Народным Секретариатом в Харьков в составе [illegible] украинской делегации. В марте [illegible] Неронович был убит, будучи взят в плен [illegible]

о речи Кюльмана на мирной конференции в Бресте, в коей впервые со всей резкостью поставлен был вопрос о сепаратном мире: Стокгольм был уже отклонен. На соединенном заседании м-ков и «Бунда» было решено внести новый запрос о мире в Малую Раду, при чем как в случае неудовлетворительного ответа, так и в случае отсрочки обсуждения запроса представитель «Бунда» должен выйти из состава секретариата.

Запрос, внесенный 4 января, поставлен был на обсуждение лишь 14 января уже после провозглашения 4 универсала о «самостийности» Украины. Уже 8 января в печати появилось сообщение, что в согласии с Бюро Южного Областного Комитета «Бунда» «генеральный контролер Золотарев подает в отставку и выступает из состава Генерального Секретариата», а 10 января председатель секретариата Винниченко получил от отсутствовавшего Золотарева телеграфное заявление об отставке. «Бунд» стремился к тому, чтобы не иметь уже представителя в секретариате к моменту провозглашения «самостийной Украины».

Запрос о мире «Бунда» и меньшевиков говорит:

«Фракции в вопросе о мире придерживаются точки зрения Ц. Р., которая формулирована была в известной ноте Генерального Секретариата, а именно—точки зрения борьбы за общий демократический мир. Фракции полагают, что именно сейчас наступил момент осуществления этого лозунга, так как 5 января открывает свои работы Всероссийское Учредительное Собрание».

Указывая на общую опасность, которая таится в сепаратном мире для дела восстановления социалистического Интернационала вследствие усиления германского империализма, который использует освободившиеся войска для разгрома западных держав, запрос продолжает:

«Вместе с тем в сепаратном мире заключается серьезная опасность для молодой Украинской Республики. После такого мира Украина будет бессильна противостоять экономическому, финансовому и промышленному натиску Австро-Германского капитала и попадет в полную подчиненность сильному империализму Центральных держав».

Заключительная часть запроса гласила:

«1) Известно ли Генеральному Секретариату о том, что украинская делегация в Бресте отступила от данных ей Генер. Секретариатом директив и 2) что намерен Секретариат предпринять, чтобы вернуть переговоры на путь, указанный Секретариатом в его известной ноте о всеобщем мире».

Речь тов. Рафеса по поводу запроса в известной мере отражала то частичное удовлетворение, которое встречали выступления советской мирной делегации в Бресте. Она построена на противоставлении тактики украинской делегации, беспринципной, эгоистической и закулисной тактике советской делегации, которая ясно и открыто ставит все вопросы общего мира и самоопределения народов:

«Уже одно то, что секретариат и Ц. Р. проявляют так мало интереса к деятельности своей мирной делегации, должно быть [illegible]

явлением. Заключение мира идет не по демократическому пути. Вы помните, что еще в самые первые дни европейской войны демократия выставила требование, чтобы война, начатая правительствами, была бы закончена самими народами... Сейчас получается впечатление, будто народ сам ничего не понимает, а за него действует правительство...

«Мы полагаем, что нам представят официальные документы. Ведь, в Бресте не только боролись с большевиками, делегация, кажется, ехала туда для ведения мирных переговоров. Но в ее отчетах именно об этом нет ни звука и создается впечатление о тайных переговорах... Тайной покрыт весь ход переговоров. Не так ведет переговоры демократия.

«Наш второй упрек делегации—ее полнейшая беспринципность. Директивы были ей даны о мире всеобщем без аннексий и контрибуций. Большевики дважды выдвинули это требование. Я не буду здесь говорить о б-ках, но валить на них всю вину — это также не тактика. Украинская делегация делала правильные упреки б-кам и нас интересует, не будут ли также упрекать и украинскую делегацию?

«Когда б-ки выдвинули лозунг всеобщего мира и требовали перенесения переговоров в Стокгольм, украинская делегации должна была их поддержать. И даже тогда, когда б-ки от своего требования о перенесении переговоров отказались, украинская делегация должна была этого требования держаться...

«Б-ки требовали от украинской делегации поддержки тех принципов, которые были ими воздвигнуты. Как бы ни относиться к большевикам, но эти выдвинутые ими принципы обязан поддержать каждый демократ, ибо это принципы, за которые уже 10 месяцев борется русская революция.

«Но случилось наоборот. Б-ки, дескать, не признают Украинской самостоятельности, поэтому мы не признаем принципов общего мира... Мы согласны: совместная работа с б-ками невозможна, но если украинская делегация работает даже самостоятельно, значит ли это, что она должна интересоваться только собой, а не всей демократией!..

«Украинская делегация не поддержала требования о выводе войск из оккупированных местностей. В истории будет записано, что Украина содействовала гибели Польши, подавлению свободы польского, литовского и белорусского народов. Вопрос о том, кому должна принадлежать Холмщина также должен быть решен самим народом, а не дипломатией.

«Национальный эгоизм — вот руководящий мотив всей деятельности украинской делегации, интересы других народов России ее вовсе не интересовали. А между тем Ц. Радой был образован Совет Народов, куда вошли представители литовцев, белоруссов, и даже этот Совет Народов не был запрошен. Украинская делегации стояла на точке зрения национального эгоизма, а это точка зрения не революционная, а направленная против революции. Я знаю, когда с этой трибуны раздается напоминание о российской революции, о российской демократии, часто раздаются — правда, не из зала, но с хор — гневные возгласы. Они в угаре национализма. Им кажется, что они возбуждены против России, но на самом деле этот гнев направлен против революции.

«Вот и сейчас они готовы исключить революционные мотивы из своей внешней политики. Но ведь не всегда так было, я слышу возгласы «неправда». Если так, то пусть будет призвана к ответу украинская делегация, которая вела переговоры не в интересах демократии, ибо мир один на один с германским империализмом будет миром, который погубит Украину, который прикует и сделает ее рабой германского империализма».

Само собою разумеется, что единственным практическим результатом этой речи было лишь обострение отношений. Дело в Бресте было все равно почти закончено.

Расчленение России было одним из стремлений германской политики и совершенно ясно, что отдельный мир с Украиной и признание ее самостоятельности [illegible]

двумя сторонами одной медали. Для украинского «парламентаризма» весьма характерно выявляется в эту критическую эпоху одна черта. Малая Рада всегда предвосхищала волю пленума Центральной Рады: и 3-й и 4-й универсалы были провозглашены Малой Радой накануне открытия сессий Центральной Рады, которая всегда имела дело с совершившимся фактом. Генеральный Секретариат в свою очередь ставил Малую Раду перед очень серьезными решениями, которые предварительно ею не обсуждались. Сейчас дело пошло дальше: мирная делегация Генерального Секретариата в Бресте ставила большевикам требование признания самостоятельности Украины, которая вовсе не была еще провозглашена. Дело объясняется весьма просто: за кулисами Центральной Рады все вопросы решались лидерами влиятельных фракций и проводились в жизнь даже за спиной Генерального Секретариата, где был чужой глаз в виде представителей меньшинств. При таких условиях участие представителей оппозиции в Малой Раде и даже их выступления там, а тем более участие в секретариате было просто прикрытием политики большинства; оппозиция в генеральном секретариате играла роль «заложников», ибо естественно приходилось смягчать нападки на правительство, где среди прочих членов имеется и представитель своей партии.

Политика закулисных действий была применена и к провозглашению «самостийного» 4 универсала. Оппозиция случайно узнала, что универсал уже одобрен и будет завтра оглашен. Протестами удалось добиться лишь одного: устройства закрытого заседания Малой Рады для обсуждения универсала. На этом закрытом заседании серьезно велась вокруг мелочей: вносились поправки, стремившиеся к тому, чтобы сохранить неприкосновенными максимум революционных завоеваний предыдущей эпохи в момент, который все считали переломом к неизбежно грядущей реакции. Универсал о «самостийности» повторяет слова о неприкосновенности свобод, демократических форм жизни и незыблемости национально-персональной автономии. В сущности оппозиция и здесь служила националистической реакции, подкрашивая и подделывая документ, который должен был бы остаться во всей его черной неприкосновенности. Местные деятели «Бунда» не могли от этого отказаться, так как собирались еще и дальше сотрудничать с Ц. Р., так как при всей ее реакционности, это все же была «демократическая» форма более высокая, чем «большевизм». Этого не хотели видеть неблагодарные украинские националисты. С негодованием они встречали все поправки оппозиции на закрытом заседании Малой Рады, и сохранилось для истории крылатое слово, оброненное одним из членов Рады укр. соц.-рев. Ковженко по

[illegible]

во время провозглашения 4 универсала: «Он разрушил уже одно государство, теперь хочет разрушить другое». В данном случае Довженко был неправ, роль разрушителя играл он сам.

При обсуждении универсала на объединенном заседании «Бунда» и меньшевиков было решено отвлечься при составлении своей декларации от злободневных тем и остаться на высоте исторического момента, характеризуемого победой германского империализма. Как бы для того, чтобы более подчеркнуть банкротство всей предыдущей политики «Бунда» в Ц. Р., банкротство всей ставки на «украинскую демократию», чтение декларации поручено было Либеру, не связанному со всей предыдущей политикой. Она была внесена от имени обоих фракций: «Бунда» и р. с.-д. р. п. и сопровождалась дополнительной речью Либера.

Текст декларации гласит:

Декларация «Бунда» о IV Универсале [1]).

Стремление к отделению от России, закрепленное в настоящем универсале о самостийности Укр. Нар. Респ. и возникшее на почве растущего распада российской революции, реализуется в условиях мировой войны, дающих возможность германскому империализму диктовать условия сепаратного мира.

Предательская политика большевистской власти ввергла Россию в объятия анархии, залила страну кровью гражданской войны и нанесла сильный удар заключению общего мира. Этим развязаны были силы распада и создана почва для развития сепаратистских стремлений, ищущих своего оправдания в необходимости предохранить отдельные области от растущей анархии. В то же время эти сепаратистские стремления идут навстречу давним планам австро-германских империалистов, стремящихся не только к открытым аннексиям, но и к созданию лишь по внешности самостоятельных государств, которые должны быть буфером между Россией и Европой.

Независимость Украины, родившаяся при таких условиях; при отсутствии каких-либо гарантий, что народ сможет сказать свое слово, является победой не революции, а империализма и результатом ослабления интернациональной и российской демократии...

Обессиленная Украина, при слабом развитии ее производительных сил, не сможет в будущем противостоять грабительской политике империализма. Будучи по преимуществу аграрной страной и отрезанная от российского народо хозяйственного организма, Украина будет поглощена грабительским империализмом.

Не революционный передел Европы, осуществляющий право народов на самоопределение,... приводит нас к миру, о котором говорит универсал, а передел Европы в интересах мирового империализма, стремящегося превратить Россию и Украину в колонию, в объект насилия, эксплоатации и преследований.

Все это является достаточным доказательством того, что провозглашение независимой Украины *против воли украинской демократии* не принесет пользы народным массам Украины...

Универсал говорит о дружественных отношениях с соседними народами и отвергает всякую возможность вмешательства во внутренние дела

---

[1]) Перевод с еврейского текста.

Украины. Но германско-австрийский империализм не станет, конечно, считаться с формальностями в отношениях между государствами.

Империализм ищет победы не в интересах революции, особенно той революции, которая должна обеспечить социальные реформы для трудящихся масс. Интересы помещиков ближе ему, чем интересы украинских крестьян. И германские империалисты сделают все для того, чтобы сорвать земельную реформу и тем предохранить себя от земельных требований со стороны *своего* крестьянства... Торговая монополия государства будет им служить аппаратом для выкачивания всех необходимых им сырых материалов и продуктов—хлеба, сахара, железа, кожи, табака — и для обеспечения исключительного ввоза продуктов из своей страны.

Что сможет противопоставить этой империалистической воле центральных держав самостоятельная и оторванная от России Украина? Что выиграют от независимости украинские народные массы? А между тем они теряют связь с Россией, ту связь, которая могла бы дать им силу для спасения всероссийской революции и защиты своей независимости.

Украинская демократия разрывает связь с российской демократией в трагический для российской революции момент и как раз тогда, когда всероссийское учредительное собрание провозгласило Россию федеративной демократической республикой.

Украинская демократия вступила на путь сепаратного мира и не считается с интересами международной демократии и предстоящей ей борьбой за всеобщий мир.

Нам говорят, что провозглашением своей независимости Украина спасает себя от реакции, которая надвигается из России. Эта надежда весьма ошибочна. Если реакция победит в России, она победит и на Украине, так как, несмотря на разрыв связи между ними, все же остаются общие для обеих стран социально-политические условия и общий ход революции...

Нам говорят, что наступил уже конец российской революции, что после нынешнего ее распада не будет уже нового подъема, — но мы верим в ее возрождение. Мы знаем, что близка уже к падению волна анархии, что трудовые массы России не пойдут путем самоуничтожения. Мы знаем, что российская демократия найдет в себе силы, чтобы не допустить победы контр-революции, чтобы укрепить власть Учредительного Собрания, которое принесет народам мир, свободу, землю. Борьба за победу революции не окончена, она идет и возродится с новой силой. Мы верим также, что украинские трудовые массы, когда их воля выявится, поймут свои интересы и не разорвут связи с российскими трудовыми массами. Тогда Украина воссоединится с Россией на новых основаниях, которые вполне обеспечат политическое и национально-культурное развитие народов.

Провозглашение независимости отягчает условия борьбы пролетариата и демократии на Украине. Рост национализма, как неизбежный результат отделения Украины, создает опасность для революционных завоеваний. В этот ответственный момент пролетариат Украины должен объединить свои силы для защиты всех завоеваний революции и не должен допустить разделения граждан на полноправных и «чужих», ограничиваемых в их правах. Права национальных меньшинств, провозглашенные в 3 универсале и закрепленные в законе о персонально-национальной автономии, должны остаться неприкосновенными. Не должна быть допущена насильственная украинизация. В борьбе за эти требования пролетариат и демократия объединят свои силы и не допустят победы реакционно-националистических тенденций.

По вышеуказанным мотивам мы голосуем против универсала, демонстрируя этим перед интернациональным пролетариатом верность его идеалам. Мы будем бороться за укрепление солидарности украинского и российского пролетариата, чтобы придти к тому светлому дню, когда отделение Украины от России останется лишь трагическим эпизодом в жизни братских народов.

Такова декларация.

С точки зрения оценки международного положения и будущих взаимоотношений между Украиной и Германо-Австрией этот документ может быть и сейчас назван блестящим, а местами даже пророческим. Правильно он также предвидит неизбежный рост внутренней реакции, которая так скоро завершилась провозглашением гетманщины под высокой защитой германских штыков. Но не поражает ли в этом документе одно скромное умолчание? Нет в нем оценки «самостийности» с точки зрения внутренней гражданской войны. Ведь субъективно этот союз Ц. Р. и германского империализма был для Ц. Р. союзом против большевиков. Он был логическим завершением всей предыдущей политики Ц. Р. Украинские националисты отличались от меньшевиков и соц.-рев. на Украине только тем, что они были реальными политиками. Они не верили в близость падения большевистской власти, не придавали реального значения лозунгу Всероссийского Учредительного Собрания. Они боролись с большевизмом реальными средствами, противопоставляя силе силу. Когда сил одной украинской мелкой буржуазии было недостаточно, они призвали на помощь германские штыки. Во имя охраны собственности от анархии все целесообразно, все законно вплоть до продажи родины иностранным империалистам.

Но сказать это «Бунд» и меньшевики не могли, ибо это было бы прямым осуждением всей анти-большевистской ориентации, которая объективно приводит к союзу с иностранным империализмом. Пришлось поэтому этот злободневный вопрос оставить в тени, о нем не говорить. Да и вообще лучше было избежать клеймить анти-большевистский уклон политики Ц. Р., которая еще недавно поддерживалась именно за это направление политики, как оплот и гордость демократии, и которая еще завтра должна будет получить новую поддержку, когда новая волна движения снизу, усиленная между прочим и провозглашением «самостийности» будет угрожать Ц. Р. полной гибелью.

В январские дни украинский «Бунд» бурно рвал свой союз с мелкой буржуазией, которая не захотела идти в ногу с революцией. В сущности это означало банкротство всей политической линии, занятой с октября и недавно, в первые дни декабря одобренной VIII съездом «Бунда» банкротство идеи «левого" блока». Реальная мелкая буржуазия такой же плохой союзник, как и крупная буржуазия, единственно революционным классом всегда последовательным остается один лишь пролетариат. Но, по меньшевистской теории, российский пролетариат не смел стремиться к власти; в одиночестве он революции вперед не поведет. Пролетариат остался один, стало-быть, опасность налицо, она [illegible]

германским империализмом. 4-й универсал — начало конца. Вся дальнейшая задача соц.-дем. заключается лишь в том, чтобы отстоять от грядущей реакции максимум возможного — «быть бы живу» — вот основание всей дальнейшей тактики «Бунда» на Украине.

Но если бы условия объективные сложились иначе, если бы в силу международных причин революционное движение снова вспыхнуло бы на Украине, что тогда стал бы делать «Бунд», так разочаровавшийся в политике «левого блока»? Если бы он хотел сделать все выводы из этого банкротства прежней тактики? Не следует ли предполагать, что при новом революционном подъеме «Бунд» станет ставить ставку на один лишь пролетариат? Забегая несколько вперед, мы можем сказать, что неудачный флирт «Бунда» с Ц. Р. в октябре—декабре 1917 года много содействовал тому, что с января 1919 года после германской революции, «Бунд» не пошел по следам меньшевизма, что он легче поддался влиянию коммунистических идей, чем другие части «Бунда» вне Украины.

Настоящие итоги были подведены значительно позже, а тогда, в январе—феврале 1918 года «Бунду» вопреки его решительному выступлению против националистической позиции Ц. Р. суждено было еще пережить несколько позорных моментов, плоды его анти-большевистской ориентации должны еще сказаться, он должен компрометировать себя до конца.

4. Водворение и падение Советской власти на Украине.

Анти-большевистские настроения на верхах «Бунда» в начале января все более и более крепнут. Разгон Учредительного Собрания и стрельба по демонстрации 5 января в Петрограде и Москве, репрессии по отношению к городским думам в Минске и Витебске и по отношению к самому «Бунду» в Витебске толкнули вправо самое левое крыло в «Бунде», крайних интернационалистов. Тактика Советской власти, водворявшейся на Украине, как чужая инородная сила, также не импонировала и определенно содействовала не размежеванию, а сближению разнородных групп *на верхах* «Бунда». Но в то же время в низах время от времени стихийно прорывались симпатии к большевикам, создававшие иногда очень острые трения внутри отдельных крупнейших организаций «Бунда» на Украине.

Провозглашение «самостийности» имело в виду укрепление Ц. Р. в будущем (при посредстве германцев), на первых порах оно, конечно, должно было привести лишь к ослаблению Ц. Р., к полной изоляции ее от всего городского и [illegible]

кие крестьянские элементы, при всей их склонности к украинизации, не чувствовали никакой симпатии к идее отделения от России. Этим объясняется, что самая влиятельная фракция Ц. Р.—укр. соц.-рев. считала нужным в своей декларации по поводу 4 универсала оговорить свою неизменную привязанность к идее «федерации с Россией». Только городская украинская интеллигенция и мещанство и поддерживали в этот момент Ц. Р. безоговорочно, но это очень и очень слабая поддержка. Она вызывала со стороны Ц. Р. все более и более стремительные шаги в сторону «украинизации», но шаги эти, направленные к исключению из школ русского языка, к обязательному изучению украинского языка, вызывали негодование русского и еврейского обывателя городов. В буйном порыве к украинизации генеральный секретариат труда задумал видоизменить национальный состав пролетариата. В середине января в Киеве последовали массовые увольнения рабочих арсенала, этого оплота большевизма в Киеве, задуманы были увольнения на жел. дор., почте и телеграфе. Кто-то подсказал Ц. Р. новое мероприятие: в целях обороны удалить из Киева всех поселившихся в нем в течение последнего года—это было направлено, главным образом, против евреев, до революции не имевших правожительства в Киеве. Все эти «украинизаторские» шаги привели к одному: обыватель, ненавидевший большевиков, стал с нетерпением ожидать их прихода, чтобы избавиться от этой чужой власти, докучающей ему своими мелкими, но чувствительными уколами. Настроение еврейского обывателя к тому же имело и еще испытание в виде определенно-антисемитских и погромных выступлений «вольного казачества».

Между тем советские войска стоят под самым Киевом. В поддержку им в городе объявлена всеобщая забастовка. Большевики дали этот лозунг в самый подходящий момент. Ненависть к Ц. Р. так велика, что к забастовке присоединяются даже рабочие завода Гретера, идущие обычно за рос. соц. рев., бастуют и рабочие меньшевики и бундовцы. Для внесения порядка в расстроенные ряды устраивается широкое заседание м-ков и «Бунда», на котором принимается общее решение: *звать к прекращению забастовки*. Но вопреки этому общему решению комитет «Бунда», собравшись отдельно и не в полном составе, принимает иное постановление, объективный смысл которого один: поддержка объявленной стачки. Комитет предлагает превратить стачку, объявленную без определения срока, в двухдневную стачку протеста против националистической политики Ц. Р. Комитет отвергает все обвинения в сочувствии большевизму и считает эту свою позицию в вопросе о стачке логически [illegible] из позиции, занятой фракцией «Бунда» в Ц. Р.

при голосовании 4 универсала. Но в данный момент фракция «Бунда» вновь поддерживает Ц. Р., которая борется против б-ков; выступление киевского комитета «Бунда» с призывом к забастовке, согласовать с позицией фракции было невозможно.

В этом конфликте сказалось расхождение между настоящей слишком гибкой политикой верхов «Бунда» с настроением (но только с настроением) широкой периферии, рабочей организации. Решение киевского комитета не было проведено в жизнь под прямым давлением председателя комитета (автора этих строк), заявившего о своем уходе из комитета. Но киевская организация на своем ближайшем собрании уже при господстве Советской власти, приняв совершенно определенную анти-большевистскую резолюцию, высказалась одобрительно о тактике комитета в январские дни, признав правильным и предполагавшийся призыв к забастовке.

Конфликт с киевским комитетом по вопросу об отношении к Ц. Р. не заставил Бюро Областного Комитета и фракцию в Ц. Р. хотя бы смягчить свою линию. В гражданской войне между б-ками и Ц. Р. (даже контр-революционной) «Бунд» остается с Ц. Р. вопреки своим резким выступлениям в начале января месяца, Областной Комитет в середине января выпускает воззвание под заглавием «Будьте осторожны»! в котором пишет, вопреки своим прежним декларациям:

«Уже три дня в самом Киеве идут кровавые бои...

В восстании можно заметить различные силы, объединившиеся под одним знаменем.

Борятся рабочие, недовольные националистической политикой, применяемой министерством труда к рабочим арсеналам.

Другие недовольны политикой, ведущей Украину к «самостийности» и сепаратному миру.

Вот это-то справедливое и законное недовольство использовано б-ками...

Мы должны предостеречь еврейских рабочих и звать их быть осторожными и соразмерять каждый свой шаг.

На Украине уже разгорелся пожар националистической вражды. И этот-то пожар и желают использовать богачи и помещики всех народов, чтоб сломить силу демократии. Они ненавидят украинскую демократию, Ц. Р., за ее политику в земельном вопросе. Они—дворяне и магнаты, сахарные фабриканты и плантаторы пришли в трепет, когда Ц. Р. провозгласила: «Вся земля — всему народу!» И они поддерживают восстание в надежде, что оно уничтожит и Ц. Р., и провозглашенную его земельную реформу.

Ц. Р. провозгласила принцип свободы и равноправия всех национальностей и их языков, национально-персональную автономию. Острое орудие угнетения—национальная ненависть, вырвана из рук господствующих классов. И они вне себя, они негодуют.

Таким образом восстание, поднятое б-ками, оказывается поддержанным самой подлинной реакцией, тут «Бунд» повторяет широко распространенное среди украинских националистов «объяснение» одной из причин восстания. Заслуги

Ц. Р. выпячены на первый план. Дальше следует подробный перечень всех прегрешений большевизма против демократии и снова восхваляется Ц. Р. в противоставлении харьковскому Ц. И. К. и народному секретариату:

«В харьковском совете представлены только отдельные советы—малое меньшинство демократии. Ц. Р. составлена из представителей рабочих солдат и крестьян всей области. Съезд 6-го декабря в Киеве выразил Ц. Р. полное доверие...

«Харьковский совет—группа, желающая установить диктатуру меньшинства над большинством. Ц. Р.—временный парламент Украины, стоящая на страже революции до прихода подлинного хозяина области — Украинского Учредительного Собрания...»

Далее говорится о позиции «Бунда» внутри Ц. Р., устанавливается, что «Бунд» боролся и будет бороться против националистической политики Ц. Р.

«Но мы протестуем против того, чтобы каждая борьба превращалась в кровавое восстание. Страна уже пьяна от крови».

«Мы признаем Ц. Р., рожденную революцией, поражение которой будет смертельным ударом для революции. Поражение Ц. Р. есть смерть для Украинского Учредительного Собрания, начало страшной анархии, в которой пойдет ко дну все, что создано революцией.

«За Ц. Р. это значит за и вместе с демократией...

«Где господствуют б-ки, там нет уже и тени свобод, завоеванных революцией...

«Против анархии, против гражданской войны, за революцию и за демократию зовем мы еврейских рабочих Украины».

Таково это воззвание партии, которая на протяжении двух недель забыла то, что она сама говорила. И это забвение было необходимо только для того, чтобы оказать поддержку против б-ков, которые были и остались главным врагом. К чести киевской организации «Бунда» надо отметить, что это воззвание многие члены ее отказывались распространять.

Но от «Бунда» и вообще от «неукраинской демократии» требовалось бо́льшее. В этом воззвании все же есть критика Ц. Р., есть осуждение ее политики и 4 универсала. Этого было мало «украинской демократии» и когда в Ц. Р. ряд фракций потребовал от большинства осуждения антисемитических и хулиганских выступлений «вильного казацтва», «украинская демократия» поставила условием: одновременное осуждение и б-ма. Решено было издать общее воззвание от имени всех социалистических партий, представленных в Ц. Р. Это воззвание краткое. В нем нет уже никакого осуждения Ц. Р., все слились в одну кашу и сообща зовут: «покинуть ряды восставших против Ц. Р.» и «поддерживать вновь образовавшееся правительство» в его демократической политике.

Выпуск этого воззвания вызван требованиям внутри-парламентской политики. Оно было нужно «для очищения атмосферы внутри Ц. Р.». Оно «в известной мере устранило недоверие между партиями в Раде» («Ф. Ц.» № 15(17) «последние дни Ц. Р.»). Положение фракций оппозиции, [illegible]

ственно, было тягостное. В статье «под грохот пушек» М. Р. пишет («Ф. Ц.» № 14—76):

«Тяжелое настроение охватило все фракции. Положение не прочное. Сегодня б-ки, возможно, борьбу в Киеве проиграют, но кто знает, что принесет завтрашний день?

«Открытая измена украинской армии давит на настроение украинских фракций. Одна часть войска провозгласила нейтралитет, другая часть находится в арсенале и из пушек обстреливает украинскую национальную идею.

«И врываются снова реакционные настроения. Ищут виновного, на ком бы выместить гнев. «Виноваты жиды», говорит улица, так говорят и солдаты из «вильного казацтва», и это повторяют и члены Ц. Р.

«Недавно еще революционная, украинская армия разрушена, дезорганизована, порядок поддерживает «вильно казацтво», состоящее отнюдь не из революционных элементов. Эта новая сила требует награды. *Она тянет политику вправо.* Украинские фракции дают себя тянуть.

«Фракции «Бунда и меньшевиков сопротивляются, они зовут—к сдержанности. *Против чувства мести, против жажды крови, против [illegible].*

«Подозрительность, обвинения в измене слышны в ответ, дают себя чувствовать. Угнетающая создалась атмосфера в Ц. Р.

«Принят законопроект о земле, образовано новое министерство, на 2 февраля назначен созыв Учр. Собр., выпущено совместное воззвание против погромов,— *но удастся ли задержать стремление вправо,* всегда имеющее место после подавленного восстания? Останется ли Ц. Р. на своей революционной позиции?

Автор как будто верит еще в победу Ц. Р. в борьбе против б-ков. Но вот второй очерк того же автора, напечатанный в № 15(77) «Ф. Ц.», уже после прихода советских войск:

«В порядке дня стоят три законопроекта: о 8 час. раб. дне, о госуд. контроле над промышленностью и какой-то третий, о котором мы так до конца и не узнали... Чувствуется — *наступил последний час...* Но есть какая-то пикантность в том, чтобы обсуждать законопроект *о 8 час. раб. дне* под выстрелами б-ских пушек, этот закон нужно во что бы то ни стало провести, будь что будет... В 6 вечера Грушевский закрывает заседание и тем самым и сессию Ц. Р... Депутаты должны расходиться. Но это не так-то легко... Придут ли депутаты живыми к себе домой? Не застигнет ли их в дороге большевистская пуля как раз после того, как принят 8-часовой рабочий день».

Так досидели представители «Бунда» и меньшевиков до последней минуты в Ц. Р., борясь теми или иными способами против водворения Советской власти и с серьезным видом занимаясь парламентской работой, наивно веруя в демократическую ценность творчества Ц. Р., тогда уже и по бундовской оценке вступившей на контр-революционный путь.

28 января (10 февраля) Киев был занят советскими войсками, 16 февраля (1 марта) в город вступили передовые германские части. Три недели держалась в Киеве Советская власть. Во главе советских войск был Муравьев, тот самый, который шесть месяцев спустя поднял восстание против Советской власти вместе со своей партией левых соц.-рев. и кончил самоубийством при неудаче его. Идеология военных руководителей этой первой Советской власти на Украине не могла привлечь симпатий даже [illegible] к Советской власти.

Приказ № 14 Муравьева, говоривший о свободе, которую он «с дальнего севера» несет сюда на острие штыка, дал достаточно оснований для того, чтобы говорить об «оккупационном социализме». Стихийная борьба против всего украинского, за которым чудилась Ц. Р., эксцессы первых дней, отсутствие уважения к органу местной власти—совету рабочих депутатов,—все это были моменты, дававшие пищу критике. Затем последовала отмена украинских денежных знаков, вызвавшая заминку и среди рабочего населения,—все это были шаги, отнюдь не свидетельствовавшие о наличности у руководителей большого плана. А кругом слухи о близости немцев, первые сведения о переходе границ австрийцами. Эти три недели Советской власти, конечно, не могли создать внутри «Бунда» какого-либо перелома.

Пропала лишь наивная вера в то, что советскую власть во всей России можно свергнуть так легко, как это казалось в первые дни после октябрьского переворота. Было видно, что Брестский мир, сократив территорию советской России, на этой территории сохранит Советскую власть. Сообразно этому в лагере меньшевистском шел легкий пересмотр тактики. В центре он привел к решению вернуться в большевистский Ц. И. К., в Киеве и Одессе толкнул «Бунд» к вступлению в состав Исполкомов, конечно, для критики изнутри и т. д. Была склонность к соглашению с б-ками, конечно, при условии отказа их и т. д. Соответственно этому лидерство «Бунда» в киевском совете перешло к определенному интернационалисту тов. Хейфицу, а за т. Рафесом сохранилась роль лидера антибольшевистской оппозиции в городской думе, которая просуществовала все три недели.

Для характеристики настроений в «Бунде» отметим, что на общем собрании киевской организации при 780 участниках предложение группы большевиков о признании Советской власти получило за себя лишь 11 голосов при 7 воздержавшихся. Политика Киевского Комитета в период восстания (с конфликтом с областным Комитетом) одобрена 100 чел. против 50 при 30 воздержавшихся. Общая политическая резолюция, повторяющая тезисы резолюции VIII съезда, была принята 130 голосами против 6 при 46 воздержавшихся (это группа оборонцев). Решение войти в состав Исполкома принято почти единогласно (13 против 19 воздерж.). Здесь перед нами ряд признаков общего положения «Бунда» при сохранении принципиальной анти-большевистской позиции.

Среди руководителей думского социалистического блока (правые соц. рев. и правые меньшевики) преобладали настроения примиренческие. Они не желали принципиальной политической борьбы с б-ками, а искали делового контакта, [illegible] сохранении думы. Эта линия [illegible]
[illegible]

политической платформы, на основе которой была избрана дума. Она означала рост политического индифферентизма и переход на позиции старых либералов в дореформенных думах. Большинство киевской, а потом и одесской думы усваивало постепенно эту тактику примиренчества. Начав с приспособления к режиму б-ков, дума продолжала шествовать и далее по этому пути, мирилась легко с режимом Ц. Р. при немцах, с режимом гетманщины, негодуя против политических резких выступлений, инициатива которых всегда почти исходила от «Бунда». Мы привели здесь эти замечания, чтобы читатель не видел в примиренчестве Киевской думы по отношению к б-кам чего-либо такого, что свидетельствовало бы о левении думы. Наоборот, в этой тактике дума шла единым фронтом вплоть до правых. Диссонанс вносили лишь выступление гласного Рафеса, искавшего в каждом заседании материала для политического выступления против большевиков.

Яркую линию против большевизма вела и партийная газета «Бунда»—«Фолксцайтунг», оплакивавшая гибель всех завоеваний революции, а в особенности национальных (автономия Украины, национально-культурная автономия и т. д.), и выражавшая твердую уверенность, что большевики работают на реакцию, на реставрацию, лишь облегчая им работу. Задачи непосредственной работы для водворения социализма «Бунд» попрежнему считал утопической и признаков грядущей мировой социальной революции не видел.

К 1-му марту в Киеве ожидали вступления украинско-немецких войск. На сцене снова появилась городская дума, в период Советской власти влачившая жалкое существование. Помня настроение «гайдамаков» и «вильных казаков», с которыми они покинули Киев, демократические круги имели все основания тревожиться за будущее: ждали еврейского погрома, расправы с рабочими организациями. Выдвинута была идея отправления делегации к идущим в Киев войскам для предупреждения эксцессов. Дума считала это необходимым и для легализации нейтральной городской охраны из Грузин. Негодование представителей Советской власти против инициаторов посылки делегации вполне понятно: ведь это было стремлением связаться с врагом с идущей на Киев контр-революцией еще на глазах у власти, борющейся за свое существование. Этим негодованием и надо объяснить возникновение и неосновательных толков вокруг этой делегации, в которой участвовал и автор настоящего очерка. Мы несколько остановимся на этом эпизоде, чтобы попутно оттенить и те настроения, которые господствовали в «Бунде» к моменту ухода большевиков и прихода немцев.

Чтобы сохранить максимальную объективность, мы при- [illegible]

Рафеса, которое сделано было в заседании думы 1 марта за час до отправления делегации.

Вот текст этого заявления: [1])

«Дав свое согласие на участие члена фракции «Бунда» в делегации, отправляемой думой к украинской власти, идущей во главе войск к Киеву, фракция «Бунда» уполномочила меня сделать следующее заявление: «Наше участие в делегации, да и самая отправка ее при создавшемся сложном политическом положении может создать почву для всяких кривотолков и недоразумений. Мы желаем их устранить. Никому из гласных думы, из ее нынешнего большинства не могло и в голову притти придавать делегации характер торжественной встречи украинской и немецкой власти. Большевистская власть уходит при столь тяжелых внутренних и международных политических условиях, что исключена всякая возможность торжественной встречи украинской власти, к тому же идущей во главе не только украинской, но и иностранной армии.

«Наша партия, занимавшая в Центральной Раде после провозглашения 4-го универсала место крайне-левой оппозиции, не может, конечно, солидаризоваться с политикой украинской власти сейчас, когда наступили неизбежные последствия ее предыдущих шагов. Наша делегация преследует, конечно, политические задачи, но задачи эти ничего общего не имеют с приветствием и торжественностью.

«Мы хотим, поскольку это позволяют нам наши силы, предохранить население от политики мести. Большевизм сейчас переживает момент полного распада, от него стихийно отворачиваются рабочие массы. Необходимо поэтому в настоящий момент разумными мерами власти внести успокоение и мир. Период подавления восстания всегда сопровождается поворотом политики власти направо. В восстание вовлечены широкие рабочие массы. Большевизм сросся со многими рабочими организациями. Массовая расправа с большевиками приведет к разрушению профессионального движения и прочих рабочих организаций.

«Резолюция думы желает предохранить от таких шагов военной власти. Она провозглашает амнистию. Она хочет защитить население от политики мести и расправы за те или иные грехи большевистских деятелей».

Реакция не оценила «благородной наивности» лидеров киевской думы. Расправа была неизбежна. В первую голову, за отсутствием подлинных большевиков, она вылилась на голову профессиональных союзов и евреев и в частности на «Бунд». Голосование «Бунда» против 4-го универсала не могло быть забыто националистической реакцией. Оно вытравило из памяти украинских «рыцарей» все заслуги соглашательского «Бунда» в октябре-декабре 1917 года и даже его содействие Ц. Р. в борьбе против большевиков. В первые же дни прихода Ц. Р. были расстреляны гайдамаками два члена киевской организации «Бунда», рабочие сапожной мастерской уездного земства тов. Гуткин и Линдхейн. Самому Рафесу пришлось скрываться в течение трех недель в виду открытых угроз гайдамаков расправиться с этим известным «большевиком».

Так зигзаги соглашательской политики, наконец, полное ее банкротство изолировали «Бунд» и справа, и слева, создавая, казалось бы, почву для быстрой переоценки всех

[1]) Приводится в переводе с еврейского из брошюры [illegible]

ценностей. Но «Бунд» не поддавался. Слишком силен был в нем «демократический» фетишизм, слишком сильна была привязанность к программе прошлого. В отдельные моменты последующего периода реакции могли и будут вспыхивать отдельные лучи просветления. Общая анти-большевистская позиция могла неожиданно получить небольшой изгиб, изломину. Потребовалось наступление германской революции, чтобы решительно надломить все влияние «демократическо-буржуазной» линии меньшевистского «Бунда».

IV. ПОД ГНЕТОМ ОККУПАЦИИ И РЕАКЦИИ.

1. Германско-украинская Центральная Рада.

Поражением Советской власти и вступлением германско-австрийской оккупационной армии на территорию Украины заканчивается первый годичный период революции на Украине. Явившаяся по призыву мелко-буржуазных политиков иноземная воинская сила сразу изменила соотношение сил. Господство Центральной Рады в сущности кончилось в тот самый день, как вновь оно было восстановлено при содействии германцев. Власть должна была перейти к буржуазно-помещичьим группам, но это не могло произойти сразу. Германскому милитаризму, до поры до времени, необходимо было внешнее прикрытие, которое облегчало бы продвижение армий с запада на восток, придавало бы этому продвижению легальный характер. Это продвижение продолжалось целых два месяца — март и апрель 1918 года, и именно в течение этого периода и длилось существование Центральной Рады.

Появление внешней военной силы разделило все население Украины на два лагеря: *лагерь легальной гражданственности*, объединявший все жаждущие порядка слои населения и в том числе и городское мещанство и деревенское кулачество, *и лагерь революционного подполья*, куда укрылись революционные элементы крестьянства и пролетариата. Мелкая буржуазия должна была в течение целых двух месяцев играть роль «ослов», чтобы, так сказать, изнутри подготовить переход власти к верхним десяти тысячам.

Что за жалкую картину являет собой в эти два месяца Центральная Рада и ее мнимое правительство! Революционной идеологии украинского движения нанесен собственными руками самый жестокий удар: связь с крестьянством утеряна окончательно, ибо всем ясно, что не удержать крестьянам [illegible]

ными Центральной Радой. Но в то же время деятели Центральной Рады не желают расстаться с словами, заученными в октябре 1917 года по третьему универсалу. Повторение слов не может, конечно, создать какого-нибудь творчества в социальной области. Вся энергия положительной работы уходит поэтому в «укрепление национальных завоеваний». Берется твердый националистический курс, повсюду проводится украинизация, разрубаются все связи с Россией. Этот курс на руку и германским политикам, которые поддерживают украинскую «самостийность». Из среды украинских политических групп все настойчивее выдвигается группа «социалистов-федералистов», этих отпрысков ка[illegible]кого лагеря. Группа эта упорно зовет к ликвидации в[illegible]х «революционных утопий» и к усвоению реального курса — [illegible] буржуазию. Провозглашается необходимость свободы конкуренции и эксплоатации, необходимость укрепления земли в собственность крестьян. Так постепенно изнутри подготовляется переход власти к имущим классам Украины.

Сама Центральная Рада и ее правительство делают «добрую мину в дурной игре». Приходится защищать каждый шаг наступающей реакции, каждый удар германского милитаризма против революционных свобод. Призвали немцев для укрепления государственных начал, приходится учиться у юнкера способам их укрепления. И «украинская демократия» учится, беря на свою защиту и запрещение празднования годовщины февральской революции, и разгон собраний, и экзекуции в деревне. Где-то в подполье вспыхивают столкновения с революционными силами. В отдельных местах началась партизанская борьба против германских оккупационных войск. До всего этого нет дела Центральной Раде, возглавлявшей в марте-апреле всю легальную гражданственность Украины.

Что же в течение этого двухмесячного периода [illegible] «Бунда»? Какова была его ориентация? Вместе с м[illegible]ками и рос. соц.-р.-в. он остался в Центральной Раде, [illegible] среди групп легальной общественности. Тут «Бунд» отмежевал себе особое место, из которого и обстреливал мелкобуржуазную националистическую реакцию, но в то же время только ее имея в виду и фактически к ней идеологически приспособляясь. Если нужна была реакции эта жалкая Центральная Рада, то нужна была ей и оппозиция внутри Рады, так как и большинство и оппозиция своей внутренней парламентской борьбой помогали прикрыть происходившую за стенами «парламента» подготовку переворота.

В течение этого периода, несмотря на всю резкость своей парламентской оппозиции, ориентация «Бунда» все время оставалась внутри-парламентской, а не революционн[illegible]
[illegible]

говорильней, которая ничем не могла изменить фактической политики фактической власти в стране. Бывшая в конце марта 1918 года вторая украинская конференция «Бунда» вполне подтверждает данную нами здесь характеристику позиции «Бунда». Приведем с сокращениями наиболее важные резолюции этого совещания.

Конференция устанавливает, что оправдалась оценка 4-го универсала, данная фракцией «Бунда», что «независимость Украины не могла осуществиться при данном соотношении международных сил» и что «в настоящее время Украина стоит уже перед опасностью в случае затяжки войны быть использованной внешней силой и превратиться в военно-хозяйственную базу для Австро-Германии». Конференция останавливается подробно на источниках растущего шовинизма во всех мелко-буржуазных слоях населения и особо отмечает роль внешней войны с Россией как в развитии национализма, так и в укреплении политического влияния русских «реакционно-националистических групп, стремящихся военной силой восстановить единство России». В виду этого конференция настойчиво выдвигает идею *скорейшего заключения мира с Советской Россией*, в результате которого должна быть восстановлена федеративная связь с Россией.

Лозунг мира с Россией, несомненно, является признаком отказа украинского «Бунда» от активистской позиции. Борьба Ц. Р. вооруженной силой против большевиков привела к союзу с германским империализмом и к победе крайне-националистических стремлений в рядах украинского мещанства. Не ставя вопроса о доле своей ответственности за результаты анти-большевистской кампании, ведшейся при его активной поддержке, вообще не занимаясь никакой общей переоценкой своей позиции, «Бунд» эмпирически доходит до отказа от борьбы с Советом Народных Комиссаров, до идеи соглашения с ним на почве «территориального размежевания». Эта своего рода «самостийническая» позиция отнюдь не свидетельствует о приближении к большевикам. Конференция по поводу отчета Областного Комитета выносит одобрение всей его политике за декабрь-январь. Только воззвание «Будьте осторожны» (см. предыдущую главу), выпущенное в январе, в самый разгар вооруженной борьбы в Киеве, с призывом к поддержке Ц. Р. вызывает серьезные разногласия и одобряется 75 гол. против 2 при 17 воздержавшихся.

Характерно, что конференция эта совершенно не уловила той центральной идеи, вокруг которой только и могла в будущем развиться революционная борьба на Украине. Если бы она искала связи с революционным подпольем, она [illegible]
[illegible]

всем этом в резолюциях ничего нет. Говорится о том, что «пролетариат, единственная революционная сила на Украине, должен концентрировать все свои силы для спасения демократических завоеваний революции»; рабочий класс призывается к борьбе за созыв Украинского Учредительного Собрания, вместо Ц. Р., ставшей слишком оторванным от массы суррогатом, как будто это безжизненное Укр. Учред. Собр. способно приобрести какое-либо влияние на ход событий. Еще больше в резолюциях конференции говорится о борьбе за суверенитет Украинской народной республики против вмешательства иноземных сил. Все это—область вопросов и идей, волновавших те слои и группы, которые мы отнесли к легальной общественности: на них-то «Бунд» и ориентировался, не выходя из круга их идей, хотя и занимая свою самостоятельную позицию.

Эту свою самостоятельность «Бунд» подчеркнул особой резолюцией об отношении к правительству. Резолюция эта гласит:

«При нынешнем соотношении общественных сил на Украине, когда государственная власть должна неизбежно перейти к имущим классам, когда политика правительства направлена в первую голову на установление любой ценой порядка и спокойствия в стране, участие соц.-дем. в правительсве способно только затушевать действительное соотношение сил, будить в пролетариате ложные иллюзии и в конечном счете только скомпрометировать соц.-дем. и ее классовую позицию. Поэтому *соц.-дем. всех народов Украины* не должны принимать никакого участия в правительстве и ликвидировать без остатка прежнюю политику, вытекавшую из иных условий и задач революционной эпохи. Оставляя себе полную свободу по отношению к любому правительству, соц.-дем. в политической борьбе должна главной своей задачей ставить: концентрировать вокруг ее знамени самостоятельно организованные силы рабочего класса, борющегося за социализм, и этим путем толкать всю демократию на путь последовательной борьбы за свободу и право».

Здесь полностью реставрирована соц.-дем. позиция эпохи дореволюционной. В резолюции мы нигде не встречаем прямого указания на то, что «Бунд» считал революцию законченной, но таково именно и было настроение лидеров «Бунда» в эти первые месяцы появления оккупационной армии и безудержного роста внутренней реакции.

Мы подчеркнули в резолюции об отношении к правительству слова «соц.-дем. всех народов Украины». Тут имелись в виду украинские соц.-дем., участвовавшие в правительстве до последнего момента и выдвинувшие из своей среды министра юстиции Ткаченко, оказавшегося очень ярким подражателем Столыпина. Украинской так называемой соц.-дем. партии посвящена особая резолюция, где ее в очень мягких тонах упрекают в «отклонении от чистой классовой позиции» и выражают надежду, что она еще исправится. Самое [illegible]
[illegible]

циализмом не имеющей, является достаточным признаком чисто-парламентской ориентации «Бунда».

В общем всю позицию «Бунда» этого первого периода реакции можно охарактеризовать одним словом: «полнейшая растерянность и беспомощность», вытекавшая из отсутствия определенных перспектив в будущем и сильнейшей привязанности к традициям и навыкам предыдущей эпохи. Эта беспомощность сказалась особенно ярко в последние дни существования Ц. Р., когда над ней уже повис дамоклов меч германского империализма. Генерал Эйхгорн издал свой приказ о посевах, в коем игнорировал как земельные законы Ц. Р., так и самое существование украинской власти. Было ясно, что готовится разгон Рады, была уже видна и работа по мобилизации тех групп, которые должны играть роль «народа» в предстоящем действии. Деятели Ц. Р. вели двойную игру. Вели переговоры с Берлином и Веной, надеясь сверху повлиять на местные власти, вели переговоры с Эйхгорном и послом Мумом о смене кабинета и изменении земельного закона в сторону признания земельной собственности, в то же время принимали в Ц. Р. боевые резолюции с угрозой народного гнева. «Бунд» и меньшевики имели мало отношения к закулисной стороне всей этой хлопотни, хотя и были о ней информированы, но сообща с Ц. Р. демонстрировали народный гнев, заявляя о своей поддержке «украинской демократии» в ее борьбе с иноземной силой. Все это было смешно, ибо было ясно, что никакой борьбы и не будет, что не Ц. Р., приведшая германцев, способна организовать эту борьбу, если бы она даже и захотела. Но надо иметь в виду, что и охоты такой у них не было, ибо не все еще казалось потерянным: германский империализм недоволен земельной политикой, но он заинтересован в укреплении украинской государственности, украинской культуры. В других формах соглашение, может-быть, еще наладится.

Судьбе угодно было, чтобы Ц. Р. была разогнана как раз в момент произнесения Рафесом своей речи, в которой давалась оценка германского империализма, но в то же время подводились итоги работе «Бунда» в Ц. Р. В сотый раз лидер «Бунда» Рафес обещал поддержку «украинской демократии» в ее борьбе с врагами, а эта «украинская демократия», может-быть, имела уже в кармане готовый проект устава «Национального союза», который должен будет в ближайшем будущем заняться деятельным приискапием сделки с гетманщиной. Но «Бунд» шел в ногу с «украинской демократией» до самого конца. Он не мог участвовать в протесте против разгона Ц. Р., ибо этого протеста не желала сама Ц. Р., зато он участвовал в том последнем заседании Ц. Р. [illegible] министров и [illegible]

извинений, принесенных фон Мумом), когда обсуждалась и принималась в назидание потомства конституция Украинской народной республики, конституция, которой так и не удалось никого осчастливить. «Украинская демократия» позже к ней не возвращалась, так как новые идеи были позже пущены ею в оборот все для того же укрепления национальных позиций.

2. В период гетманщины.

28 апреля умерла Центральная Рада, на площади Богдана Хмельницкого «был выкликан» гетман Скоропадский. На Украине началось царство «Протофиса» и «Су[illegible]ифа». К власти германским империализмом были призваны купцы, землевладельцы и фабриканты Украины. Они все ничего общего не имели с идеей украинской «самостийности», но обязались в угоду своему господину—германскому империализму—укреплять эту «самостийность». До поры до времени это было для них терпимо, так как во всяком случае и на этой ограниченной территории можно было свободно под защитой германского штыка возобновить эксплоатацию и спекуляцию без всех тех ограничений, которые устанавливали разные правительства революционного времени. Все фиговые листки были сброшены, ликвидация остатков революционного периода пошла усиленным темпом. Восстановлена была цензура и предварительное разрешение на всякие собрания и съезды, готовились к роспуску дум и земств и к введению новых органов самоуправления на цензовых началах. Подготовительная работа шла усиленным темпом. В течение всего этого периода не прекращалась борьба против большевиков и большевизма, который неожиданно вспыхивал то в форме партизанских выступлений крестьян, то в форме всеобщей железнодорожной стачки. К концу августа реакции казалось, что с подлинными большевиками покончено и она взялась энергично за остальных социалистов. В ночь на 28 августа по всей Украине произведены были аресты среди «Бунда», меньшевиков и соц.-рев.,—всех обвиняли в приверженности к большевизму. В то же время были распущены и все думы и земства—оплот правых социалистов.

Казалось бы, что по отношению к столь откровенному режиму реакции, опирающемуся на германские штыки и стремящемуся к реставрации царских порядков, в рядах подлинной демократии могло быть одно лишь голое отрицательное отношение. И все же в рядах думских меньшевиков и соц.-рев. Киева, Харькова, Одессы то и дело прорывалось стремление к компромиссу и соглашению. Тактика [illegible] протеста отвергалась, [illegible]
[illegible]

общего потопа»,—таково было часто преобладающее настроение в этих думских кругах. Позорное поведение одесских соц.-рев., согласившихся с реакцией на составлении назначенной управы с разгоном думы, заигрывание киевских думских меньшевиков и соц.-рев. с правительственной партией—кадетами, чтобы этим путем уговорить реакцию остановиться на полдороге,—таковы типичные случаи этого рода поссибилистической тактики. Другая часть меньшевиков засела в созданном на майском съезде профессиональных союзов «Уцентропрофе» и здесь изнутри бомбардировала большевиков, имевших большее влияние в отдельных профессиональных союзах. На востоке Украины у меньшевиков преобладало интернационалистское течение, готовое к революционным выступлениям, но это настроение не отражалось на тактике «Уцентропрофа», попавшего в руки группы правых меньшевиков.

В украинских кругах первые впечатления свержения Центральной Рады постепенно сгладились. Реалисты в политике, украинские демократы типа Винниченка и Петлюры не могли долго сидеть без дела. Их «национальный союз», созданный для перенятия власти, не мог выжидать наступления лучших дней и вступил в переговоры о разделе власти. Как выразился позже председатель Совета министров Украинской Директории Чеховской, для каждого времени есть свой состав украинского национального союза. Для гетманщины самыми подходящими были украинские социалисты-федералисты, немало сами содействовавшие наступлению этой самой гетманщины. Позже Винниченко объяснял вступление представителей национального союза в гетманский кабинет соображениями революционной тактики: нужно было, дескать, замаскировать подготовку восстания. Позволительно однако думать, что не для этого были посланы в гетманский кабинет украинские с.-ф., бывшие горячими противниками восстания. Тут дело, конечно, проще. Это был обычный шаг мелко-буржуазной политики: казалось возможным как-нибудь согласовать интересы реакции и «демократии» на национальной платформе, каковой было стремление к сохранению «самостийности». Возможность эта порождалась сочувствием германских властей этому блоку, который был нужен для интересов внешней политики. После убийства Эйхгорна было важно подчеркнуть связь германской политики с симпатиями «украинской» группы, тем более, что это ни к чему не обязывало и сама политика от этого не должна была претерпеть никаких изменений. Даны были кой-какие обещания насчет демократизма, но их можно было смело не выполнять.

Мы не будем подробно останавливаться на политике [illegible]

сузилось, меньше оставалось возможностей для выявления своего лица. В течение шести месяцев «Бунд» был скорее объектом репрессий, чем свободно действующим субъектом. Мы подробно проследили эволюцию «Бунда» в брошюре «Накануне падения гетманщины», изданной в Киеве в декабре 1919 года, и нет необходимости всего этого здесь повторять. Мы остановимся поэтому лишь на *основных* чертах.

Если первые два месяца после прихода германцев были периодом упадочных настроений, создавшихся на почве растущей уверенности в полной гибели революции, то период гетманщины, наоборот, был периодом нараставших ожиданий нового революционного подъема. «Бунд» в целом, несмотря на отдельные отклонения в центре и на местах, левел и не напрасно был отнесен гетманщиной к лагерю не «эволюционных», а революционных социалистов. Действия оккупационных властей невольно подкапывались под национальную ограниченность идеологии первого периода революции. Перспективы расширились. Все чаще тот или иной из бундовских политиков обращал свои взоры к внутренней жизни европейских стран, ожидая оттуда сигнала к выступлению. Вначале было неясно, как это выступление произойдет, с чего оно начнется. Но затем, когда с конца июля начало намечаться германское поражение на востоке, картина становилась все яснее, и невольно мысль обращалась к вопросу о формах, характере и целях этой новой борьбы. Забегая вперед, мы скажем, что еще в конце сентября руководящая группа «Бунда» на заседании партийного совета вполне определенно ориентировалась на неизбежности германской революции, видя в этой революции шаг к мировому социалистическому перевороту. И эта ориентация была не случайная: она имеет связь с позицией, занятой «Бундом» еще в начале мая, в первые дни после гетманского переворота. В резолюции партийного Совета от 12 мая мы читаем (в виду значения этой резолюции мы приводим со полностью):

«1. Переворот 28—30 апреля на Украине, который произведен австро-германским командованием и реакционным союзом хлеборобов, при содействии финансовой буржуазии и благодаря дезорганизации, царящей в рядах рабочего класса и крестьянства, —этот переворот является нападением внутренней и интернациональной реакции на социальные и политические завоевания трудящихся масс.

Переворот имеет целью восстановить монархию в форме гетманщины и всецело подчинить Украину, а потом и Россию интересам австро-германского империализма. Систематическое вмешательство австро-германского командования во внутренние дела Украины уже в настоящее время привело к воцарению режима фактической оккупации.

Гетманское правительство, выполняющее волю австро-германского империализма, сорвало Учредительное Собрание накануне его созыва и неответственно ни перед каким демократическим учреждением. Партийный Совет поэтому находит, что участие в правительстве кадетов и [illegible]

ных им буржуазных групп вовлекает новые социальные слои на службу господствующей реакции. Это участие только замаскирует контр-революционный характер настоящего правительства и окажет поддержку его реакционной деятельности, ибо кадетская партия открыто порвала со своей собственной программой, которую она выдвинула в период революционного подъема.

II. Чтобы наметить правильную тактику рабочего класса в настоящий момент, социал-демократия должна принять во внимание следующее:

1) Переворот на Украине происходит во время мировой войны, когда интернациональные отношения крайне неустойчивы, когда все страны переживают весьма сложный хозяйственный кризис, а национальная и классовая борьба все обостряется, хотя и принимает часто скрытые формы.

2) Государственный переворот, отнимая у крестьян земли, вызовет противодействие широких крестьянских масс и таким образом создаст политические и хозяйственные затруднения для реакции внутри и во вне.

3) С другой стороны борьба демократии против реакционных сил происходит при исключительно тяжелых условиях, когда рабочий класс в России и на Украине дезорганизован гражданской войной, ослабившей в нем доверие к демократическим учреждениям, когда он не может ожидать немедленной и прямой революционной поддержки от рабочего класса Германии и Австрии и когда его собственная боеспособность так связана военной диктатурой оккупационной армии.

Находя, что *отказ от всех средств борьбы, которые наметились в ходе революции, был бы вредной утопией и противоречил бы интересам рабочего класса, что в известный момент эти средства борьбы могут привести к верной победе демократии над реставрационными силами*, партийный совет считает, что тяжелое положение должно заставить революционную демократию быть исключительно осторожной, раньше, чем она решается на массовые выступления, которые могут при неблагоприятном исходе привести к кровопролитию и к крайнему отчаянию в рядах пролетариата. Поэтому главнейшей задачей настоящего момента должно быть усиление организации рабочего класса, развитие его сознания, чтоб таким путем подготовить его к объединенным общим выступлениям, *возможно даже в ближайшем будущем*, при более подходящей международной ситуации.

4) Агитационная и организационная работа должна быть направлена к мобилизации сил рабочего класса вокруг лозунгов, выдвинутых революцией в России и на Украине, как-то: всеобщее избирательное право, Украинское Учредительное Собрание, федеративная связь Украинской народной республики с другими частями Российской демократической республики, национальная автономия и т. д. Для этого необходимо на каждый шаг наступающей реакции реагировать протестами самых широких народных масс, чтобы раскрыть реакционную сущность правительства, использовать внутренние противоречия между господствующими классами, стремясь при этом подготовить созыв Учредительного Собрания.

5) В то же время партийный совет находит, что единственным средством положить конец растущей реакции является объединение сил всемирного пролетариата. Поэтому пролетариат на Украине должен поставить себе задачей содействовать тому, чтобы объединение произошло возможно скорее и чтобы опять был восстановлен интернационал».

При обсуждении политической линии на этом партийном совещании вопрос о перспективах революционного движения впервые поставлен был в международном масштабе, и в связи с этим наметились обычные в Интернационале три течения: правая, центр и левая. Приведенная выше резолюция знаменует собой разрыв украинского «Бунда» с правым крылом Интернационала [illegible] его на позиции центра. Но [illegible] [illegible]

две недели, 30—31 мая) происходила в Вене конференция австрийско-немецкой соц.-дем., принявшая единогласно тактическую резолюцию, в основном и главном почти текстуально совпадавшую с резолюцией совещания «Бунда»:

«Конференция убеждена, что настоящий момент не подходит для более крупных выступлений... Конференция призывает предостерегать рабочих от переоценки их сил, удерживать их от необдуманных шагов, которые могут привести к поражениям и сделать рабочий класс неспособным к дальнейшей борьбе»...

Приводя эту резолюцию, «Volkszeitung» в то же время цитирует и статью «Arbeiterzeitung»:

«Не под влиянием малодушия и отчаяния конференция приняла это решение. Хотя мы единодушны в том, что настоящий момент не является подходящим для больших битв, мы вместе с тем единодушны и в том, что час этих больших битв придет. С одной стороны, растет неимоверно концентрация капитала и пролетаризация средних слоев, бедность в среде чиновничества и служащих, революционизирование умов рабочих. Все развитие капитализма, принявшее во время войны столь быстрый темп, идет гигантскими шагами по пути, намеченному Карлом Марксом. Вследствие этого убеждения, а не из трусливого малодушия конференция дала пролетариату совет не ослаблять нашей борьбы бесцельными и бессистемными выступлениями в неподходящий момент».

Солидаризируясь со всеми этими заявлениями, «Ф. Ц.» кончает статью словами: «Социалдемократическая линия выравнивается, создается общий язык, приближается возможность совместной работы и борьбы». Но необходимо отметить, что не единодушно принята была эта резолюция на совещании «Бунда». Что касается правого крыла, то оно представлено было слабо. Борьба с этим крылом в соц.-дем. сконцентрировалась на совместных совещаниях «Бунда» с меньшевиками во время съезда земств и городов, предшествовавшего совещанию «Бунда», и во время конференции профессиональных союзов, бывшей в конце мая. Правое крыло слышать не хотело ни о каких массовых и тем более революционных выступлениях. Возлагая надежды, главным образом, на внутреннюю эволюцию самой реакции под влиянием различия интересов объединившихся вокруг гетманщины социальных слоев и с этой точки зрения считая участие к.-д. в германском правительстве прогрессивным, это крыло всякое упоминание о массовых протестах считало уклоном к большевизму. От этого крыла совещание «Бунда» отмежевалось довольно решительно в своей резолюции, и это имело свои практические последствия: на конференции профессиональных союзов в объединенной фракции меньшевиков и «Бунда» влиянием бундистов надо объяснить победу левого крыла, что не осталось скрытым от департамента полиции. В течение ближайшего месяца все бундовцы, участники съезда, были арестованы.

Менее [illegible]
[illegible]

торое требовало немедленных революционных выступлений, связи с крестьянским движением, то-есть ориентации на союз с большевиками. Совещание признало все это «несвоевременным», его лозунг был: годить. Но если наметились разногласия в области тактики, то их не было относительно лозунгов борьбы: вся конференция оставалась на точке зрения «демократии» и полагала, что нервом будущего выступления по-прежнему будет идея всеобщего избирательного права, Учредительного Собрания. Даже левое крыло, этот будущий зародыш большевизма в «Бунде», не становилось еще на точку зрения социалистической революции: оно ждало международных революционных бурь, но не решалось обозначать смысл и цель этих предстоящих выступлений. Повернув влево, «Бунд» таким образом все же весь остался в лагере анти-большевистском.

Это обстоятельство, конечно, отразилось на целом ряде решений и на позиции его по многим вопросам. Стремление «Бунда» сохранить легальность партии, приведшее к известному телеграфному циркуляру Главного Комитета о подчинении требованию германо-австрийских военных властей о сдаче оружия [1], это стремление встретилось с массовыми репрессиями по адресу всех организаций «Бунда». Вопрос о переходе к подпольной работе поставлен был во многих организациях, но в то же время сам председатель Главного Комитета Рафес за свой страх и риск ответил на массовые аресты публичным открытым протестом от своего имени, обращенным по адресу председателя совета министров, — выступлением, по внешней его форме «явно конституционным». «Бунд» продолжал свою легальную борьбу и в городских думах, не приспособляясь, правда, к реакции и внося в их работу будирующий элемент. За отсутствием на легальной арене большевиков, администрация да и общественные круги, отмечая левение «Бунда», склонны были твердить о «большевистском Бунде». И это тогда, когда его партийный орган изо дня в день продолжал межеваться от большевиков.

Так в июле месяце появляются в «Ф. Ц.» две статьи под заглавием «Банкрот большевизма». Статья начинается словами: «С каждым днем становится яснее, что господство б-ков в России идет к концу. Чехо-словацкое выступление и последние события в Москве и Петрограде заканчивают этот процесс». По мнению автора статей, этот банкрот — результат того, что от б-ков отвернулись не только крестьяне, но и рабочие, ибо «б-ки оказались не в состоянии выполнить свои демагогические обещания». Наученный горьким

---

[1] Эта телеграмма вызвана была создавшейся для «Бунда» серьезной грозой репрессий вследствие обнаружения склада оружия в Екатеринославском комитете «Бунда».

опытом Украины, «Бунд» не питает никаких иллюзий насчет последствий свержения большевистского режима: «Под какими бы лозунгами это движение (против Советской власти) сегодня ни шло, ясно, что *оно должно в большей или меньшей мере привести к реставрации*». А потому соц.-дем. рекомендуется «самостоятельная линия борьбы с большевистской властью», чтобы «быть готовым к борьбе и против реставрации, в какой бы форме она ни появилась».

В другой статье «Борьба в России», помещенной в № 100 от 20 августа, говорится о надеждах, которые в демократическом лагере склонны возлагать на «Антанту» в смысле укрепления республиканского строя в России после свержения большевиков:

«Англия и Франция, действительно, страны более демократические. В них аграрные консерваторы не играют столь крупной роли, как в других странах. Поэтому можно надеяться, что под их влиянием реставрация в России не выступит *так резко* против интересов крестьян и за восстановление господства помещиков. Но ясно, что империалистическое государство, которое сегодня во всем мире опирается на военную диктатуру, вовсе не заинтересовано в укреплении в России республиканского строя».

Уверенный в близком падении Советской власти, автор крайне пессимистически оценивает шансы демократического режима и приходит к выводу, что соц.-дем. должна будет отказаться от участия в будущем правительстве Великороссии.

Как ни смешны кажутся сейчас все эти рассуждения о преемниках Советской власти, написанные в 1918 году, как ни оказались беспочвенны все ожидания ее падения, мы, приводя эти цитаты из «Ф. Ц.», хотим обратить внимание на другую сторону вопроса: *учитывая опыт на Украине и свои собственные ошибки*, «Бунд» на Украине был чужд всяких иллюзий относительно антант и внутренних сил демократии и уже в середине августа 1918 г. проблема власти в Великороссии стояла перед ним вполне ясно: или Советская власть, или царистская реставрация. Это впоследствии значительно облегчит процесс отказа от «демократии» и перехода на Советскую платформу.

3. Накануне германской революции.

Сентябрь месяц 1919 года—критический для политических настроений в «Бунде». С одной стороны, бешеный темп развития реакции на Украине подкапывается и ликвидирует все иллюзии мирного развития. Политическая ситуация становится все более сходна с положением до-февральской революции. Становится ясным, что опять, как тогда, факторами революции явятся пролетариат и крестьянство, вновь лишенное земли. Разница намечается большая: [illegible]

[illegible]

се партией кадетов. С другой стороны, внимание всех деятелей «Бунда», раз он с мая стал ориентироваться на неизбежное развитие революционной борьбы на Западе, все более приковывается к событиям в Германии, развивающимся в связи с поражениями на фронте. По партийному органу «Ф. Ц.» можно проследить этот жгучий интерес ко всем политическим явлениям жизни Германии и Австрии. Уже номер от 18 сентября, посвященный австрийской мирной ноте и политическому кризису в Германии, выходит под громким заголовком «Накануне великих событий». Затем каждый день приносит все новые факты брожения.

Под этими впечатлениями собрался 2 сентября, после продолжительного перерыва, партийный совет украинского «Бунда» с участием представителя от Ц. К. Это совещание прошло исключительно в обмене мнений по вопросу о политическом положении. Во взглядах всех участников совещания и даже организованных фракций царил невообразимый хаос. Ощупью искали путей для ориентации в наступающих событиях. Для всех было ясно одно: борьба за парламентаризм в Германии лишь первый этап, за ней последует революционная борьба германского пролетариата. Во имя чего будет вестись эта борьба?—ставился вопрос и на него центр и левое крыло единодушно отвечали: за социализм, как непосредственную задачу дня. Правое крыло отвечало на этот вопрос иначе: борьба будет за демократизацию строя внутри и в международных отношениях. Здесь была пропасть. На этом совещании «Бунда», в котором участвовала небольшая группа самых ответственных руководителей партии, впервые совершенно ясно и определенно выделилась группа большевиков, заявившая, что в предстоящей на Украине борьбе партия должна стать на Советскую платформу, отказавшись от лозунга Учредительного Собрания. Для всех участников совещания вместе с тем было ясно, что эта революция на Украине неизбежна, ибо силы ее будут развязаны опять-таки неизбежным ослаблением оккупационного режима даже при победе в Германии одного лишь парламентаризма. Но далеко не все участники совещания имели столь определенную позицию во внутренней революционной борьбе, как указанная большевистская тройка. Повторяю, во взглядах всех участников совещания царил невероятный хаос, борьба на этом совещании могла поэтому служить лишь исходным пунктом дальнейшей группировки течений, определенных резолюций было невозможно принять, и еще неоднократно после этого совещания отдельные из руководителей движения оказывались в самых причудливых группировках, пока взбаломученное бундовское море не успокоилось на [illegible] определенной линии.

Революционные настроения конца сентября отразились во вне в выступлении фракции «Бунда» в киевской думе 24 сентября в последнем до ее роспуска заседании. В моей речи можно уже видеть зародыш чисто-большевистской постановки вопроса, хотя я все время и отмежевывался от большевиков.

«В 1907 году российские цензовые элементы не послушались предостережения истории, данного им в японскую войну. Они захотели вести Россию вспять. Но те, которым принадлежит дело 3 июня 1907 года—сколько они властвовали?—Десять лет.—События в феврале 1917 года—вот результат этого реставрационного опыта 3 июня... В 1917 году в феврале сказались силы, которые мы, демократия, накопляли вопреки цензовым элементам. А потом этот капитал свободы... не устоял перед разрушительными тенденциями, плодом аморфности масс, являющейся результатом третье-июньского режима. *Это царизм привел к поражению России*; это поражение—плод третье-июньского переворота 1907 года.

Теперь у нас новая дата: 28 апреля 1918 года. Те же самые элементы, которые в 1907 году поднимали бокал в честь третье-июньского переворота, начинают теперь на Украине восстанавливать старый царский строй. И им мы говорим: *рок истории неумолим* — с вами будет то же, что было с властью, которая принесла реставрацию 3 июня 1907 года...

Нам здесь говорят о законности этой власти... говорят еще, что это власть честная. Нет, это лицемерная власть. Разве кто-нибудь верит ей, когда она клянется в преданности идее «самостийности» Украины?

Кто эти самостийники? Октябристы и кадеты, отрицающие даже автономию Украины? Ведь это явное лицемерие.

Или вот сегодня опубликован протест украинского правительства во имя человечности против насилий, чинимых в Великороссии. Ведь это лицемерие. После массовых арестов социалистов, после того, как организовали форменный поход против всей демократии... когда применяется террор по отношению ко всем мыслящим людям — в то же время протестуют против террора в Великороссии во имя человечности. Разве это не лицемерие?..

...Что эта власть—власть помещиков и капиталистов, можно легко доказать, и напрасно вы это называете демагогией. Если есть что-либо положительное в работе этой власти, то оно заключается в законах, направленных на пользу именно помещиков и капиталистов, но не на пользу крестьян и рабочих. Не только отменен закон о передаче земли крестьянам. Но полностью восстановлена власть помещиков, отменен 8-часовой рабочий день, преследуются профессиональные союзы. И если правительство завтра исчезнет, то в памяти у всех останется, что оно стремилось *установить диктатуру помещиков и буржуазии*, создать такие же социальные условия жизни, которые были бы в пользу этим грабительским классам, а не в пользу рабочим и крестьянам. Мои слова—не демагогия, а самая подлинная правда.

...Здесь гласный Суховых (с. р.) говорил о росте большевистских настроений в массах. Этот факт может наблюдать всякий, кто вступит лишь в соприкосновение с народной массой. Если большевизм на Украине когда-либо будет у власти, то он начнет, вероятно, с того же, что делается сейчас в Великороссии. Почва для этого создана нынешней властью. Разговоры, которые ведутся в широких народных массах о мести по отношению к деятелям реставрационного порядка, накопившаяся злоба против тех, кто отнял права у народа, имеет под собой глубокое основание. Эта злоба так велика, что *если международные условия изменятся и большевики снова станут у власти*, то террор будет уже не сверху, а снизу и будет применяться по отношению ко всем имущим классам. Весь этот террор подготовлен нынешней властью...

...Но каким образом международные условия могут подсказать этой власти мысль о прочности?.. Украина расположена между двумя государствами: на северо-востоке Великороссия, где господствуют большевики, демагогически раздувающие социальные инстинкты широких масс крестьян и рабочих, натравливаемых ими против имущих классов... Это не остается без влияния на психику народных масс Украины. К западу лежит другая держава — Германия—недавно еще вся надежда украинской реакции. Но и там на западе начинается брожение. Застой прошел. Идет борьба пока в сторону утверждения парламентаризма, который все же ослабит милитаризм. А это не останется без влияния на Украину. При таких условиях можно сказать, что сидящие у власти не думают, что творят, они не знают, что ожидает их в будущем.

Я помню, что в феврале 1917 года в беседе во время своего последнего ареста, за 2 недели до февральской революции, на допросе я сказал жандармскому полковнику, что через пару месяцев будет объявлена амнистия всем политическим. Этот офицер громко смеялся по поводу этих моих утопических мечтаний. То же и с этой властью: она не знает, что ее ждет, когда придет ее последний час.

«Мы же, пережившие 1905 и 1907 годы, 7 марта 1917 и 25 апреля 1918 года, мы еще многое увидим и переживем и скоро вернемся в эту залу».

Упоминание о последнем аресте оказалось нелишним. Автор этих строк был спустя два дня арестован и снова (как при февральской революции) был освобожден 9 ноября, в день получения в Киеве известия о германской революции.

Эта речь по своим намекам, противопоставлениям и нарисованной перспективе была полнейшей неожиданностью для всех фракций в думе, но она вполне точно отразила настроения и ожидания левого крыла и центра в «Бунде». В ней новое и отсутствие боязни перед возвратом большевистского режима и эти чисто-классовые группировки взамен обычных расплывчатых указаний и ссылок на демократию, и косвенная защита большевистского террора, и понимание большевистской «демагогии».

Спустя месяц, в конце октября 1918 года, для формулирования партийной позиции созвано было новое заседание партийного совета, которое чуть не кончилось расколом. Был переизбран партийный центр, при чем в состав его демонстративно не был включен Либер, руководивший правой группой на совещании. В резолюции о политическом моменте, принятой совещанием, мы читаем:

1. «Война может в настоящей момент прийти к концу только под давлением пролетариата и в первую голову пролетариата англо-американского.

2. Давление пролетариата создает основу для коалиции пролетариата с индустриальной буржуазией. Но эта коалиция, изолирующая военную партию, которая выражает интересы аграриев и плутократию и подготовляющая возможность соглашения воюющих стран, эта коалиция не обеспечивает демократического мира и не создает никаких прочных капиталистических форм хозяйственной жизни.

3. «В борьбе своей пролетариат, толкая буржуазию к возможно более полной интернационализации хозяйственной жизни, [illegible]

ственный и финансовый кризис, наследия настоящей войны, *для окончательной победы пролетариата в интернациональном масштабе.*

4. «Ближайшая переходная фаза от капитализма к социализму характеризуется обостренной и напряженной классовой борьбой, в которой соц.-дем. должна стремиться освободить пролетариат от тяжелого наследия гражданского мира.

5. «Используя момент напряженной борьбы за мир, наша партия должна энергично содействовать созыву интернационального социалистического конгресса *с участием всех партий, входивших во II Интернационал.*

6. «Наша партия, защищающая в области международной борьбы *основные принципы независимых рабочих партии,* должна на специально-созванной конференции независимых рабочих партий и так называемых меньшинств, наметить общую социалистическую программу мира, общую тактику в международных вопросах и общую боевую линию в социалистическом интернационале *против отклонения как в сторону компромиссов с буржуазией, так и в сторону анархо-большевистских авантюр.*

7. «По вопросу о будущем устройстве России наша партия *защищает идею Всероссийского Учредительного Собрания,* как единственную форму, обеспечивающую наиболее выгодные условия для победы пролетариата.

8. «Борясь за единую федеративную делегацию от всех частей бывшей Российской Империи на мирный конгресс, партия наша будет защищать идею участия в конгрессе представителей народов, а не только правительств.

9. «По вопросу об интернациональном положении Советской власти в России партийный совет полагает, что Советская власть должна быть изжита пролетариатом только в процессе развития его классового самосознания. Каждая попытка борьбы против Советской власти с участием буржуазных групп национальных или международных, приведет лишь к усилению роста большевизма и к индиферентизму пролетариата, без которого невозможна никакая демократизация современного общества».

Можно не заниматься подробным анализом принятых резолюций: это типичная резолюция центровиков, уже ориентирующихся на социалистическую революцию, но желающих достичь победы пролетариата через «демократию». Таким образом, когда взбаломученное море отстоялось, оказалось, что «Бунд» сравнительно с его сентябрьскими настроениями как будто даже поправел, как будто даже растерял свой темперамент борьбы: мы не видим в этой резолюции резкости формулировок; непосвященный во внутреннюю жизнь «Бунда», пожалуй, и не уловил бы, что здесь произошел решительный сдвиг, что партия впервые после начала мировой войны повторяет директиву Базельского конгресса об использовании кризиса, который будет созван войной, для нанесения решительного удара капитализму.

Но надо иметь в виду, что это совещание лишь отдельный *кратковременный* этап на пути развития политической позиции «Бунда». На конференции в среде его большинства шла большая борьба за снятие лозунга Учредительного Собрания, за это не создалось большинства. Но уже спустя неделю после заседания этого партийного совета в том самом номере «Ф. Ц.», в котором помещена эта резолюция, мы находим статью [illegible], который на совещании [illegible]
[illegible] Учредительного Собрания [illegible]

статье в № от 24 октября под заголовком «Екатеринбург, Киев и Уфа» мы видим уже большое разочарование автора, почти отказывающегося от Учред. Собрания:

«Когда рабочий и крестьянин видят, что представляет собой Советская власть, они отворачиваются от нее, но когда они с другой стороны видят, кто борется против Советской власти, когда под знаменем Учредительного Собрания они видят старых своих врагов и старую реакцию — они совсем бегут из-под знамени Учредит. Собр. и демократической республики и часто—обратно к Советской власти! И даже с казаками случаются такие перемены... Можно сказать, что точно так же как Советская власть компрометирует социализм, так уфимское правительство компрометирует идею Учредит. Собрания.

Уфа не наше место, не наш центр. Я говорю с большой болью. Ведь я еще до последнего момента, даже на партийном совете не желал потерять последнее воплощение Учр. Собр. Сейчас я должен сказать: кто хочет спасти социализм—уходите от Смольного! Кто хочет спасти демократическую республику и Учредительное Собрание—бегите из Уфы».

Тут неясно, куда же надо бежать, покидая и Смольный и Уфу. Но бежать необходимо, и автору приходится бежать от собственной резолюции на партийном совете, ибо надо ведь найти какое-либо иное воплощение идеи Учр. Собр., отвергая Уфу и те социальные силы, которые там сгруппировались. Тов. Чемерисский позже был не из последних, кто стал на позицию Советской власти, от которой, действительно, подлинному революционеру некуда было бежать.

Чтобы понять страстность борьбы на партийном совете в октябре, приходится несколько остановиться на характеристике правого крыла, возглавлявшегося Либером. В №№ «Ф. Ц.» от 29 и 30 октября мы находим обширно разработанные тезисы этого течения. Их краткий и вразумительный смысл заключается в борьбе против идеи социалистической революции—за демократию. Основной тезис гласит:

«Революционное движение, начавшееся на Западе, особенно в Германии, ведет к широкой демократизации общественно-политического строя и имеет характер *демократической, а не социалистической революции*... Попытки западно-европейского пролетариата установить свою диктатуру в условиях общего хозяйственного распада, вызванного войной, при недостаточном развитии общественных форм и против воли большинства населения, привели бы к такому же поражению рабочего класса, к какому привел большевистский переворот в России».

Резолюция призывает российскую соц.-дем. предостерегать европейский пролетариат от повторения «опасного российского опыта». Даже борьбу за немедленный мир на демократических началах и немедленный созыв Интернационального конгресса авторы резолюции освещают с точки зрения предупреждения «стихийно-анархического движения, которое завершило бы общее одичание и духовное опустошение, созданное войной». Резолюция предвидит в связи с обще-европейским демократическим движением падение Советской власти в России и [illegible] [illegible]кратическим строем. Подробно [illegible] [illegible] парт-

ного капитала во внутренние дела России как из-за экономических интересов, так и в интересах установления порядка, резолюция ограничивается заявлением, что «демократия не может допустить вмешательства международного капитала в хозяйственную и политическую жизнь России». В резолюции этой мы не находим протеста против *содействия* внутренней борьбе со стороны Антанты, о чем говорят и соц.-рев., нежелающие и наивно протестующие против вмешательства. Резолюция не отмежевывается от уфимской директории и, повидимому, ориентируется на Уфу: говоря об организации представительства на мирном конгрессе от распавшейся России, она протестует против допущения туда представителей от Советского правительства и недемократических правительств окраин, разумея под ними правительства Украины, Дона, Кубани. С Уфой, повидимому, можно столковаться.

Резолюция партийного совета «Бунда» представляла собой большой шаг влево и в сравнении с позицией меньшевиков на Украине. Резолюция Главного Комитета р. с.-д. р. п., принятая в конце октября, правда, отмежевывается резко и решительно от уфимской директории, но по основному для того момента вопросу: о характере назревающего в Европе революционного движения мы в ней читаем:

«Революционное движение, начавшееся на Западе, особенно в Германии, может объективно иметь своим результатом *всестороннюю демократизацию общественно-политического строя.* Это движение начинает собой новую эпоху решительной борьбы между пролетариатом и империализмом, характеризуемую острыми социально-политическими конфликтами, приближающими пролетариат к его конечной цели—к социализму».

В этой формуле, при которой должно сохраниться старое разделение соц.-дем. программы на программу—минимум и максимум, ничего принципиально-отличного от прежней позиции нет. Иначе было с «Бундом». Ступив на путь признания *социалистического* характера революционного движения европейского пролетариата, большинство украинского «Бунда», подталкиваемое особым характером развития украинских отношений, очень скоро изжило все прежние иллюзии и предразсудки и через признание «советской платформы», через три месяца после начала германской революции, находилось уже в коммунистическом лагере.

V. ВТОРАЯ УКРАИНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И РАСКОЛ «БУНДА».

1. Германская революция и еврейское рабочее движение.

С первого года мировой войны Литва и Польша, эта колыбель еврейского рабочего движения, очутились под гнетом оккупации германского милитаризма. Еврейские рабочие этих стран были отрезаны от России и не пережили непосредственно бурных надежд и разочарований первого буржуазного периода революции, ни октябрьского переворота с вызванной им обостренной внутренней борьбой течений. Но зато они остались в стороне от оборонческих иллюзий, от националистических идей, охвативших меньшевизм и русскую часть «Бунда».

Брестский мир, этот плод временной победы германского империализма, привел к дальнейшему расширению оккупационной германской территории. К апрелю 1918 года вся западная окраина и весь юг бывшей Российской Империи, вся территория бывшей «черты еврейской оседлости» с компактным еврейским рабочим населением была занята германскими войсками. Россия вышла из мировой войны. Идеи «оборончества» были уже давно изжиты еврейским рабочим движением. В первое время резкая перемена политической ситуации — от свобод российской революции к прелестям режима прусских юнкеров — вызвал разочарование, апатию и политический индифферентизм в широких кругах еврейского пролетариата. Но это продолжалось недолго. Та же германская оккупация естественно содействовала быстрому изживанию национальной ограниченности всего меньшевистского представления о развитии российской революции. Вдохновленная поражением российской революции политическая мысль невольно вслед за большевиками обращалась на запад, ища в европейской революции, в революции в Германии спасения от германской оккупации, от германского милитаризма. Судьбы еврейских рабочих вследствие Брестского мира как-то непосредственно связались с судьбами германского пролетариата.

Пролетарская часть меньшевистской соц.-дем. и «Бунда» была проникнута глубоким скептицизмом по отношению к социалистической революции, начинающейся в России, этой самой отсталой в Европе стране. Но если революция грянет и в Германии, если власть и здесь перейдет в руки пролетариата, тогда и для самых глубоких скептиков в социализме программа большевизма должна перестать быть утопией, она становится [illegible]

кого подлинного социалиста, воспитанного на марксистской предвоенной революционной литературе. Особенно, если эта революция грянет в Германии, от пролетариата, которой так много ждал всегда рабочий Интернационал, организованность и сознательность которого была образцом для всей соц.-дем., теоретики которого долго были вождями всего Интернационала.

Все это в достаточной степени объясняет, почему германская революция произвела столь сильное, можно сказать, потрясающее влияние на умы организованных еврейских рабочих. С ноября 1918 года начинается лихорадочный пересмотр всей идеологии. Правоверный меньшевизм сразу сдает, от него отворачивается вся революционная часть «Бунда» и других еврейских социалистических партий. Германская революция проводит внутри этих партий ту грань, которую для всей России провела октябрьская революция: *направо* идут все мещанские элементы, все то, что приросло к рабочему движению от мелкой еврейской буржуазии, *налево* идут подлинно-революционные элементы, для которых социализм был не только красивой теорией, но конкретной задачей классовой борьбы. Среди этих революционных элементов долго будут еще происходить споры о методах социального переворота, долго еще будут они цепляться за остатки прежней реформистской идеологии, но раньше или позже они должны были прийти к большевизму, как единственно возможной форме борьбы за победу пролетариата.

Целый год длится эта внутренняя эволюция и борьба в рядах «Бунда» в Белоруссии, так же медленно она развивается и в закордонной части «Бунда»—в Польше и Литве. Вследствие особых условий развития движения на Украине, здесь этот процесс перехода на коммунистическую платформу произошел с революционной быстротой. Про еврейских социалистов Украины можно сказать, что они переменили тактику в 24 часа. К началу февраля 1919 года коммунистическая организация еврейских рабочих на Украине была почти окончательно оформлена. Явилось это в результате второй украинской революции, которая последовала немедленно вслед за первыми ударами революции в Германии. Описанию событий этой второй украинской революции и вызванного ею раскола в «Бунде» и посвящена дальнейшая часть книги.

2. Свержение гетманщины. Директория.

В первый же момент, как только до Украины дошли известия о революции в Австрии и Германии, все основы гетманского строя оказались до глубины потрясенными. Опора реакции, германские и австрийские солдаты, перестали служить чуждым интересам и [illegible]

мыслью: скорей вернуться домой. Вся пресловутая культурность, сознательность и дисциплинированность всей этой армии исчезла. На всех станциях начался форменный бой между солдатами разных частей за скорейшую отправку домой, в районах стоянки австрийских частей происходило беспрерывное расхищение и распродажа складов, кому бы они не принадлежали. Возникли советы немецких солдатских депутатов, ничего общего не имевшие ни с какими революционными идеями. Работая рука об руку с командованием, они думали лишь об одном: об обеспечении обратного движения домой и готовы были служить любой группе, будь то самая реакционная, если только она бралась обеспечить это возвращение. Обозленная против вчерашних оккупантов, деревня с первого же дня ослабления режима, вымещала на германских и австрийских отрядах свою злобу, разоружая их и вооружаясь для предстоящей борьбы. В рядах рабочего класса особенно в восточной части Украины настроение было повышенное: в Харькове и Екатеринославе только что прошли всеобщие политические стачки, вынудившие австрийское и германское командование к освобождению арестованных деятелей рабочих организаций.

Правящие классы, потеряв всякую чуткость к тому, что делается и подготовляется в низах, думали о другом: как бы в спешном порядке переменить ориентацию. Этот вопрос давно уже волновал и германские и украинские круги. Германская дипломатия под влиянием поражений на Западе, склонна была отказаться от идеи полной «самостийности» Украины и готовилась сохранить связь с русской реакцией, играя на струнках единой России и ища сближения с Доном, Кубанью. Еще за месяц до германской революции состоялось, с благословения германской дипломатии, свидание Скоропадского и Краснова на одной из жел.-дор. станций в Полтавщине, где установлен был контакт и заключено было, по всей вероятности, и тайное соглашение «про всякий случай». Еще 2 ноября в печати появилось сообщение о намерении известных кругов создать в Киеве «русский политический центр» и о происходящих в связи с этим совещаниях. Хорошо информированный Украинский национальный союз в свою очередь готовился ко всяким неожиданностям. Работал он совершенно изолированно от всех демократических и рабочих организаций неукраинского толка.

К этому моменту в Киеве заседал пленум «Уцентропрофа». После оживленной политической дискуссии был образован политический «Рабочий центр», которому следовало войти в контакт с другими демократическими организациями. Одновременно происходили совещания гласных киевской думы [illegible] Всеукраинским Комитетом земств и [illegible]
[illegible]

«рабочего» и «демократического» центров в целях информации. И сам «рабочий центр» был не крайних взглядов и намерений, но во всяком случае он ставил перед собой одну совершенно определенную задачу: путем массового выступления свергнуть режим гетманщины. Но тут-то и выяснилась вся предательская трусость думцев независимо от их фракционности, как меньшевиков, так и соц.-рев. и к.-д. Они все одинаково боялись массовых выступлений из-за их неизбежного уклона к большевизму. Они откровенно просили представителей «рабочего центра» серьезно подумать до выступления, а сами собирались послать депутацию к гетману с просьбой разрешить вновь деят[illegible]льность старой думы. Претенциозность этой жалкой и беспо[illegible]енной группы была велика: они и слушать не хотели о соглашении с земским союзом, так как тот входил в состав Украинского Национального Союза. Из двух зол: гетманщины с всероссийской ориентацией (деникинского толка) или демократии украинско-националистической они совершенно определенно избирали первую, надеясь с ней столковаться.

После продолжительного многомесячного перерыва в сношениях с укр. соц.-дем., наше партийное бюро решило информироваться у них об их политических намерениях и лозунгах: ответ получился старый—укрепление украинской «самостийности». И тогда уже для части из нас, имевших за собой полуторагодичный опыт украинской революции стало ясно: *демократического режима на Украине не будет, страна неизбежно идет к власти большевиков.* Читатель спросит: на чем основан был этот вывод? На оригинальности национально-социальных отношений Украины. Смешны и нелепы были претензии на власть так называемого «демократического центра»: и при поддержке городских рабочих он оставался бы совершенно оторванным от украинской [illegible]ревни, которой суждено было играть большую роль в [illegible]. Более реальны были претензии на власть Украин[illegible]о национального союза, но своими крайне-националисти[illegible]скими лозунгами он вновь оттолкнет от себя рабочий класс и все городское население и неизбежно будет смыт надвигающейся революционной волной. Или соглашение ук[illegible]нской и неукраинской демократии или власть большевиков—третьего в предвидении революционного движения быть не могло.

Этот прогноз неизбежного хода событий, [illegible]ормулированный мною на совещании меньшевиков и бунди[illegible]тов 13 ноября, оказался правильным: к власти пришла [illegible]раинская Директория и была затем свергнута большевиками. А эта жалкая меньшевистско-с.-ровская «демократия» так и не увидела власти и успела лишь неоднократно скомпр[illegible]метировать себя слишком тесным [illegible] [illegible], а [illegible]

не может удержаться у власти на Украине, ибо она раздирается на части внутренней национальной борьбой. Столкновение великороссийского национализма с украинским шовинизмом дает в результате ослабление сил мещанской демократии, которая поочередно на Украине свергается то большевиками, то реакцией в союзе с иностранными штыками.

В течение пяти дней от 9 ноября все четыре политических центра стояли в бездействии, готовясь к выступлению. День 14 ноября оказался решительным: власть в центре, в Киеве перешла к добровольческой армии, ее генералы Келлер и Кирпичев подчинили себе гетмана Скоропадского, кабинет министров распался, на место украинцев вступили доподлинные реакционеры, но с всероссийской ориентацией. Во славу «единой и неделимой России» ликвидирована была и «самостийность», и германская ориентация, цель формулирована была ясная: единая Россия, борьба против советской Великороссии, содействие со стороны «старого друга» России — Антанты. И в тот же день, как произошел этот переворот в Киеве, Украинский национальный союз выехал в Белую Церковь, провозгласил Украинскую директорию и призвал к оружию крестьян «за землю и волю». Ну, а демократические и рабочий центры? Деникинские генералы сочли за благо упрятать их на две недели, и в тот же вечер 14 ноября оба центра почти в полном составе были арестованы на совместном заседании и препровождены в Лукьяновскую тюрьму. На политической арене остались две действующие силы: Деникин и Украинская директория, а скоро к ней прибавилась и третья: большевики, опирающиеся на советы.

В течение нескольких дней вся Украина оказалась объединенной под властью Украинской директории, в одном лишь Киеве неистовствовала добровольческая армия, обложенная со всех сторон петлюровскими отрядами. Во внутренней жизни Киева не было никаких революционных событий. Шли бесконечные переговоры небольших революционных кружков о совместном выступлении. Делались попытки воздействовать на совет немецких солдатских депутатов, но последний «не видел» силы движения, направленного против гетманщины. Напуганный угрозами Антанты из Одессы, он предательски переуступал свое вооружение гетману, чтоб облегчить ему победу над Петлюрой. Под сенью деникинщины демократическая и даже социалистическая «Киевская Мысль» пела дифирамбы объединителям России, обливая грязью те революционные массы, которые под ружьем стояли недалеко от города, борясь против помещичье-буржуазной олигархии.

А за стенами Киева (в восточной части Украины, занятой директорией) уже началась борьба с ней большевиков, поводом к этой борьбе послужил разгон [illegible]
[illegible]

большевистское большинство и стремились к установлению власти совета взамен власти комиссара директории. Сама же директория переехала в Винницу, поближе к Одессе, где уже тогда начался торг: за признание «самостийности» Директория готова была отдать французам ряд экономических привиллегий и если не непосредственно участвовать в походе против Советской России, то во всяком случае не мешать борьбе тех вооруженных сил, которые Антанта будет мобилизовать даже на территории Украины. Повидимому, сделка начинала налаживаться. Бессилие деникинцев к тому же было слишком очевидно. По сигналу из Одессы немецкий совет вступил в соглашение с Петлюрой и, выговорив неприкосновенность личности для всех представителей гетманской реакции, сдал 14 декабря город Петлюре. Дав немного «погулять» своим передовым частям, «высокая директория» числа 20 декабря прибыла в Киев.

В последние дни до падения гетманщины, когда все внутри города было уже дезорганизовано, образованный несколько раньше украин. соц.-дем-ами Украинский Революционный Комитет организовал выступление в нескольких районах города. Когда воинские части директории вступили в город во главе с начальником осадного корпуса галичанином Коновалецом, они нашли уже организованную ячейку центральной власти в лице этого Украинского Ревкома и назначенных им правительственных комиссаров во все прежние министерства. Председателем этого совета комиссаров состоял укр. соц.-дем. Чеховский, укр. соц.-дем. имели в этом временном совете большинство. Но по странной «случайности», как объясняли укр. с.-д. в числе этих комиссаров оказался и пресловутый Шелухин, судебный деятель царского времени, не то соц.-фед., не то «самостийник», член гетманского кабинета, лицо с совершенно определенной репутацией. На самом деле здесь ничего случайного не было: укр. соц.-дем., не желая раздражать Украинский Национальный Союз, претендовавший быть источником власти, включил Шелухина в состав временного совета комиссаров, идя этим навстречу его правому крылу. Но Национальный Союз не удовлетворился этим. С момента появления в Киеве атамана Коновалеца Украинский Ревком потерял все функции власти, источником которой был объявлен единственно Украинский Национальный Союз. Таким образом уже в эти первые дни водворения власти директории в Киеве проявилась во вне борьба двух тенденций в программе и тактике Украинской директории, борьба, в которой в конечном счете одержало верх правое крыло, ускорив этим гибель самой директории.

Весьма распространено на Украине в среде так называемых [illegible]

мнение [1]), будто эта победа правого крыла в политике Директории вызвана тактикой большевиков, их натиском на внутренних и внешнем фронтах. В этих кругах обычно склонны в разрыве между Директорией и б-ками винить не Директорию, а большевиков. Вопрос этот крайне важный. В течение двух месяцев декабря-января 1919 года он стоял перед всеми деятелями «Бунда», сопутствуя всему процессу самоопределения «Бунда». Левое крыло «Бунда» на этот вопрос в разгар борьбы дало свой совершенно определенный ответ и считая, что «вина» Директории не случайная, а историческая, социальная, левый «Бунд» перешел в лагерь коммунистов, отбросив решительно всякую ориентацию на мелкую буржуазию и демократию.

И в самом деле разве политика Директории была случайная? разве б-ки не толкали ее туда, куда ее влекла ее же собственная стихия? Организованные и объединенные националистической идеологией городские и деревенские мещанско-кулацкие элементы, в обилии выделяемые украинской деревней, поставили себе совершенно определенную задачу: на гребне крестьянского массового движения создать национальную мелко-буржуазную государственность, конечно, на основе частной собственности «честно» добытой трудом рук своих. Могла ли эта социальная группа в 1919 году, в период головокружительной победы антантского империализма не попасть в орбиту влияния последнего? Если бы территория, на которую претендовала Директория, лежала бы в стороне от облюбованных антантским империализмом мест, Украина могла бы, может-быть, случайно спастись на год-другой. Но Украина прилегает непосредственно к Черному морю, она в соседстве с Румынией, Польшей, Советской Россией. Никогда не изолироваться ей от международных влияний. К тому же Украине пришлось выбирать между Советской Россией и Антантой. Может-быть, при ином развитии германской революции и с ее помощью Украина решилась бы занять позицию враждебную Антанте. Но сама технически бессильная против всесильной Антанты, боясь потерять *все* при борьбе в союзе с Советской властью, не ожидая от Советской России никакого эквивалента при торговых сношениях, Украинская директория, эта подлинная выразительница надежд и чаяний трусливого мещанства, неизбежно должна была попасть в объятия к Антанте. Волей-неволей она должна была встать во враждебные отношения к Советской России. К тому же и внутренние отношения Украины делали невозможным согласование разнородных национально-социальных требований.

---

[1]) До известной [illegible] разделялось и [illegible]

Эта объективная безысходность всей политики Украинской директории фатально толкала ее из шагу в шаг все более вправо, соответственно перемещая вправо влияние с одной группы на другую внутри того национального блока, который именовался Национальным союзом. Ведь, странное дело: нам беспрерывно твердили, что внутри Национального союза были противники идеи восстания против гетманщины. Это были социалисты-федералисты. Почему же революционная директория, из восстания родившаяся, подчинила всю свою политику *всему* союзу и в том числе и его нереволюционной части? Почему укр. соц.-фед. все время пользовались столь незаслуженным влиянием на в[illegible] направление политики директории? Откуда родилось и сто[illegible]ь быстро выросло в союзе и в самой директории влияние группы так называемых «самостийников-социалистов», которые были «quantité negligeable» в эпоху Центральной Рады и играли и тогда уже контр-революционную роль? Не ясно ли, что все это не случайные явления, что здесь с самого начала организации Национального союза, а затем и директории произошло определенное перемещение равнодействующей всей украинской политики слева направо, *на пользу украинских кулацких элементов!* Украинская директория—это правительство украинских кулаков, и как таковое оно в гражданской войне и между молотом и наковальней международных отношений могло быть или использовано Антантой в борьбе против б-ков или свергнуто последними для ослабления Антанты.

Контр-революционная роль директории облегчалась еще ее союзом с Галицией. Эта страна не знала революционного движения России и Украины, в ней украинское население не дифференцировано. Борьба с поляками высоко развила националистическую идеологию. Здесь национальные вожди, рекрутирующиеся из средне-зажиточных мелко-буржуазных кругов имеют большое влияние. Вследствие слабости социальной борьбы весьма сильно уважение к собственности, а потому и велика должна быть антипатия к большевикам, которые рисуются мало развитому крестьянину как грабители. Грамотность и большее влияние на галичан буржуазной культуры сделали из галицких «сечевых стрельцов» верный оплот кулацкой власти. В то время как мобилизованные на Украине части одна за другой переходили на сторону б-ков, галичане до конца оставались верны директории. Союз с Галицией усилил таким образом крен политики направо, содействовав превращению директории в орган кулацкой власти.

Большевики эту формулу—обозначение для Украинской директории дали с первого дня борьбы. Для нас [illegible] [illegible] это обозначение долго [illegible] [illegible]

щением. Мы долго ходили вокруг да около директории, и только позже в действиях своих она предстала перед нами, как подлинно-кулацкая диктатура. Но необходимо все же отметить, что если поставить вопрос: кто первый начал борьбу, борьбу вооруженную на Украине—большевики против директории или наоборот—придется и на этот вопрос дать ответ, невыгодный для Директории. Долгое время б-ки занимались лишь разоблачением директории, поддерживая каждую попытку со стороны директории выяснить причины разногласия. Но и сама директория не была властна над всеми силами, которые ее окружали: разгон Советов, аресты и расстрелы коммунистов, они повсюду предшествуют тактике свержения директории, позже провозглашенной большевиками.

Но говорят, что все же тактика большевиков была неправильна, что для Советской власти в Великороссии было бы лучше иметь в соседстве с собой «демократическую» Украину, чем недолго существовавшую Советскую Украину, гражданская война в которой привела, в конце-концов, к победе Деникина. Мы полагаем, что и эти обвинения неосновательны, ибо рядом с Советской Россией никогда бы не было демократической Украины. Не победи Советская власть в феврале, французский десант без сопротивления распространился бы на всю Украину и превратил бы ее в военно-хозяйственную базу для борьбы против Советской России, как это пытались сделать в ноябре 1918 года и как это делается сейчас. Разница была бы лишь в том, что это произошло бы на полгода раньше, что, конечно, было бы выгодно только врагам Советской власти. Мы не говорим уже о том революционным влиянии, которое имело на европейский пролетариат изгнание из Одессы французского десанта и даже временное утверждение Советской власти на Украине. Надо полагать, что Советская власть в Венгрии была бы вовсе невозможна, если бы с февраля 1919 года на Украине господствовал Деникин или даже Петлюра, а не Советская власть.

После этих общих замечаний мы перейдем к характеристике дальнейшей эволюции «Бунда», в связи с развивавшейся на Украине борьбой.

3. В поисках соглашения с директорией.

Мы указывали уже в одной из предыдущих глав, что с мая месяца 1918 года на всех партийных совещаниях «Бунда» на Украине стало определенно обозначаться разделение его по трем основным течениям: правое, левое и центр. Стремительность эволюции «Бунда», неожиданность вновь возникавших ситуаций делала [illegible]

жанность линий всех трех течений: они часто скрещивались, переплетались, и каждое из них в пылу полемики могло бы сделать другому течению и даже лидерам его упрек в шатаниях, уклонениях, «заигрываниях» направо или налево. Ко времени германской революции случайность колебаний исчезает. Правое крыло получает стройную систему, благодаря временному пребыванию Либера, левое крыло сплачивается вокруг Хейфеца, центр медленно, но верно поворачивает налево под руководством Рафеса.

С начала ноября в крупнейших городах как Киев, Одесса, Екатеринослав, Житомир, Бердичев, Харьков организуются внутри «Бунда» левые фракции. Ход и развитие гражданской войны делает невозможной связь между ними, каждая группа развивается самостоятельно. В Житомире и Кременчуге левые фракции совершенно откалываются от «Бунда». В Кременчуге еще в ноябре 1918 образуется из бывших левых бундовцев еврейская секция Коммунистической Партии Украины (К. П. У.). В Житомире бывшие бундовцы образуют ядро местной Коммунистической организации, отвергая всякое самостоятельное существование даже в организационных целях.

Левая фракция «Бунда» в Киеве сыграла решающую роль в расколе «Бунда» равно как и лидеру «центра», автору настоящего очерка, пришлось своим влиянием и участием содействовать тому, чтобы с коммунистами пошло и основное здоровое ядро «Бунда». Левые бундовцы при всей своей эволюции влево оставались все время на точке зрения особых организационных задач еврейских коммунистов, перед ними все время стоял вопрос о сохранении максимальной организованности еврейского рабочего движения. Боролись при этом два направления: одни предлагали не убивать всей энергии на внутреннюю борьбу в рамках «Бунда», а, выступив из его рядов, создать рядом с еврейскими право-социалистическими партиями особую еврейскую коммунистическую партию на основе слияния коммунистов из всех трех еврейских партий. Об этом велись даже переговоры с лидерами левого крыла в «Объединенной еврейской Социалистической партии» [1]) — Новаковским и Левитаном. Второе направление указывало на исторически-выросшую сплоченность «Бунда» и предупреждали от преждевременного раскола, который даст «левым» лишь небольшие группы. Когда в конце декабря обнаружилось, что при более медленном темпе развития «центр» пойдет с «левыми» во фракции бундовских коммунистов окончательно победило второе направление: было решено не форсировать раскола.

---

1) Мы для сокращения будем впредь называть «объединенцами».

И для «центра» было ясно, что раскол «Бунда» на Украине неизбежен. Настроение рабочих-бундовцев было слишком определенное, авторитет и моральное влияние коммунистической партии было огромное. Желание быть вместе с коммунистами, с которыми приходилось изо дня в день встречаться на работе, в союзах, потом в Совете рабочих депутатов, росло с каждым днем. Необходимо здесь иметь в виду и особенности еврейского рабочего движения на юге, где оно всегда было в большей зависимости от общего движения, чем в Литве и Белоруссии, там соц.-дем. и «Бунд» были фактически синонимами. При неизбежности раскола задача заключалась в том, чтобы, во-первых, избежать простого распада, ухода мелких групп и одиночек, лишь дезорганизующих еврейское движение, а во-вторых, провести линию раскола возможно далее вправо, объединив с определенными коммунистами все революционные элементы в «Бунде». Линией водораздела должно стать то или иное отношение к мировой социалистической революции. Все, отрицающие ее наступление и потому прочно держащиеся старой соц.-дем. программы, должны итти направо. Все, искренно признавшие наступление новой эпохи и склонные активно ринуться в борьбу за социализм, должны пойти все более и более влево, в своей среде изживая все разногласия по вопросу о «демократии» и «диктатуре». В мировом масштабе этот процесс пошел иначе и до сих пор «центр» не может отделаться от своих «демократических» иллюзий. Намеченная здесь тактика слияния «центра» с «коммунистами» потому удалась так легко в украинском «Бунде», что эволюция его происходила в процессе боевой критики реальной живой «демократии» в лице кулацкой директории, помогавшей быстро изживать все старые предрассудки.

Необходимо все же оговориться, что линия поведения «центра» не вся соткана из одной только организационной «стратегии». «Центр» это тоже живое течение, связанное, всегда слишком связанное с прошлым партии, и многие его шаги должны быть отнесены на счет естественных ошибок, неизжитых иллюзий и обычной для старой соц.-дем. склонности к тому, что сейчас так метко называется соглашательством. И еще замечание: левая фракция только постепенно самоопределяется как коммунистическая и также не чужда этого же соглашательства. Эти зигзаги, ошибки, отклонения можно все проследить при внимательном анализе тактической линии «Бунда» по отношению к Украинской директории.

В середине декабря, когда директория была уже в Киеве и в бывшем гетманском дворце шли беспрерывные совещания с Украинским Национальным Союзом о формулировании кабинета министров, Украинский Р[illegible]ционный Комитет, [illegible] официально [illegible] [illegible]авившийся как об-

щественно-революционная организация, созвал параллельное совещание из представителей *всех* социалистических партий, в том числе и большевиков и их союзников укр. соц.-рев. (боротьбистов). В самой укр. соц.-дем. к этому времени внутренняя борьба достигла уже большой напряженности. Ц. К. партии был в большинстве своем правый и поддерживал политику председателя директории Винниченко. Центр партии, бившийся в поисках соглашения с б-ками и постепенно сдававший свои позиции направо, имел своим лидером председателя совета временных комиссаров, а затем председателя Совета Министров—Чеховского. Сам Винниченко не придавал, повидимому, никакого значения всем переговорам налево и находился всецело во власти чистонациональной идеологии, толкавшей его к союзу с «самостийниками» и соц.-фед. Инициатива созыва этого совещания, не имевшего никакого влияния на направление политики правительства, принадлежала левому крылу укр. с.-д., будущим «незалежникам».

Предстоящее совещание побудило все группы и партии формулировать свою платформу. Бюро Главного Комитета «Бунда» [1]) выступило со следующей декларацией:

Необходимо образование чисто-социалистического правительства из представителей партий, которые согласятся на следующей платформе:

1. Источником власти должны быть, *главным образом*, съезды представителей от рабочих и крестьян.

2. Задачей власти является созыв в скорейшем времени Украинского Учредительного Собрания на основе всеобщего и т. д. избирательного права с тем, чтобы *подготовка к нему не задерживала осуществление нижеследующих реформ.*

3. Программа власти *во внутренней политике*:

а) Осуществление всех свобод.

б) Восстановление органов местного демократического самоуправления но с *чисто-хозяйственной компетенцией*.

в) Полное гражданское и национальное равноправие.

г) Обязательное всеобщее обучение на родном языке учащихся.

д) Право населения обращаться во все государственные и общественные учреждения на своем родном языке. Обязанность органов власти при обращении к населению пользоваться всеми местными языками.

4) *В области экономической:*

а) Немедленная аграрная реформа на основе конфискации всего крупного и среднего землевладения.

б) Национализация тех отраслей хозяйства, которые для этого созрели (жел. дор., сахарная, железоделательная, угольная и т. п.). Государственный *контроль рабочих, участие рабочих* во всех предприятиях не национализированных отраслях промышленности и торговли.

в) Широкая система страхования рабочих.

5) *В области внешней политики:*

а) Решительный отказ от прямой или косвенной поддержки в военной борьбе против Р. С. Ф. С. Р. и германской социалистической республики.

---

[1]) Это последнее до раскола бюро состояло из пяти лиц: Хейфец и [illegible] — [illegible] крыло, Литвак и Эткин—правое крыло и Рафес, занявший в [illegible] [illegible]ство правым, позже [illegible]

б) Соглашение с рабочей демократией Польши для урегулирования спорных территориальных вопросов (Холмщина, Восточная Галиция) на основе свободного самоопределения населения.

в) Немедленное соглашение с Р. С. Ф. С. Р. для восстановления экономической связи и товарообмена, необходимого для правильного функционирования народного хозяйства Великороссии и Украины и как путь, приближающий к федерации.

г) Для обеспечения победы революции на Украине и в Германии и для нормального хозяйственного развития У. Н. Р. должна немедленно войти в переговоры с Социалистическим немецким правительством для обеспечения взаимных хозяйственных интересов.

д) Защита политического единства и свободы экономического развития социалистической Германии от аннексий и империалистических тенденций, проявляющихся в ходе мирных переговоров.

Эта платформа носит все признаки победы «центра», в одних вопросах голосовавшего с правыми, в других — с левыми.

Левое крыло добивалось: 1) совершенного исключения лозунга «Учредительное собрание», 2) включения пункта, гласившего: «На местах вся власть принадлежит советам», 3) исключения слов «главным образом» из первого пункта, говорящего об источнике центральной власти, 4) замены абзацев а, б, в (во внешней политике) краткой и определенной формулой: «Военный оборонительно-наступательный союз с Р. С. Ф. С. Р.».

Правое крыло было в общем и целом довольно платформой, так как в ней сохранилось *основное:* лозунг Учредительного Собрания. Оно все же добивалось и более реальной связи с прежней политикой, требуя, чтобы источником власти были *три* съезда: рабочих, крестьян и ..... органов демократического самоуправления. Между тем платформа совершенно определенно исключала эти жалкие, оторванные от населения и деморализованные политические круги от всякого влияния на политическую власть. Считаясь с соображениями чистопрактическими, в нее было включено требование восстановления органов демократического самоуправления, но при этом сделана весьма существенная политическая оговорка: «но с чисто-хозяйственной компетенцией».

Но, может-быть, важнее этой платформы была та тактическая линия, которую усвоило себе большинство бюро «Бунда». Всю свою задачу «Бунд» видел в том, чтобы предупредить гражданскую войну на Украине. Единственным для этого путем большинство бюро считало соглашение директории с большевиками. Для достижения этого соглашения «Бунд» добивался уступок от всех политических групп, и сам был готов на максимальные уступки большевикам. Участие во власти без большевиков категорически отвергалось. Когда предварительно отправления на совещание социалистических партий состоялось небольшое заседание [illegible]

платформа, а именно тактическая линия оказалась неприемлемой для меньшевиков и в том числе даже для интернационалистского крыла Р. С. Д. Р. П. Они говорили: «Мы не верим в возможность соглашения с большевиками, и в вашей позиции видим признак того, что сами вы все более приближаетесь к большевикам» — и это была совершенно правильная характеристика, против которой не возражал ни один из участвовавших в заседании членов бюро «Бунда».

В декабре «Бунд» (даже крайние левые в нем) еще верили в соглашение с директорией. Хейфец для достижения этого соглашения добивался от директории военного союза с советской республикой, а от большевиков — так называемого расширения базы Советской власти. Несмотря на уже имевшие место на Востоке, острые конфликты с местными советами, директория все же вступала в Киев как революционная власть, и бюро «Бунда» считало возможным приветствовать вступление директории следующей отправленной на ее имя телеграммой:

Директории Украинской Народной Республики.

Временное бюро Главного Украинского Комитета Бунда приветствует в лице директории восставшее украинское крестьянство. В единении с революционным пролетариатом и под руководством директории свергнута гетманская помещичье-буржуазная реакционная власть и тем нанесен серьезный удар международной империалистической реакции и ее борьбе против российской и германской революции. Только власть, опирающаяся на социалистический пролетариат и революционное крестьянство, может удовлетворить социальные и национальные интересы трудящихся классов Украинской Народной Республики.

Временное бюро Украинского Главного Комитета „Бунд“

Текст этой депеши *единогласно* принят на заседании Бюро при участии *всех* его членов. Приветствие это, правда, весьма сдержанное и очень мало имеет в себе подлинного приветствия, но «Бунд» не желал отсутствовать на этом революционном празднике, ибо, повторяем, считал его революционным. Сдержанной была и критика в печати, при чем Украинское агенство из наших отзывов о директории умудрялось извлекать для телеграмм лишь положительное, замалчивая критику.

Разочарования не замедлили следовать одно за другим. Совещание с украинским Ревкомом не дало никаких результатов. Совет Министров был образован в бывшем гетманском дворце. В его состав вошли 6 у. с.-д., 5 у. с.-р., 3 самостийника. «Временно» был включен и пресловутый Шелухин, председателем остался Чеховской. Вопреки традициям Центральной Украинской Рады, не было сделано никакой попытки включить в состав кабинета кого-либо из не-украинцев. Ничего не было слышно о судьбе национальных министерств. Пущен был лишь в печать слух о включении в состав кабинета соц.-дем. интернационалиста [illegible],

но это было сделано без всякого ведома и соглашения с бюро Главного Комитета Р. С. Д. Р. П. и, как потом выяснилось, и без определенного согласия и самого Мартынова. В самом Киеве назрел острый конфликт между властью и рабочими организациями.

Киев готовился к выборам в Совет Рабочих Депутатов. Организационная комиссия, избранная конференцией профессиональных союзов, в большинстве состояла из большевиков и в своем воззвании выдвинула свою платформу для выборов в совет с лозунгом «Вся власть совету». С самого первого дня вступления директории в городе царило осадное положение. Ходили определенные слухи, что совет, лишь только соберется, будет разогнан. Как бы в доказательство этого, в ночь на 23 декабря произведено было нападение «какой-то» вооруженной группы на помещение Ц. Б. профессиональных союзов, при чем было уничтожено все делопроизводство как союзов, так и Ц. Б. и в том числе все материалы по выборам в Совет. К Винниченко отправилась делегация, с которой он говорил во властном тоне, напоминавшем старое административное: «не потерплю». В ответ на это Ц. Б. решило предложить Совету Рабочих Депутатов организовать протест против поведения директории в виде однодневной забастовки. Далее на рассвете 25 декабря произведены были первые расстрелы коммунистов опять-таки «какой-то» группой.

Таковы были *дела* директории. Но в то же время произносились очень красивые слова, писались красивые заявления. Из них самым замечательным документом надо считать декларацию директории, изготовленную еще в Виннице и слегка исправленную (вправо) в Киеве. Вся эта декларация составлена в высоко-торжественном революционном стиле. Именем победившего революционного народа она провозглашает восстановление всех революционных завоеваний, передачу земли крестьянам, широкое социальное законодательство, при чем для успокоения правых прибавляется «без анархических методов» и в формах, выработанных, «главным образом, *западно-европейской* рабочей демократией». Но основным в декларации было провозглашение идеи диктатуры крестьянства и пролетариата. После «декларации прав трудящихся», провозглашенной Советской властью, это был первый случай, когда с высоты правительственной власти объявлялось *лишение политических прав имущих классов:*

„Директория считает, что право управлять страной принадлежит только тем классам, которые являются основой общественной жизни, которые создают материальные и духовные ценности и которые своей кровью и жизнью боролись против разрушительных сил нынешнего строя.

„Власть в У. Н. Р. должна принадлежать только рабочим и крестьянам, тем классам, которые кровью своей достигли власти. Так называемые гос

подствующие классы в период своей неограниченной власти над Украиной в полной мере показали всю гибельность их власти для интересов народа.

„Эти классы внесли лишь дезорганизацию во всю страну. Они вели эгоистическую классовую политику и ограбили народ. Они грабили, воровали и передавали в руки чужого империалистического государства большую часть государственного имущества [1]. Крупные собственники держали себя как в завоеванной стране и господствовали при посредстве террора и насилья.

„Допустить после всего этого к участию в управлении страной эти классы было бы преступлением со стороны революционного правительства, поставленного народом, в гневе и муках восставшим против угнетателей.

„А потому директория объявляет:

„Не работающие классы, живущие на счет работающих, не имеют голоса в управлении страной. Директория свою власть передает только трудящемуся народу".

А затем формулируется идея трудового конгресса из представителей рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции.

Чтобы понять, каким образом украинский национализм докатился до этой идеологии *диктатуры крестьянства и пролетариата,* нужно лишь вспомнить, что произведенное декларацией социальное разделение в общем и целом совпадает с делением национальным на Украине. Трудовой конгресс будет позже построен при посредстве избирательной инструкции, органов власти и крестьянских спилок так, что в нем большинство будут иметь украинские мужички-кулачки, вместе с трудовой интеллигенцией, под которой опять-таки разумеется близкая к крестьянину-кулаку *украинская* земская интеллигенция. Рабочий класс будет на задворках. Для того, чтобы с самого начала разбить и его по национальному признаку и вызвать трения в его среде, декларация, давая рабочим право выбора в Трудовой Конгресс, сопровождает эту «милость» следующей сентенцией:

„Часть неукраинских рабочих во время борьбы против германщины вела себя недостаточно активно, часть придерживалась нейтралитета. Директория надеется, что в борьбе за освобождение всех трудящихся неукраинские рабочие забудут свою национальную нетерпимость и объединятся со всем трудовым народом Украины".

Провозглашая диктатуру крестьянства и пролетариата, директория лишь в новую одежду одела старое стремление украинских националистов: искусственно создать базу для национально-украинской власти. В эпоху Центральной Рады, сидя в изгнании, в Житомире и оплакивая свое одиночество при вынужденном уходе из Киева (февраль 1918 года), деятели Ц. Р. придумали особую систему распределения Украины на округа с отменой обычного выделения городов в особые административные единицы. Городское население (русское и еврейское) таким образом потоплялось в крестьянском море и давало лишь возможность поставить выборы на националистических лозунгах. Так думали избавиться тогда от

---

[1]) Тут было бы не вредно сослаться на Брестский мир, подписанный Ц. Р. [illegible] эту чужеземную [illegible]

киевской, одесской, харьковской и прочих городских дум, которые не хотели мириться с насильственной украинизацией. Сейчас, выдвинув лозунг диктатуры крестьян и рабочих, думали сразу убить двух зайцев: лишить большевиков агитационного материала (и мы лишили буржуазию избирательных прав) и обеспечить национально-украинскую диктатуру в центре. Позже выдвинули идею местных трудовых советов единых для района и уничтоживших городские большевистские советы. Это называлось украинской советской властью.

Чтобы не отрезать себе все-таки путей к соглашению направо, директория, под давлением своих более правых друзей, все же в киевский текст декларации включила новый пункт:

«Позже, когда создадутся более мирные условия, трудовой конгресс будет заменен представительством трудящихся масс, которое будет избрано по правильной избирательной системе, то-есть Учредительным Собранием».

Это неожиданное заявление, редактированное к тому же достаточно нелепо и неясно, было, повидимому, нужно для переговоров с Антантой в Одессе: все-таки есть косвенное упоминание и о милой сердцу Антанты «демократии».

Самыми неясными штрихами в декларации очерчена внешняя политика директории:

В области международных отношений Республики, директория стоит на принципе полного нейтралитета и желания жить в мире со всеми народами и государствами.

«Директория... желала бы обратить все силы народа не на кровавую борьбу с соседями, а на создание в стране новой жизни...»

Желала бы, но если прикажут драться?..

4. Разрыв с директорией—союз с коммунистами.

Декларация директории была составлена очень искусно и [illegible] с революционным происхождением директории она произвела весьма сильное впечатление. В социалистических кругах образовались течения, особенно в провинции, для которых декларация директории была исходной точкой нового полу-большевистского мировоззрения. Идея трудового конгресса нашла много горячих сторонников, в виду предполагавшейся системы *прямых* выборов, непосредственно от масс, вместо обычных съездов советов в Великороссии, где делегаты избираются советами. Предполагавшееся первенство крестьян многие также считали вполне естественным, не приемля идеи диктатуры пролетариата. При таком положении дела социалистические партии могли как угодно резко критиковать директорию, но необходимо было дать рабочим и [illegible] массам возможность на деле изжить все те [illegible] которые были внесены [illegible]. Было поэтому

вредно занять по отношению к директории резко-бойкотистскую позицию, просто отнеся ее к лагерю контр-революции.

Осторожность в тактике проявляли все, включая и большевиков.

Опубликование декларации с одной стороны, и конфликты с рабочими организациями в самом Киеве—с другой, создали тупик во взаимоотношениях между директорией и социалистическими партиями. Главный Комитет «объединенцев» [1]) взял на себя инициативу пробить брешь в отношениях и направил особо уполномоченную делегацию партии к Винниченко для получения необходимых информаций о политическом положении. Помимо обще-политических причин решение это вызвано было желанием выяснить вопрос о судьбе национальных и в частности еврейского министерства и иметь возможность отвергнуть упрек в том, что еврейские социалисты сознательно избегали даже попыток к соглашению с украинской властью. Беседа Винниченко с делегацией, повидимому, поколебала прежнюю более непримиримую позицию Главного Комитета «объединенных». Резолюция, принятая им по докладу делегации, гласит:

«Объед. Е. С. Р. П. может поддержать директорию только в случае, если будут выполнены следующие условия:

1) Необходимо дать возможность партиям национальных меньшинств иметь соответствующее влияние на кабинет [2]).

2) До момента, пока соберется то государственное учреждение, которое явится источником власти, при правительстве должно быть образовано совещание из руководящих органов всех социалистических партий.

3) Необходимо отменить все формы исключительных положений и восстановить все свободы.

4) Необходимо немедленно принять меры к заключению мира с Р. С. Ф. С. Р.

5) Не должно быть заключено никаких соглашений с «Антантой», которая могла бы так или иначе содействовать борьбе против Советской России и германской социалистической республики.

Последствием этой инициативы «Объединенцев» был созыв Ц. К. У. С. Д. Р. П. совещания центральных комитетов всех социалистических партий. В приглашении были упомянуты *все* партии: Укр. соц.-рев., укр. соц.-самостийники, Бунд, коммунисты, Поалей-Цион, «Объединенцы», меньшевики и рос. соц.-рев. В порядок дня был поставлен один вопрос: «Политический момент». Явились все, кроме «самостийников». Это историческое ночное совещание состоялось в ночь с 28 на 29 декабря. Мы называем его историческим, потому что после него для левых социалистических групп окончательно выяснилось, что *соглашение невозможно*, что остался лишь один путь: путь революционного свержения директории.

---

[1]) «Объединенная еврейская социалистическая партия» (с. с. и е. с.).

[2]) Постановка этого пункта на первое место свидетельствовала о готовности «Объединенцев» даже итти в состав кабинета.

Мы, конечно, не станем излагать здесь подробностей этого интересного заседания, в котором представлены были все оттенки социалистической мысли на Украине. При этом они представлены были почти в полном составе руководящих учреждений всеми своими течениями, что давало возможность тут же на месте коллегиально формулировать позицию партии по вновь возникавшим вопросам (отчет об этом заседании был помещен в одной только еврейской социалистической «Найе Уайт», органе «объединенцев» — №№ 1 и 2 за 1919 год, отчет довольно полный, но страдает некоторой партийной тенденциозностью как в освещении, так и в изложении сущности партийных заявлений.

Мы уже указывали, что совещание было созвано не от имени директории, а Ц. К. У. С. Д. Р. П. Участвовали в нем ряд министров из партий у. с.-д. и у с.-р. вместе с председателем Чеховским, председатель директории Винниченко, председатель Украинского Национального Союза Шаповал. В поведении официальных сфер были представлены оба метода воздействия на социалистический мир: Шаповал и Чеховской хотели взять лаской, Винниченко—отчасти твердостью, отчасти угрозой. Впечатление неожиданности произвело предложение, исходившее от у. с.-д., избрать председателем меньшевика Бийска. Завязывался какой-то новый роман между у. с.-д. и меньшевиками. Это для обычной украинской политики было новостью: в эпоху Центральной Рады меньшевики были травимы за их резко-отрицательное отношение к украинскому движению. Этот роман тянулся весь месяц январь и имел такие сладкие моменты, как уже упомянутое выше приглашение меньшевика в состав кабинета министров, а затем включение этого же Бийска в президиум Трудового Конгресса, в котором он досидел до последнего момента даже тогда, когда меньшевики вели уже резко-оппозиционную линию.

В заявлениях Винниченко и Чеховского ничего в сущности нового сказано не было. Оба они заявляли категорически, что никакого соглашения с Антантой нет, что они решили соблюдать полный нейтралитет. Но в то же время, говоря о форме Советской власти и отмечая преимущества украинского трудового конгресса перед «московскими совдепами», Винниченко проговорился и сообщил: до Винницы он сам был даже за русскую форму совдепов, за большевизм, но сейчас он находит, что это вредно *с международной точки зрения*. Это вызовет немедленное вступление в пределы Украины 150 тысяч иностранных войск, находящихся сейчас в Румынии. Винниченко оказался плохим дипломатом и открыл слегка завесу, за которой скрывались совершенно определенные и далеко зашедшие переговоры с Антантой. [illegible]

[illegible]

щийся в декларации директории, становился еще более понятен, а заигрывание с меньшевиками, противниками даже украинского большевизма, получало совершенно определенный смысл: это все были хитрые ходы украинской политики навстречу Антанте. Упреки в агрессивных действиях против рабочего движения и большевиков и Чеховской, и Винниченко решительно отвергали. Нападение на У. Б. профессиональных союзов объясняли неосведомленностью сечевых стрельцов, полагавших, что в Ц. Б. укрываются русские группы, противные украинскому движению. Косвенно было таким образом признано официальное происхождение нападения, нити которого не напрасно все в городе искали у атамана сечевых стрельцов и киевского диктатора Коновальца. Снятие осадного положения, по словам Винниченко, принципиально уже решено и последует в ближайшие дни. По вопросам, предлагавшимся им относительно разных пунктов программы, оба в один голос отвечали, что всякие перемены еще возможны, что все решит трудовой конгресс, которому будет принадлежать вся полнота власти — «вот приедет барин — барин нас рассудит».

После перерыва начались декларации всех партий, и тут предстала вся разноголосая гамма настроений и чаяний, формулированных сначала в речах, а затем в письменных своего рода формулах перехода. Что касается партии коммунистов, то с ее стороны был сделан определенный ошибочный шаг. Можно было вовсе не итти на это совещание, не придавая ему никакого значения, но если признано было необходимым в нем участвовать, то задача присланного представителя заключалась в том, чтоб в этот момент всеобщего брожения во всех партиях, на этом совещании, где от каждой партии представлены все течения, попытаться вклиниться во внутреннюю борьбу и, по возможности, помешать созданию какого-либо блока. Требовалось активное участие в работах совещания с оценкой заявлений каждой группы и, что еще важнее, с детальным освещением своей позиции. Взамен всего этого было лишь краткое в двух словах заявление, что после выступления директории здесь на собрании положение стало еще яснее, чем раньше и что партия коммунистов никаких требований к директории не предъявляет.

Полнее высказался представитель укр. соц.-рев. (боротьбистов), подробно разобравший политику директории и особо подчеркнувший гибельность вторичного повторения ошибок Центральной Рады с точки зрения интересов развития молодого украинского народа.

На самом правом фланге оказались меньшевики, рос. соц.-рев. и... [illegible] [illegible] ...оционная партия «Поалей Цион». Меньшевики [illegible] ...ни были во всех оттенках [illegible]

дева (правого оборонца) до Севрука (левого интернационалиста), но равнодействующая получилась право-меньшевистская. В своей декларации они одобрили нейтралитет У. Н. Р., *как он был выражен в заявлениях представителя правительства* (это было, конечно, явное лицемерие и общая с директорией ориентация на Антанту). Затем они потребовали отмены системы исключительных положений и допущения к трудовому конгрессу представительства, *построенного на принципе всеобщего избирательного права* земств и городов. Общий тон выступлений меньшевиков на этом совещании был—стремление оказать ей возможную поддержку. Было пущено несколько отдельных стрел и по адресу большевистского «Бунда».

Рос. соц.-рев. также стремились быть как можно более сдержанными в своих требованиях по отношению к директории, которая собирается так ретиво громить б-ков. Они даже скромно умолчали о лозунге Всероссийского Учредительного Собрания, и требовали для себя лишь свободы агитации за любую государственную форму. Зато в области «демократии» они побили рекорд перед меньшевиками, требуя созыва Укр. Учр. Собрания и всей власти думам и земствам на местах и допущения их к Трудовому Конгрессу.

Холопскую и министериабельную речь произнес представитель «Поалей Цион» Ревуцкий. Он вполне одобрил национальную позицию директории и дождем упреков обрушился на еврейские социалистические партии за их стремление разъединить украинскую и еврейскую демократию. Преданность была оценена: через несколько дней Ревуцкий был назначен временным управляющим министерством по еврейским делам, а затем при занятии Киева Советской властью ему пришлось волей или неволей отступать вместе с директорией до Винницы, где он надолго укрепился на своем посту.

Бесхарактерна и неопределенна была позиция еврейских «Объединенцев», и она не выиграла нисколько от бледного выступления политически-бесхарактерного Литвакова.

Положение «Бунда» было весьма сложным и щекотливым. Он как будто держал экзамен перед социалистическим ареопагом, а между тем, вопреки досужим толкам, он до подлинного большевизма еще не дошел. Выступление было поэтому тщательно продумано сообща всей делегацией, к которой перевес имели члены киевского комитета, в большинстве левые. Было решено публично поставить и б-кам несколько основных вопросов, волновавших в те время бундовские левые круги. Оратор делегации Рафес сделал это в слишком острой форме, несколько удивив аудиторию. Он спрашивал: „Что такое представляют собой большевики на Украине"?

[illegible]

тику на силах украинского пролетариата и крестьянства, или они являются лишь простым представительством Российской Советской власти? Является ли их программа простой копией всего того, что делается в Советской России или они собираются приспособить ее к национальным особенностям Украины? Должна ли Советская власть водвориться на Украине силами внутренней борьбы или просто при содействии Красной армии Великороссии? До выяснения этих вопросов, закончил оратор «Бунда», мы просили бы товарищей большевиков не зачислять нас слишком легко в свой лагерь». После этого вступления вся остальная часть речи была посвящена анализу слов и дел директории. В противоположность меньшевикам «Бунд» требовал последовательного проведения социальной программы директории, отметив, что она конечно останется не выполненной вследствии вторичного в украинской политике поглощения социального момента национальным. Подробной критике была подвергнута и внешняя политика директории и ее лицемерный нейтралитет. Условия для поддержки Директории, выставленные бундовской делегацией, наглядно показывают, как далеко уже тогда «Бунд» был от соглашения с директорией и как быстро он приближался к большевикам. Конечно, было бы правильнее всеми этими требованиями мотивировать *борьбу* против директории, чем *поддержку*. Вопрос этот все так именно это и поняли.

Приводим приблизительный текст этого заявления:

Одобряя социальную программу Правительства и провозглашенный принцип диктатуры пролетариата и трудового крестьянства через полновластный трудовой конгресс, Вр. Бюро Главн. Укр. Ком. Бунда готово оказать нынешнему Правительству полную и всестороннюю поддержку при следующих изменениях в политике Правительства:

1) Немедленное предложение мира Советской Республике в целях заключения экономического и военно-оборонительного союза на основе признания суверенности договаривающихся сторон против всех империалистических и контр-революционных сил, наступающих на Украину и Советскую Россию.

2) Немедленное предложение Польше соглашения для урегулирования спорных территориальных вопросов.

3) Во внутренней политике отмена осадного положения, восстановление гражданских свобод для всей без исключения демократии. В частности, свобода агитации за Советскую власть. Борьба с насильственной украинизацией в общественной и государственной жизни и в частности в рабочей политике.

4) Организация постоянного совещания из центральных органов всех социалистических партий при директории.

Было еще выступление представителя польских революционеров (и п. с. фракц.), на короткое время привлекшее внимание совещания к польско-украинским отношениям.

В результате всех прений и деклараций составлено было от имени совещания следующее официальное communique:

«В субботу 28 декабря по инициативе У. С. Д. Р. П. состоялось заседание центральных и главных комитетов следующих партий: У. С. Д. [illegible]

С. Р. (центр. ком.), У. С. Р. (центр. течение) росс. с. р. укр. лев. с. р. интернационалисты, Р. С. Д. Р. П., «Бунд», «Объединенные», «Поалей-Цион» П. П. С. (рев. фракция) и коммунистов.

«Партия коммунистов и укр. соц.-рев. не выдвинули никаких условий и не объявили никаких требований.

«Остальные партии в принципе заявили о своей готовности поддержать революционое правительство У. Н. Р., но поставили эту поддержку в зависимость от того, выполнены ли будут известные условия. Несмотря на различие в формулированных условиях, они все сходятся на том, что безусловно необходимо отменить исключительные положения, а в особенности осадное положение в Киеве. По общему мнению обязательно необходимо водворить гражданские свободы, обеспечить революционной демократии возможность самодеятельности, а в особенности полную свободу выборов и правильное составление избирательной комиссии к Конгрессу трудового народа».

Попытаемся подвести итоги этому совещанию.

Если сравнить его с былыми «большими днями» Центральной Рады, где также представлены были почти все течения (кроме коммунистов), совещание это весьма выгодно выделяется отсутствием национальной борьбы. От шовинизма, прозрачно сквозившего в речи Винниченко, отмежевались все, кроме пресловутых «Поалей-Цион», но украинское национальное движение могло после этого совещания сказать, что второй революцией разбито недоверие к силе самого движения. Во всех речах, декларациях и в официальном извещении исходной точкой является существование «Украинской Народной Республики», как особой политической единицы, *внутри которой* ведется обострённая классовая борьба, борьба за власть. Если взять былой блок меньшевиков, соц.-рев. и «Бунда», то оказывалось, что в отношении к украинскому национальному движению, в оценке его силы и значения побеждает позиция «Бунда», всегда исходившего из наличности особого классового строения Украины и ее способности к отдельному в известной мере политическому (не хозяйственному, конечно), существованию. Обращаясь на год назад, к началу ноября 1917 года, к разногласиям, возникшим тогда в среде этого блока об отношении к третьему универсалу, провозглашавшему образование Украинской Народной Республики, как части федеративной России, когда «Бунд» голосовал за этот универсал, а м-ки и с.-р. воздержались, выходило, что сейчас м-ки и с.-р. повторили бундовские зады.

Но и в обще-политическом смысле вся их позиция на этом совещании была повторением бундовских задов. Вопрос стоял ясно и определенно: или «украинская демократия», сиречь украинское мещанство и деревенское кулачество, или большевики, а в международном масштабе (как и в октябре 1917 года) *или* социальная революция, *или* Антанта (тогда германский империализм). И надо было выбирать. В этот момент меньшевики и соц.-рев. определенно [illegible] вы[illegible] *кулачество* как бы [illegible]

было неприятно несколько салонному обонянию российской «демократии». И они ясно отдавали себе отчет в той роли, которую они при этом играли, *толкая Украинскую Директорию вправо.* В острой атмосфере классовой борьбы было так ясно, что лозунг «демократии», всеобщего избирательного права, Учредительного Собрания, что все это должно отвлечь Директорию от того временного уклона влево, который родился у верхов украинской «демократии» от соприкосновения с массами революционного народа. Как некогда для обмана масс бросали с помещичье-буржуазных верхов подачку формулой «всеобщего» избирательного права» которое потом искажалось плюральным вотумом или утонченной куриальной системой, так сейчас, после октябрьской революции 1917 года, для обмана масс приходится прибегать к идее диктатуры пролетариата и крестьянства, к лишению избирательных прав буржуазии, к идее советов или конгресса трудового народа. Против идеи социальной революции, против большевиков, а для этого союз хотя бы с самим чортом—такова была позиция «Бунда» в октябре 1917 года, и он поддерживал тогда Центральную Раду. Меньшевики и соц.-рев. только годом позже раскусили, какая это «хорошая» сила, украинская «демократия» в борьбе с большевизмом, и поставили ставку на нее. Сейчас они с темпераментом повторяли политику, которую они годом раньше проделывали, упираясь из нелюбви и непризнания украинского движения.

Но тут же сказалась и вся их бесхарактерность сравнительно с украинской «демократией». Социально и политически перед нами те же общественные слои, верхний наслой которых—это мещанская интеллигенция. Русские правые меньшевики и соц.-рев.—дряблая группа, способная лишь к красивым словам и пугливо отскакивающая от реального дела, украинская «демократия» характерная, рвущаяся к власти, цепляющаяся за нее и неостанавливающаяся перед насилием, когда это необходимо для ее класса. Это требование снятия осадного положения в Киеве в освещении реальной ситуации для означало: открыть шлюзы „классовой борьбы, дать полную свободу революционным силам, дать собраться совету, дать развиться большевистской агитации. А результат был бы какой?—Переход солдат на сторону большевиков, переход власти в столице к Совету рабочих депутатов, то-есть к тем же большевикам. Когда этих свобод требовал «Бунд», то он уже тогда этих последствий не боялся, но меньшевики и соц.-рев., ориентировавшиеся на поражение большевизма, как могли они поддержку Директории ставить в зависимость от снятия осадного положения?

Когда [illegible] список тех требований, которые [illegible] группами в Директории, может

показаться странным, почему не состоялось соглашение. Но дело в том, что классовая борьба внутри того народа, который сообща проделал вторую украинскую революцию, достигла уже большого напряжения и только военной диктатурой и можно было к этому моменту удержать власть потерявшей влияние на массы Директории. Когда Директория в середине ноября бросила лозунг восстания против гетманщины и призвала под ружье, этот лозунг был поддержан разбросанными по всей стране подпольными ячейками коммунистов и украинских «боротьбистов». В украинскую армию, мобилизованную Петлюрой, влились все слои крестьянства от кулацких до пролетарских и полу-пролетарских элементов. Придя в города, левая часть крестьянства стала якшаться с городским пролетариатом. Лозунг «власть советов» объединял, и глухая борьба, прорывавшаяся в отдельных внешних конфликтах, велась повсюду, во всех гарнизонах. Украинская революционная армия распадалась. Гетманщина была свергнута, и часть кулацких элементов спешила разойтись по деревням, чтобы реализовать в свою пользу победу революции, другая часть не прочь была поживиться насчет обычных грабежей, а более сознательная революционная часть объединена была под знаменем большевизма. Единственной опорой Директории становились галицийские «сечевики», не поддававшиеся «большевизму»: Коновалец, осадный корпус «сечевиков» — вот где была к этому моменту реальная сила Директории, а «социалистическое» совещание возомнило, что оно может бумажной резолюцией изменить эту реальную конституцию. Достаточно было нескольких дней, прошедших после совещания, чтобы подвести итог: осадное положение не будет снято, соглашение между борющимися силами невозможно, для подлинно-революционных элементов остается один путь — вооруженная борьба против Директории, боевой союз с коммунистами. Этот вывод и был сделан «Бундом», вернее левой его частью, на совещании 14—16 января. Он явился результатом целого ряда новых колебаний и большой внутренней идейной борьбы, во время которой пересматривался и перетряхивался весь застывший баланс старых идей. Время было горячее не только внутри Украины, но и вне ее пределов. В Германии шла обостренная гражданская война, в Польше реакция делала попытки сбросить правительство Пильсудского, трения между Украиной и Советской Россией обострились.

Внутри украинских правительственных сфер шла борьба. Это были последние дни, когда должна была окончательно определиться ориентация внешней политики Украины и под ее влиянием и внутренней. Председатель Совета Министров [illegible] метался между правевшей с каждым днем Директорией, Коновальцем [illegible]

шинством Ц. К. У. С. Д. Р. П.—с другой. Пока за кулисами шли переговоры с Антантой, левому Юрко Мазуренко [1]) поручено было организовать делегацию в Москву к Советской России для ликвидации всех трений. Переговоры эти должны были быть продолжением еще раньше начатых переговоров, которые велись в Гомеле между Семеном Мазуренко с одной стороны и Раковским и Мануильским—с другой. Директория, не учитывая происшедших за два месяца перемен, надеялась, что ей удастся спекулировать на раздувавшиеся печатью разногласия между «оппортунистической» Москвой и «безоглядной» группой Пятакова». Чичерин приветствовал инициативу мирных переговоров, что усилило внутри правительственных сфер влияние левых.

3 января автор настоящего очерка получил официальное приглашение от Мазуренко принять участие в «чрезвычайной дипломатической миссии, которая должна немедленно выехать в Москву». Делегация предполагалась в составе лидеров всех влиятельных течений. Вопрос об участии «Бунда» в этой делегации поставлен был на обсуждение Бюро Главного Комитета «Бунда» [2]), которое свою позицию формулировало в следующей обширной резолюции:

Заслушав на заседании 3-го января (21-го декабря) сообщение тов. Рафеса о сделанном ему представителем чрезвычайной дипломатической миссии, У. Н. Р. в России предложении принять участие в этой миссии, Временное Бюро Главного Украинского Комитета «Бунда» пришло к следующему заключению:

1) В борьбе против разгорающейся на Украине гражданской войны, вызываемой как курсом политики директории У. Н. Р., так и наступлением против Республиканской Украины с фронта Советской России, разрушающим борьбу внутренних сил на Украине, вносящим в эту борьбу элемент насилия извне и дающим этим почву для националистической агитации, при крайних опасностях, которые эта гражданская война создает для Украины, в частности облегчая мобилизацию всех империалистических и контр-революционных сил и толкая Правительство в объятия Антанты и контр-революционного Дона, при таком положении революционно-социалистические партии на Украине не могут ограничиться одним лишь внутренним давлением на Правительство У. Н. Р. При тесной хозяйственной связи и общности революционных интересов Украины и Великороссии, ликвидация гражданской войны на Украине и в Великороссии, помимо прочих весьма важных условий, возможна только при скорейшем заключении честного и обоюдно-выгодного мира между этими обеими странами. К осуществлению этого должны быть направлены усилия всех социалистических партий как Великороссии, так и Украины.

2) Бюро полагает, что официальная дипломатическая миссия, посылаемая Директорией в Советскую Россию, не сможет осуществить задач, тем более, что она может столкнуться с определенным недоверием со стороны Советской России, вследствие принимающего все более определенное

---

[1]) Будущий „незалежный" У. С. Д. и комиссар искусств советской Украины, а затем начальник повстанческой банды, боровшийся против советской власти и объединившийся с Петлюрой.

[2]) Считаю нужным отметить, что в этот промежуток времени от 23 декабря до 14 января член бюро Хейфец в Киеве не был и в работах его участвовать не мог.

направление курса внутренней и внешней политики Правительства. В частности «Бунд» лишен, к сожалению, возможности принять участие в делегации от Правительства, за политику которого он не может принять на себя ответственность.

3) Отклоняя поэтому сделанное тов. Рафесу предложение, Временное Бюро Главного Украинского Комитета «Бунда» предлагает Ц. К. У. С. Д. Р. П. взять на себя инициативу организации межпартийной социалистической делегации к социалистическим партиям Р. С. Ф. С. Р., которая имела бы своей задачей предварительную подготовку и выработку условий мира между У. Н. Р. и Р. С. Ф. С. Р. и условий прекращения гражданской войны на Украине в той мере, в которой эта гражданская война связана с работой и позицией партии коммунистов на Украине и с наступлением военных частей на фронте с Советской Россией. Полагая, что в состав этой делегации должны быть включены представители влиятельных социалистических партий на Украине, Временное Бюро Главного Украинского Комитета „Бунда“ считает нужным особо подчеркнуть необходимость для облегчения задач делегации участия в ней партии коммунистов на Украине.

4) В виду той ответственной роли, которую играет в Украинском Правительстве У. С. Д. Р. П., представляется безусловно необходимым для поддержки доверия к социалистической делегации в Советской России и для участия нашей партии в ее составе получить от Ц. К. У. С. Д. Р. П. заверение, что партия силой своего влияния не допустит за время пребывания делегации в России заключения каких-либо договоров международного характера, которые в малейшей мере могли бы находиться в противоречии с задачами этой социалистической делегации, и что в случае, если таковые акты будут приняты вопреки заявленному протесту У. С. Д. Р. П., партия лишит Правительство своей поддержки и немедленно отзовет своих представителей из Директории и Правительства.

5) Бюро ожидает, что Ц. К. У. С. Д. Р. П. в ходе переговоров делегации окажет максимальное воздействие и на внутреннюю политику Правительства в смысле отказа от режима исключительных положений, репрессий против остальных политических партий и от шовинистического курса политики.

4 января в кабинете Чеховского состоялась беседа о целях этой миссии. Участвовали в ней *Чеховский*, *Мазуренко*, *я*, представитель укр. с.-р. (боротьбистов) *Полозов* [1]) и *Брегман*, представитель «Объедин. Евр. Соц. партии». Полозов заявил, что его партия готова участвовать в поездке в Москву исключительно в целях информации. Я ознакомил совещание с точкой зрения «Бунда». Чеховский выдвинул тогда идею посылки двух параллельных делегаций: официальной правительственной и общественной из делегатов социалистических партий. Попутно Чеховский набросал и позицию правительства (вернее свою) в области внешней политики, которую я попытаюсь сейчас восстановить по сохранившимся заметкам, сделанным тут же в кабинете Чеховского.

«Скажите в Москве, говорил Чеховский, что мы—социалисты, стоим за власть трудового народа, что всю политику определит наш Трудовой Конгресс. Он же составит и новое Министерство. Мы ничего не имели против группы Пятакова, как социально-общественной группы и даже хотели бы и их иметь в составе нашего правит[illegible] у них

влияния на часть рабочих. Мы обещаем полную свободу всем партиям в том числе и б-кам, но вооруженную борьбу будем подавлять вооруженной силой. Мы стоим за полный нейтралитет в международных отношениях. Обязанности воевать с Антантой мы на себя не берем, *но не допускаем их десанта. Если же они попытаются навязывать нам свои буржуазные порядки* [1]), мы будем против них бороться. Наша борьба с Антантой остается преимущественно дипломатической. С Доном боремся силой оружия, но только до наших границ, в пределы Дона не идем. Мы должны считаться с реальной силой. Краснова признавать не будем. От Москвы требуем признания взаимного суверенитета.

Характерно, что будущий «незалежник» Мазуренко оказался в этой беседе бо́льшим националистом, чем Чеховский, и выдвинул более обширную программу, программу «великой Украины». Он настаивал на походе против Румынии, которую нужно раздавить, чтобы отнять у нее Бессарабию и Буковину. Он выставил претензии на Крым и часть Дона, отстаивая чуть ли не военный союз с Советской Россией, он добивался этого не для усиления революции, а ради расширения «неньки Украины».

После этой беседы, из которой выяснилась вся беспомощность Чеховского в его попытках вырвать Директорию из цепких лап Антанты, куда она безнадежно попала, интерес наш к этой делегации еще более упал, все же от участия в неофициальной делегации Бюро решило не уклоняться. Резолюция Бюро по поводу предложения о посылке двух параллельных делегаций гласит:

Продолжив обсуждение этого вопроса в заседании 4 января, после заслушания доклада о переговорах, которые вели с тов. Рафесом председатель чрезвычайной дипломатической миссии тов. Мазуренко и председатель Совета Министров тов. Чеховский, Временное Бюро Главного Украинского Комитета „Бунда" постановило признать возможным участие представителя „Бунда" в составе межпартийной социалистической делегации, которая направится в Россию одновременно с дипломатической миссией, приняв предварительно все необходимые меры к тому, чтобы общественному мнению социалистических кругов было вполне ясно все отличие происхождения и задач межпартийной социалистической делегации от задач дипломатической миссии и при наличности указанных условий. При этом Временное Бюро считает еще раз необходимым настойчиво подчеркнуть, что плодотворность посылки делегации в значительной мере зависит от серьезности тех гарантий, которые будут даны Ц. К. У. С. Д. Р. П. (см. пункт 4 предыдущей резолюции) и от участия в делегации представителя местных коммунистов.

Но скоро вопрос о делегации получил новое направление. Директория опубликовала ноту с протестом против наступления большевистских частей на Украину. Сама эта нота и по существу была неосновательной, но в ней харак-

---

[1]) [illegible] считался осведомленными политиками [illegible] [illegible] вмешательство во внутренние дела

терно было, что она обращена не к народам всего мира или, по крайней мере, к народам Антанты и нейтральным, а *только к правительствам стран согласия*. Такая нота носила явный характер приглашения Антанты прислать военную помощь против большевиков. Официальные круги при запросах ссылались на простую ошибку, позже нота как будто была дополнительно послана и во все остальные страны, но впечатление осталось: «украинская демократия» как будто повторяла полностью опыт января 1918 года, когда такой же телеграммой из Киева в Брест звали немцев на Украину на помощь против большевиков.

Сам Юр. Мазуренко выставил ряд ультимативных требований и в виду их неудовлетворения отказался ехать во главе официальной миссии. Его требования были: 1) Отмена осадного положения. Легальное существование всех социалистических партий при парламентских формах борьбы. Прекращение расстрелов коммунистов и укр. соц.-рев. 2) Передача на местах власти Советам трудового народа [1]) под контролем комиссаров центральной власти. 3) Вместо Трудового Конгресса съезд Советов трудовых депутатов. 4) Борьба с белогвардейцами. 5) Разоружение воинских частей, проявляющих контр-революционное направление. 6) Открытая политика по отношению к Антанте. 7) Никаких разговоров с Красновым, кроме ультиматумов. 8) Чистка органов местной власти. До создания советов на местах учреждаются ревкомы.

Эта программа, выдвинутая лицом, близко стоящим к правительственным сферам, и отказ правительства от принятия ее, были наглядным признаком того, как быстро нарастали события и как призрачна была политика Директории. При таких условиях межпартийная социалистическая делегация получала один лишь смысл: звать Советскую Россию к вооруженной поддержке в деле свержения Директории. Бунд решил похерить идею социалистической делегации:

„В виду все большего обострения гражданской войны на Украине, выразившейся, с одной стороны, в переходе власти в ряде городов к советам (Бердичев, Житомир), а с другой стороны, при продолжающемся курсе правительственной политики, в ряде антисемитских погромов, организуемых некоторыми частями правительственных войск при попустительстве командного состава, мы полагаем, что основная цель межпартийной социалистической делегации — скорейшее прекращение гражданской войны — могла бы быть достигнута только при условии немедленной резкой перемены общего курса политики правительства и считаем поэтому наше участие в этой делегации в настоящее время невозможным.

В Москву поехал один лишь Семен Мазуренко и прибыл, кажется, туда уже в день взятия Киева советскими войсками.

---

[1]) Мы об этом писали выше. Это была идея поглощения городских районными советами с преобладанием [illegible]

Погромы в Бердичеве и Житомире явились дополнительным штрихом, как бы специально созданным, чтобы подчеркнуть сходство в политике падающих реакционных режимов. При встречах с разными лицами уже за пределами Советской Украины мне не раз приходилось слышать, что полевение «Бунда» на Украине явилось результатом погромной политики Петлюры. Один (меньшевик) даже назвал наш переход к коммунистам естественным стремлением нации к защите от физического уничтожения и сравнил политику «Бунда» с политикой грузинских меньшевиков, которые из тех же *национальных* соображений пришли к другим уклонениям от соц.-дем. политики. Против всех этих заявлений и сравнений остается только решительно протестовать, объясняя их происхождение совершенным незнакомством с внутренней жизнью «Бунда» в период ноября—января. Все внимание было сконцентрировано на *общих* вопросах развивающейся внутри Украины революционной борьбы. Шел пересмотр *основных* вопросов целого миросозерцания. Позже, в течение мая—августа 1919 года приходилось переживать погромы, по ужасам своим превосходившие все бывшие до тех пор погромы. Все это вызывало, конечно, естественное негодование, но не создавало никакой специфической *национальной* реакции в рядах левых, коммунистически настроенных элементов. Хотя с другой стороны не приходится отрицать того обстоятельства, что погромы Петлюры производили известное влияние на психику *массы* еврейского населения, делавшей из этого соответствующие и правильные политические выводы.

Можно оставить в стороне вопрос о персональном участии руководящей группы Директории и правительства в организации погромов. Достаточно было и того, что официальные круги смотрели сквозь пальцы на широкую работу погромных дел мастеров, свободно агитировавших во всех воинских частях. Достаточно было и того, что виновники погромов оставались совершенно безнаказанными. Директории было просто невыгодно рвать с этими элементами и отказываться от этого последнего орудия самозащиты, которое дали ей ее друзья. В эти дни первых погромов в политических кругах передавали о беседе двух членов Центральной Рады во время отступления из Киева в январе 1918 года при вступлении в город советских войск. Один плакался другому на бессилие, выяснившееся так неожиданно при столкновении с большевиками. На это другой реагировал замечанием: «подождите, мы не использовали еще нашего главного козыря. *Против антисеметизма никакой большевизм не устоит*». Это последнее средство начало действовать и тогда пущено было в оборот и сейчас

В Житомире местные рабочие, крестьяне близлежащих сел и солдаты гарнизона провозглашают власть Совета. На усмирение в Киеве снаряжается отряд, как всегда неохотно покидающий столицу. К отряду выходит его атаман и говорит: «по дороге зайдем в Бердичев—пограбуемо». Солдаты умиротворены. Не имея никакой нужды итти в Житомир через Бердичев, отряд удлиняет свой путь, проводит лишний день в Бердичеве и, только закончив погромную операцию, отправляется в Житомир, где все усмирение большевиков выражается в новом еврейском погроме более крупного типа.

И в дополнение ко всему Директория из погромов делает государственную тайну, налагает цензурный запрет на простые описания разбоев и бесчинств отдельных воинских частей. Запрещает писать о них и даже о переговорах с правительством по поводу погромов.

Составляется объединенная делегация из представителей «Бунда» «Объединенных», у. с.-д., меньшевиков-интернационалистов, которая посещает Чеховского, Винниченко. О заявлениях Чеховского говорить не приходится: он подаст в отставку, если эти безобразия не прекратятся, это дело чести и т. д. Винниченко—тот холоден и спокоен. Приняты меры, виновные будут наказаны, но... евреи сами виноваты в этих погромах, так как принимают большое участие в большевистском движении. Делегация указывает ему на сходство этого объяснения с былыми объяснениями царских властей. Но Винниченко не смущается и на прощание снова повторяет: «меры будут приняты, но убедите евреев не участвовать в большевистских выступлениях». Что сказать о столь быстрых успехах вчерашнего революционера!

Одной из излюбленных идей Петлюры, как и многих других украинских националистов, всегда была идея союза украинской и еврейской демократии. Поставить еврейскую интеллигенцию и торговый класс на службу украинской государственной идее значило для них спасти «самостийность». Более горячие из них говорили даже о создании «Украино-Иудеи». Почти накануне свержения гетманщины, при встрече со мной в гетманской тюрьме, Петлюра говорил о своем страстном желании осуществить этот союз и только об этом и говорил. В международных отношениях известны такие случаи, когда дальновидные политики, задумав союз с соседней страной, начинали с наступательной войны и только после разгрома ее создавалась почва для дружественного союза [1]). Нечто подобное произошло в украино-еврейских отношениях. Первая часть программы—разгром еврейского населения — выполнена, можно сказать, блестяще.

[1]) Политика Бисмарка по отношению к Австрии.

лучше чем во времена Хмельницкого и Гонты. Но вот сейчас передают, что в части Украины, где господствует Петлюра, в захолустных городах Подолии нашлось несколько мещанских еврейских групп, выступающих под именем не то «Бунда», не то «Объединенных», не то «Объединенного Бунда», которые согласились помочь выполнению второй части программы и будто уже в официальной прессе объявлено, что «частина еврейской демократии» относится сочувственно к украинской самостийности. Таким образом после погромов налаживается и союз. Сейчас и Винниченко может быть доволен: эта частина еврейской демократии будет бороться против большевизма и уже боролась в Бердичеве и Житомире. Впрочем, уже в момент первых погромов в январе 1919 года Винниченке удалось поймать на эту удочку другую «самую умную», как говорят в еврейских кругах, партию «Поалей-Цион», которая до некоторого времени служила Директории не за страх, а за совесть и несла тяжкий крест ответственности за петлюровские погромы. Но довольно об этом.

Воспользовавшись моментом некоторых колебаний в политике Директории, в период ее переговоров с социалистическими партиями, организационная комиссия решила созвать заседание Киевского Совета Рабочих Депутатов. Всякому должно было быть ясно, что это заседание будет единственным при Директории, что в дальнейшем в период все более обостряющейся борьбы не удастся сохранить его открытое существование, что Исполком будет нелегален. Но нам, бундистам, нелегко было переходить эту последнюю грань. Нам казалось, что Совет не должен сдавать своей легальной позиции и должен открытым функционированием бороться за свое существование. Но решающая роль принадлежала господствующей в совете партии—коммунистам, имевшим в совете 85 процентов общего числа депутатов. Наша фракция выступила с своими предложениями в самом совете: назначить тут же следующее заседание Совета, избрать Исполнительный Комитет с персональным обозначением избранных членов и т. п. Все эти предложения были отклонены большинством совета, точнее фракцией коммунистов, действовавшей по точной директиве Областного Комитета К. П. У. О смысле этой директивы мы узнаем из выпущенного комитетом во второй половине января особым оттиском его отчета конференции Киевской организации К. П. У., происходившей 19 января:

„Областной Комитет в своей платформе и наказе во время выборов в совет выдвигал лозунг решительной борьбы за полновластие советов, а затем в последующих своих выступлениях прямо и определенно выступал с лозунгом свержения кулацко-офицерской власти Директории... Выборная [illegible] в совет была использована для организации масс под этими [illegible]. В дальнейшем, учитывая невозможность открытого

Она сказывалась на методе подхода к вопросам, на тех или иных ударениях, которое делало то или иное течение соответственно своей прошлой истории. Старому интернационалисту Хейфецу казалось, что его нынешняя позиция есть простое продолжение интернационалистской линии, формулированной еще задолго до революции в Циммервальде и Кинтале. Политика интернационалистов в России, в период двухлетней революции, забвение ими тех идей о социальной революции, которыми они жили заграницей, все это промелькнуло лишь как сон, дурной сон, но очень короткий сравнительно с той важностью, которую имеет наступающая эпоха. И потому доклад Хейфеца был мало посвящен критике прошлого и останавливался больше на положительных задачах революции. Иным было положение представителя «центра», задачей которого было подвести итог партийному развитию «Бунда», вырыть в сознании партии те глубокие борозды, которые прошли уже через мышление руководящей группы, чтобы тем предупредить возможность рецидива при неизбежных еще поражениях революции. Представитель «центра», лучше отражавший настроение большинства партии, подчеркивал в своей речи и платформе то, что отделяет позицию «Бунда» от коммунистов. Но оказалось, что все указания на «советские эксцессы» (как это названо в приведенном выше отчете Областного Комитета коммунистов) были приемлемы и для левого крыла.

Совещание закончилось ликвидацией «центрального» течения, уходом из Бюро правых и оформлением единой левой фракции «Бунда». После этого совещания отдельные собрания правого крыла стали естественной необходимостью, параллельное существование двух дисциплинированных фракций в едином пока «Бунде» стало фактом.

Мы приводим ниже принятую большинством Бюро платформу за небольшими только сокращениями:

В основе наметившихся разногласий в рядах всех социалистических партий лежит различная оценка той борьбы, которая в международном масштабе завязалась вокруг Российской, а в особенности в последнее время вокруг Германской революции.

Мы полагаем, что, возникши в стране с высоко развитой промышленностью, с преобладанием индустриального пролетариата в составе населения, германская революция *ставит в порядок дня всего всемирного пролетариата вопрос о немедленной ликвидации самой основы современного общественного строя и немедленном же переходе к социалистическому*, как бы этот процесс ни был осложнен теми опустошениями, которые внесла война в хозяйственную жизнь всех стран.

Начавшаяся борьба ставит перед всем пролетариатом мира задачу немедленного овладения государственной властью для того, чтобы путем диктатуры воспрепятствовать сопротивлению имущих классов, получающих поддержку со стороны победившей в войне империалистической коалиции Антанты и осуществить положительные задачи социалистического строительства.

Используя остатки освободительной идеологии, родившейся на основе противоставления когда-то более демократических стран согласия милитаристской Германии, идеологии, устаревшей уже к началу войны и совершенно скомпрометированной в самых странах согласия, которые успели за время войны сами милитаризоваться,—политики и идеологи Антанты стремятся изолировать экономическим бойкотом все охваченные революцией страны и путем голода и при поддержке всех контр-революционных элементов внутри этих стран (Германии, Польше, Украине, Великороссии), раздавить опасную для них революцию, превратив в то же время все эти страны в объект своей безграничной эксплоатации.

При таких условиях утопичной и глубоко-вредной является идея национального нейтралитета, проповедуемая какой-либо из революционных стран. *Революция, как социалистическая, может победить только при сплочении всех ее сил в международном масштабе.* Против единого политического, экономического и стратегического фронта мировой контр-революции должен быть выставлен единый революционно-социалистический фронт всех революционных стран. Должна быть отброшена всякая идея национальной исключительности и всякие попытки замкнуться в рамки собственного национально-социалистического строительства, как это имеет между прочим место в рядах самостийнически-настроенных левых украинских социалистов. *Военно-оборонительный союз всех стран, охваченных* революцией, *с сохранением максимально-возможной самостоятельности каждой* из них, *тесное экономическое сближение для преодоления бойкота извне, подготовляющее образование единой хозяйственной территории*—такова задача, одинаково остро стоящая перед всеми странами.

Сложнее стоят эти задачи перед социалистическими партиями Восточной Европы с отсталым экономическим развитием и по преимуществу аграрным характером этих стран. С небольшой промышленностью и малым пролетариатом эти страны одни бессильны преодолеть все внутренние и внешние хозяйственные затруднения. Все более обостряющиеся конфликты между городом и деревней, рост за время войны кулачества в деревне создает почву для контр-революционных настроений, что легко может быть использовано мировой реакцией. Соглашение Антанты помимо таящейся в нем реакционной опасности длительно держаться не может, уже в силу мотивов указанных выше.

Украине и Великороссии в экономическом отношении поэтому остается лишь один путь: примкнуть к Германии *для взаимного-хозяйственного питания обеих стран.*

Конечно, и при этих условиях не может быть речи о правильно и полно проведенном принципе социалистической организации хозяйства в странах Восточной Европы в виду уже указанной отсталости этих стран. При всей решительности мероприятий, направленных к национализации отраслей хозяйства, приходится считаться с необходимостью многообразия в формах хозяйственной организации страны: национализированная в государственном масштабе промышленность, как первый шаг к социализации, частно-владельческие индустриальные предприятия под контролем государства, кооперативные формы организаций — и все это на основе крестьянского земельного хозяйства—такова возможная картина хозяйства в Великороссии и на Украине.

Мы не разделяем мнения о неизбежном контр-революционном характере крестьянских масс назавтра после получения ими земли... Это могло быть верным в предыдущую эпоху, но война и разрушение хозяйственной жизни оставит крестьянство в лагере революционных слоев населения, особенно, если принять во внимание все обостряющуюся борьбу пролетариата во всех странах Европы, неизбежно вовлекающую низшие слои крестьянства в орбиту своего влияния.

Но при всем том ошибочная тактика (как это имело место в Советской России) может на время толкнуть эти слои народа на ложный путь борьбы против пролетариата.

Обстоятельство это должно заставить всех с особенной осторожностью подходить к вопросу об организации социалистической власти на Украине.

Неотложной задачей власти на Украине является немедленное разрешение земельного вопроса, реорганизация всей хозяйственной жизни на указанных выше началах, организация военных сил для противодействия нападению извне со стороны Антанты а также Дона, Румынии (в случае победы «народовцев» в Польше, прибавляется и новая военная опасность), идущих сейчас в фарватаре антантской политики, и подготовки военного союза с Великороссией и Германией, преодоление внутри противодействия буржуазных и кулацких контр-революционных элементов.

Возникшее под непосредственным влиянием германской революции ноябрьское восстание на Украине, свергнув гетманщину, ходом вещей поставило в порядок дня вопрос о диктатуре трудового крестьянства и пролетариата. Директория в своей декларации вынуждена была провозгласить эти же принципы. Но для нее самой они оказались лишь ширмой. Испугавшись тех социальных слоев, которые откликнулись на ее призыв к восстанию, Директория назавтра же после свержения гетманщины повела борьбу против Советов рабочих и крестьянских депутатов. Ограждая интересы имущих классов украинского крестьянства и городской мелкой буржуазии, Директория пытается отвлечь социальное движение масс в русло узко-националистических задач, подготовляя почву для военной диктатуры против рабочих и крестьян.

Весь период после ноябрьского восстания заполнен этой борьбой между двумя формами диктатуры. И в течение этого периода все колеблющиеся в рядах социалистических партий могли убедиться, что выбора нет: либо диктатура против Советов, неизбежно толкающая к мобилизации всех контр-революционных сил, ныне собравшихся уже вокруг директории и толкнувших ее на соглашение с Антантой и войну с Советской Россией, либо диктатура трудового крестьянства и пролетариата, организованного в Советах. Социалистические круги, доктринерски выдвигающие идею Учредительного Собрания, или избегают ответа на этот вопрос или вынуждены открыто стать на путь борьбы с советами, чем они лишь оказывают услугу реакции.

В разгорающейся гражданской войне наша партия не может остаться в нейтральной и, не скрывая перед собой всех опасностей ни самой диктатуры, ни формы ее организаций, наша партия, как партия революционная, принимая во внимание социалистический характер революции и ее всемирном значении, должна итти с теми массами, которые борются за советскую организацию власти.

При нынешних условиях обостренной гражданской войны, только советская организация власти, объединяющая в советы все революционные слои населения, способные двигать революцию вперед к ее социалистическим задачам, и дающая высшим органам власти поддержку организованных масс, только Советская власть способна разрешить положительные задачи революции и оказать противодействие всем ее враждебным внутренним и внешним силам.

Переходя на эту новую позицию, наша партия должна продолжать свою борьбу с анархо-бланкистскими тенденциями, питаемыми самой гражданской войной, дезорганизацией всей хозяйственной жизни, голодом и безработицей рабочих масс. Считая задачей дня боевой союз с партией коммунистов, Бюро решительно выступает против всех попыток слияния с ними, делаемых кое-где на местах отдельными группами, вчера еще бывшими в Бунде.

Наша партия и в Советах должна быть свободна в своей тактике, чтобы иметь возможность бороться с той тенденцией Советской власти, в какую она вылилась в Великороссии.

Не диктатура городского пролетариата над деревней, Советов над пролетариатом и, наконец, партии [illegible] тами, н[illegible] превратившая власть в [illegible]

самодеятельности, против крестьянских масс,—а соглашение между городским пролетариатом и трудовым крестьянством, между партией коммунистов и всеми революционно-социалистическими партиями на основе последовательно-демократически организованных советов в центре и на местах.

Не распыление государственной власти между отдельными советами и фабрично-заводскими комитетами, питающее анархические тенденции и разрушающее последние остатки хозяйственного аппарата, а централизованная государственная власть с местными комиссарами, работающими в контакте с местными советами.

Не система декретов, часто остающихся без всякого влияния на подлинную жизнь, а планомерная реорганизация хозяйственной жизни, чуждая утопическому прожектерству и считающаяся с уровнем хозяйственного развития страны.

Не водворение полицейской системы, заставляющей замолкнуть всякий голос, даже доброжелательной критики, а максимально-возможная свобода слова, печати, собраний, союзов.

Наконец не космополитическое игнорирование особенностей хозяйственного, культурного и национального развития отдельных стран и областей, а создание власти изнутри силами пролетариата и крестьянства каждой отдельной страны, власти, которая, действительно, примет во внимание местные особенности и не даст разгореться национальной борьбе.

Своей характеристикой Советской власти в Великороссии мы отнюдь не желаем сказать, что все это является результатом одних лишь субъективных устремлений ставшей там у власти партии коммунистов. Многое, а, может-быть, и большая часть самых серьезных ошибок Советской власти в России, от которых пытается освободиться и сама власть, явились результатом того трагического положения, в каком очутилась русская революция, не поддержанная всемирным пролетариатом в ее стремлениях к ликвидации войны и разрешении социальных проблем. Сейчас объективные условия, благодаря революции в Германии, более благоприятствуют успеху революционных мероприятий.

Новая революция на Украине подготовила почву для признания идей Советской власти широкими кругами рабочего класса и крестьянства, ее установление на Украине может пройти поэтому и без гражданской войны внутри рабочего класса, но именно эти более благоприятные условия возлагают на всех сторонников советской организации власти наибольшую ответственность и требуют от них принятия всех мер к предупреждению ошибок власти в Великороссии.

Чтобы дойти до полного коммунизма, группе, которая объединилась на данной платформе, предстояло еще пройти много отдельных стадий. На это потребовалась добрая пара месяцев напряженной работы политической мысли под давлением фактов политической жизни и под влиянием совместной работы с партией коммунистов. Но необходимо отметить, что рядовые члены этой же группы отнюдь не были проникнуты желанием так межеваться от коммунистов, каким проникнута вся последняя часть платформы. Процесс ассимиляции шел там куда быстрее.

VI. ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ДИРЕКТОРИИ И ПОБЕДА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ.

1. Трудовой Конгресс и «Бунд».

В порядке дня партийного совещания «Бунда» стоял вопрос об отношении к Трудовому Конгрессу, но его не обсуждали ни отдельно, ни в связи с общими прениями о политических задачах. О нем ничего не упомянуто и в платформе Бюро. Отношение «Бунда» к Конгрессу можно было определить как *безразличное*. Все же определенного постановления не было. «Бунд» принимал участие в выработке инструкции для выборов на Трудовой Конгресс. На заседания комиссии ходили даже два представителя Бюро в виду бывших внутри его разногласий по вопросу о допущении представителей земств и городов: этого добивалась правая часть «Бунда» вместе с меньшевиками. С точки зрения расширения базы Советской власти—формула, весьма популярная в те дни во всех левых группах—необходимо еще отметить, что «Бунд» предлагал допустить к выборам мелких городских хозяйчиков-ремесленников, не эксплоатирующих чужого труда. Наиболее острая борьба была по вопросу о количестве представителей от рабочей курии. По проекту Директории число рабочих депутатов было 92 из общего числа 484 депутатов, то-есть только 19 процентов. «Бунд» отстаивал одну треть мест для рабочих, *как минимум*. Когда и это было провалено, «Бунд» опубликовал свое мнение в печати и прекратил свое участие в работах комиссии.

Хитроумные украинские политики свои мелкие уступки рабочим сформулировали так, что не оставались в убытке. Они дали особое представительство железно-дорожникам и почтовикам в уверенности, что здесь вывезет работавший там украинский националистический союз. После всех поправок инструкция по выборам на Конгресс получила следующий вид:

Общее количество депутатов—527, из них: крестьян—377, рабочих—118 (и в том числе жел.-дор.—20, почт.-тел.—10), трудовой интеллигенции—33. Выборы от крестьян происходят на уездных съездах уполномоченных от деревень (по 1 на деревню с 50—2000 жителей, от больших сел—еще по 1). Выборы от рабочих и от трудовой интеллигенции происходят (отдельно) на губернских съездах (уполномоченных от фабрик и заводов), уполномоченных от собраний трудовой интеллигенции. Порядок выборов не был регламентирован инструкцией, которая требовала лишь пропорциональности выборов внутри каждой курии.

Инструкция была опубликована в печати 8 января, созыв Конгресса был назначен на 22 января. Совершенно ясно, что не могло быть речи ни о какой серьезной подготовке для партий, кроме самого правительства, которая имела к своим услугам весь аппарат власти, включая и телеграф. Одно это обстоятельство уже создавало и питало индифферентизм к Конгрессу. А между тем осадное положение не снималось, преследование большевиков и укр. соц.-рев. усиливалось. Набег на профессиональные союзы, подобный Киеву, повторился и в Харькове. Партия коммунистов объявила бойкот Трудового Конгресса. Киевский Исполком призывал к отказу от участия в выборах и имел успех в рабочей среде, хотя им ничего не было сделано для более широкой огласки своего призыва. Бюро «Бунда» не рассылало по этому вопросу никаких инструкций и не отвечало на получавшиеся с мест запросы.

В самый канун созыва Конгресса как снег на голову свалился съезд губернских уполномоченных по Киевской губернии. Явилось 154 уполномоченных, большей частью серых и мало-разбирающихся в политической ситуации и фракционных разногласиях. Серой была и фракция «Бунда», состоявшая из 11 человек, в том числе 7 левых, поддерживавших платформу Бюро. К тому же фракция выступала как единая и была еще в организационной связи с меньшевиками. Фракция коммунистов официально на съезде отсутствовала, но была группа беспартийных, добивавшаяся (притом тактикой, не приводившей к политическому просвещению) отказа от участия в выборах. Правое крыло, бывшее в большинстве, в процессе борьбы сплотилось и оказалось, что укр. с.-д., укр. с.-р., росс. с.-р. и отчасти меньшевики идут единым фронтом, спасая авторитет скомпрометированного всей обстановкой его подготовки Трудового Конгресса.

«Бунд» здесь несомненно сплоховал, хотя выступление его, единственное на этом съезде сопровождавшееся политической декларацией, и было в политическом отношении для серого съезда самым ярким. Вопреки всем левым фракциям «Бунд» выставил свой список и неожиданно получил два места, так что левое большинство по своей платформе провело на Конгрессе и лидера бундовского правого меньшинства Литвина. Все это вместе создало вокруг «Бунда» весьма сгущенную атмосферу и вызвало внутренний кризис в Бюро: лидер левого крыла Хейфец заявил, что для него персонально более нестерпимы эти неожиданные зигзаги бундовской политики, вследствие чего он выступает из «Бунда» и переходит в партию коммунистов.

И сейчас, спустя почти год после этого момента, я полагаю, что для «Бунда» с еще большим [illegible] сотрудничество [illegible]

тости всей партии в целом, медленно переходившей на революционную дорогу, при наличности иллюзий по отношению к Трудовому Конгрессу, демонстративное участие в Конгрессе для открытого выявления своего лица было обязательным, и поэтому необходимо было воспользоваться случаем, неожиданно представившимся на киевском съезде. Это участие нисколько перед широкими массами не увеличило авторитетности Конгресса, а дискредитировало его в [illegible]. Лично для меня это участие в Конгрессе было своего рода нравственным императивом. При тех сложных отношениях, которые вокруг меня, как политического деятеля, создались во всех группах, участвовавших в Конгрессе, *открытое* провозглашение гибели так называемой «украинской демократии» и открытый переход на большевистскую позицию более соответствовали личному достоинству, чем провозглашение себя большевиком *назавтра* после приближавшейся уже победы Советской власти. Работы Трудового Конгресса показали, что участие представителя левого «Бунда» в Конгрессе оказалось весьма полезным. Здесь случилось то же, что было с рабочей группой в I Государственной Думе при её бойкоте со стороны соц.-дем.

Состав Конгресса ничего хорошего для Директории не предвещал. Основную массу ее делегатов составляли [illegible], по своей политической физиономии примыкавшие к центральной [illegible] (течению), недавно единой партии укр. с.-р. Деятели этого течения - это все бывшие политики Центральной Рады, [illegible]. Но внешняя политика Директории - борьба с Советской Россией и заигрывание с антантой - вызывала со стороны селянской спилки в массе своей резко отрицательное отношение: опыт с немецкой оккупацией не хотели повторять и украинские кулачки. Наличность в составе Конгресса левой фракции играла в этом отношении крупную роль. Несмотря на все старания и обработку в течение нескольких дней в закрытых заседаниях фракции, вся «центральная течь» до конца не соглашалась одобрить политику Директории. Вотум доверия был ей дан *меньшинством* Конгресса, составившимся из укр. соц.-дем., «самостийников» и галицийской фракции. Чтобы скрыть это свое поражение, Директории пришлось отказаться от точного подсчета голосов на Конгрессе. Эта изоляция Директории от *всех* слоев и групп украинского крестьянства, благодаря внешней политике, облегчила победу Советской власти. Оно [illegible] объяснить тот головокружительный успех и быстроту продвижения советских войск, вплоть до первого перехода атамана Григорьева на сторону Советской власти, [illegible] к занятию Одессы и изгнанию французского десанта.

Сторонников Советской власти, в составе Конгресса, при бойкотистском отношении всех партий, было, конечно, немного: всего 30 человек от всех фракций вместе: укр. с.-р. (боротьбистов), «незалежных» укр. с.-д., беспартийных (это были коммунисты) и левого «Бунда». Все вопросы тактики обсуждались на общих совещаниях, от имени всей фракции «левых» делались различные заявления формального характера. Вопрос о том, когда покинуть Конгресс, не сходил с порядка дня совещаний. Благоприятная ситуация на самом Конгрессе и большая работа, проделывавшаяся левыми, особенно «боротьбистами», в кулуарах Конгресса, заставляла все более отсрочивать момент ухода с Конгресса. Фракция, конечно, отказывалась от участия в президиуме, но для информации имела представителя в сеньорен-конвенте (или «сеньорен конвенте», как его прозвали в кулуарах).

Число бундистов доходило к концу работ Конгресса до 9, но левых среди них было только двое. Состав правой части был пестрый: были среди них безусловные сторонники «демократии», были и принципиальные сторонники формулы диктатуры крестьянства и пролетариата, вообще всей идеологии, развитой в декларации Директории. Левому крылу делались различные предложения о едином выступлении, при чем правое крыло готово было для этого значительно отступить от своей принципиальной позиции. Но, наученные горьким опытом киевского съезда рабочих уполномоченных, мы от этого категорически отказывались: весь смысл нашего участия в Конгрессе заключался в самостоятельном выступлении «левого Бунда». На единственном совместном заседании всех бундистов-депутатов выработан был следующий своего рода «договор»:

1. «Совещание констатирует, что глубокие принципиальные разногласия между обеими частями бундовской делегации делают неизбежными самостоятельные выступления обеих частей на Конгрессе».

2. «Левая часть будет выступать под именем «Бундисты, стоящие на платформе Советской власти», остальные депутаты будут называть себя «Бундисты, стоящие на соц.-дем. позиции».

3. «Обе части стремятся всеми способами избегать в выступлениях взаимной полемики».

4. «Обе части стремятся не связываться организационно с другими группировками на Конгрессе. Поскольку совместные выступления с другими группами будут необходимы, это должно происходить лишь от случая к случаю».

5. «Обе части обязуются друг друга информировать о предполагаемых выступлениях своих и о позиции по вопросам организационным Конгрессной работы (участие в Президиуме, комиссиях, голосованиях, уход с Конгресса)».

6. «Должны устраиваться совместные заседания всех депутатов-бундистов по требованию каждой части».

Из этого договора видно, что обе части тщательно избегали всех признаков *организационного* раскола. С стеснением сердца правая часть мирилась с отдельными полити-

россии. В резолюции ее мы находим следующие формулировки политических задач:

«Обнаруженный войной банкрот мирового капитала ставит перед мировым пролетариатом задачу переустройства общества на социалистических основах через переход власти в руки рабочего класса...

«...О своем дальнейшем развитии немецкая революция, благодаря внутренней логике класса, ставшего, наконец, у власти..., должна будет неизбежно стать на путь решительной социалистической политики и тесного союза со всеми революционными странами, между ними и с Россией, поскольку в ней останется революционная власть...

«Главный враг мировой революции — победоносный англо-американский империализм... Наступление правительств антант на большевистскую Россию, независимо от внутренней природы большевизма, объективно означает наступление против Интернационала труда...

«Активно участвуя, как партия, в работе по осуществлению социальных задач, стоящих перед российским и мировым пролетариатом..., работая на почве создавшихся условий всюду, где это будет возможно, и допуская отдельных товарищей к занятию самостоятельных постов...

А раньше следовало все то, что полагалось по рангу партии центра:

«Попрежнему полагая, что демократические формы государства наиболее выгодны для пролетариата и всей демократии, а при создавшемся международном положении они значительно облегчают борьбу с международной реакцией...

«Партия не берет на себя ответственности ни за внешнюю, ни за внутреннюю политику нынешней власти...

«Соц.-дем. должна противопоставить идее диктатуры пролетариата над демократией идею союза пролетариата с мелкобуржуазной демократией».

Эта резолюция была правее нашей платформы от 14 января, а с тех пор мы подвинулись значительно влево. Дифференциация течений в Польше была резче. На конференции «Бунда» в декабре также победил центр, но было весьма характерно, что из 40 делегатов к этому «центру» принадлежало лишь *один* и компромисс, навязанный там «Бунду», вытекал из почти равного представительства правого и левого фланга на конференции. Дальнейшее показывало, что и польский «Бунд» близок к расколу. Так варшавская, самая крупная организация отказалась от участия в выборах в Учредительное Собрание вопреки постановлению Ц. К., основанному на решениях декабрьской конференции. Мы были уверены, что, став на путь разрыва с нашими правыми элементами, мы лишь ускорим этот же процесс во всех прочих частях «Бунда». Оказалось, что развитие там пошло иначе: не пережив революционной бури, «Бунд» и в Литве, и в Польше, и в Белоруссии, под влиянием медленного темпа развития европейской революции, застыл на своей центровой позиции. Поражение «спартаковцев» в Германии, повидимому, задержало развитие и уверенность в себе левого крыла. Позже «Бунд» в Белоруссии подвинулся еще на шаг влево, почти отказался от связи с 2-м Интернационалом. Но этот медленный темп развития этих частей «Бунда» только ограничивает инициативу украинского [illegible]

цев», которые, дойдя до коммунистических воззрений, не могли оставаться в изолированном состоянии на Украине и выжидать, может быть, целый год, пока весь «Бунд» достаточно полевеет.

4 февраля в Киев вступили советские войска. Обо всем том, что происходит по ту сторону фронта не было никаких сведений. О намерениях Харьковского Временного Правительства также ничего не было известно. Казалось, что с занятием Киева политическим центром, вместо Харькова, станет вновь Киев, как это и политически было необходимо, чтобы подчеркнуть, что новая власть считается со всеми особенностями края. Казалось поэтому, что немедленно будут сделаны шаги по ликвидации тех трений, которые создались во время борьбы между двумя политическими центрами. Наша резолюция от 2 февраля гласит:

«Как советская партия, мы принимаем участие в организации центральной власти, чтобы она в максимальной степени отражала местные политические отношения и построена была по принципу коалиции всех революционно-социалистических сил.

«При настоящем состоянии сил партии мы не выдвигаем вопроса об участии представителя нашей партии в составе правительства, заявляя, что будем нести ответственность за его деятельность, что поддержка наша вполне обеспечена и без нашего непосредственного участия, что все другие силы, которые могут быть полезны как центральной, так и местной власти, мы отдадим в ее распоряжение.

Категоричность последнего заявления вытекает из того, что и при невыполнении первого условия о коалиции всех партий, при образовании правительства в составе одних лишь коммунистов, мы не вели бы против него никакой внешней оппозиции, ограничиваясь исключительно внутренними средствами воздействия и влияния, как это подобает всякой коммунистической организации в атмосфере непрекращающейся гражданской войны.

Вопрос о переменах в составе правительства был отложен до харьковского съезда советов. Наши представители вошли в Исполком, а затем и в президиум его: мы брали на себя всю ответственность за политику власти. Между тем вошедшие в город воинские части, принадлежавшие к группе партизанских недавно сформированных отрядов, произвели много эксцессов, обычных в этой напряженной атмосфере. Обыватель заволновался, стал брюзжать, а наши правые в «Бунде» впитывали в себя все эти обывательские настроения, отравляя атмосферу непрекращающейся критикой. Совместное пребывание в рамках одной организации становилось все более и более трудным. Между тем на крайнем левом фланге нетерпение росло, велись переговоры о создании еврейской секции в местной организации К. П. У., что опять-таки разбило бы цельность всей еврейской коммунистической организации.

Бюро решилось на раскол. В своем воззвании от 18 февраля Бюро пишет:

«В процессе подготовительной работы к конференции и в процессе внутренней партийной борьбы перед широкими кругами организованного еврейского пролетариата со всей определенностью стала задача теснейшего сплочения всех революционно-социалистических сил еврейского пролетариата, выдвинутых предыдущей революционной борьбой, *независимо от их прежних партийных группировок.*

«Старая соц.-дем., скомпрометированная в процессе войны и революций в России и Германии, под знаменем которой укрываются и явно враждебные социальной революции элементы, эта соц.-дем. не может быть базой для такого сплочения.

«Необходимо напряжение всех сил для скорейшего *образования 3-го Коммунистического Интернационала*, для теснейшего объединения еврейского пролетариата с *русскими и польскими*, борющимися под знаменем Коммунистической партии [1]).

«Все это заставляет нас неотложно поставить перед всем еврейским пролетариатам вопрос о немедленном образовании «Всеобщего Еврейского Коммунистического Союза», который должен объединить в своих рядах всех еврейских коммунистов, независимо от их прежней партийной принадлежности, и который должен сейчас же как *единая объединенная организация* войти в тесные организационные отношения с коммунистической партией страны...

На эту точку зрения давно уже *единогласно* стал Киевский Комитет «Бунд». В некоторых организациях выделились уже отдельные коммунистические группы, вступившие в тесную организационную связь с местными коммун. организациями.

«Конференция «Бунда», которая безусловно откроется в Киеве 25 февраля, должна стать исходным моментом образования такого «Коммунистического Союза», *независимо от того, составят ли сторонники этой идеи большинство или меньшинство на конференции.*

«Врем. Бюро Укр. Глав. Ком. «Бунда», приняв это постановление, предлагает всем сторонникам этой точки зрения на местах в процессе подготовительной работы выделиться в особые коммунистические группы, *добиваясь максимального представительства на конференции* и вступая в связь с подобными же группами в окрестных городах.

«Врем. Бюро вполне отдает себе отчет в той серьезной ответственности, которое оно принимает на себя, предпринимая этот шаг. Хотя оно сейчас и оторвано от других частей «Бунда» в Литве, Польше, Белоруссии, Врем. Бюро глубоко убеждено, что этот шаг безусловно необходим не только в интересах социалистической революции, но и в национально-культурных интересах еврейского пролетариата.

«Пора откинуть все колебания, вносящие лишь дезорганизацию в ряды еврейского пролетариата. Настоящий исторически-необходимый шаг должен быть проверен объединенно и организованно с наименьшей потерей революционных сил еврейского пролетариата.

Назавтра после опубликования этого обращения, на общем собрании киевской организации «Бунда», по предложению Комитета, большинство собрания постановило объявить себя киевской организацией «коммунистического Бунда». За это предложение голосовало 135 человек против 79, воздержалось 27 (позже они все вошли в состав «Коммунистического Бунда»). Почти одновременно такой же раскол про-

---

[1]) К этому времени получились сведения о слиянии П. С. Д. и П. П. С. (левицы) в одну Коммунист. партию П[illegible].

изошел в *Екатеринославе,* где в «Коммунистический Бунд» вошло также подавляющее большинство организации. В *Одессе* правое меньшинство давно уже было исключено из организации. Раскол совершился. Совещание, открывшееся 1 марта, только констатировало происшедший раскол. Обе части фактически заседали отдельно, встретившись лишь для заслушания докладов в начале и для оценки происшедшего раскола в конце.

3. Образование „Фарбанда". Вступление в партию.

Раскол «Бунда» совершился в начале марта. Тогда же начало оформляться коммунистическое крыло в «Объединенной евр. социал. партии». В мае месяце обе эти организации слились в «Евр. Коммун. Фарбанд (союз»). Вступление в Коммунистическую Партию произошло лишь в конце августа, когда Советская власть эвакуировала уже Киев. Руководящие круги «Коммунистической Партии Украины (К. П. У.») не спешили с объединением. Причин этому было много. Остановимся на двух главнейших из них, а именно: 1) недоверие к прочности происшедшей эволюции и боязнь заполучить в партию оппортулистические элементы и 2) недооценка значения и роли еврейского рабочего движения. При той переоценке своих сил, которая почти безраздельно царила в кругах К. П. У. в течение первых месяцев головокружительных успехов Советской власти на Украине, обе эти причины привели не только к организационной обособленности еврейской коммунистической организации, но и к политической изоляции их, к отстранению от участия в ответственной советской работе. Только прямое вмешательство Ц. К. Р. К. П. заставило Ц. К. К. П. У. примириться с необходимостью объединения. В ряду других ошибок Советской власти эта недооценка значения евр. коммун. организации играет также немаловажную роль, изолировав Советскую власть в западной части Украины и тем облегчив ее падение.

Линия поведения, занятая в январе еще по отношению к «левому Бунду» и «Укр. соц.-рев.» Киевским Областным Комитетом и продолжепная им в феврале вплоть до переговоров о полном слиянии, не встретила поддержки со стороны большинства третьего съезда К. П. У. в Харькове, происходившего в марте в атмосфере крайне острой внутренней борьбы. Победившее левое крыло, правда, весьма незначительным большинством (101 голосом против 96) приняло следующую резолюцию «Об отношении к мелкобуржуазным партиям:

РЕЗОЛЮЦИЯ ПО ВОПРОСУ ОБ ОТНОШЕНИИ К МЕЛКО-БУРЖУАЗНЫМ ПАРТИЯМ.

1) В момент развертывающейся, обостреннейшей гражданской войны на Украине, в предвидении неизбежной ожесточеннейшей кулацкой контрреволюции в деревнях, никакие соглашения с такими мелко-буржуазными партиями, как правые с.-р., независимые украинские социал-демократы и пр., недопустимы.

2) Учитывая процесс распада мелко-буржуазного и оппортунистического «Бунда» и выделения из него, так называемого Коммунистического Союза, стоящего на платформе Советской власти, признать возможность установления с ним согласованных действий.

Признавая в то же время, что основой Еврейского Коммунистического Союза является масса городского ремесленничества, неустойчивого и медленно изживающего влияния мелко-буржуазной идеологии, признать невыгодным какие-либо шаги к организационному сближению и объединению Е. К. С. с нашей партией. Лишь последовательная, до конца выдержанная тактика с нашей стороны будет способствовать ускорению процесса изживания буржуазных предрассудков массы ремесленничества.

3) Принимая во внимание, что победоносное развитие пролетарской революции на Украине вырвало у таких слоев мелкой буржуазии, как городское ремесленничество и среднее крестьянство, всякую надежду на осуществление их программы и доказало несостоятельность ее политических партий и что ходом событий эти партии принуждены или стать на платформу Советской власти или даже стремиться к слиянию с нашей партией (Лев. «Бунд», Укр. с.-р.).

3 Съезд К. П. У. считает, что, несмотря на признание Советской власти, эти партии не могут принять программу диктатуры пролетариата со всеми ее последствиями и что поэтому *никакого представления ответственных руководящих постов в Советах их представителя быть не должно.* Съезд особенно отмечает недопустимость представления им мест в Правительстве Украины, которое должно состоять *только из представителей нашей партии,* единственного вождя трудовых революционных масс.

Что касается стремления мелко-буржуазных партий (Лев. «Бунд», У. с.-р.) к объединению с нашей партией 3-й Съезд К. П. У. никаких групповых переходов в ряды нашей партии решили не допускать и принимать только на общих основаниях, согласно уставу.

И только в исключительных случаях при переходе к нам отдельных видных представителей этих партий, мы допустим прием без предварительного стажа, но с санкцией местного партийного центра или Ц. К.

Можно было понять осторожность партии в деле объединения с группами, которые еще вчера до германской революции вели борьбу с идеями Советской власти. Но стремление оттолкнуть их советской работы было прямо непонятно. Правда, резолюция говорила только о центральных советских учреждениях, но на местах она была истолкована иначе. Представители «Евр. Ком. Союза» не допускались в состав Исполкомов, и эту политику вели даже в Одессе и Кременчуге. Только один Киев был исключением, здесь представители «Бунда» (тогда еще не расколовшегося) и укр. с.-р. были допущены даже в состав президиума Губисполкома. На Харьковском съезде советов «Коммунистический Бунд» не получил представительства в избранный У. Ц. К. Был утвержден прежний состав Временного Рабоче-Крестьянского Правительства *без участия укр. с.-р.*

В беседах с ответственными руководителями партии они определенно заявили, что в эту эпоху социальной революции роль еврейских ремесленных рабочих крайне мала. Нам пришлось оспаривать это ссылкой на особенности национального состава населения Украины, Литвы, Польши, где еврейские рабочие играли и будут играть крупнейшую роль в революционном движении. Мы ссылались на то, что без содействия еврейских коммунистических организаций в западной части Украины Советская власть не сможет наладить своего аппарата. Дальнейший ход событий вполне оправдал нашу точку зрения. И в Белоруссии и на Украине (в западной ее части) скоро обнаружилось, что еврейские рабочие, раз вступив на путь социальной революции, составляют прочный оплот Советской власти, что задача вовлечения еврейских рабочих в Красную армию привлекла внимание военно-политических властей. Между тем политика изоляции еврейских коммунистов, которые одни только и могли выделить опытных работников в многочисленных и притом близких к деревне местечках и уездных городах Волыни, Подолии, привела к переполнению органов власти чуждыми элементами, иногда явно контр-революционными. Молодые люди, часто из сионистской среды, брались за установление отношений с деревней и делали одну ошибку за другой в то время, как здесь же рядом были группы, которые в течение всего 1917—18 гг. были связаны с деревней, но это были вчерашние бундовцы, члены «Фарбанда», не заслуживавшие доверия.

Только в мае были сделаны первые шаги по аннулированию харьковской резолюции. В состав Ц. И.-К. были допущены все советские партии, в том числе и «Коммун. Бунд». В президиум Ц. И. К. и в Совнарком Украины были введены представители укр. с.-р. коммунистов (боротьбистов). Но на местах эта перемена в центре мало отразилась, прежняя политика действовала часто (за некоторыми исключениями) до последнего момента.

Между тем с апреля Украина охвачена рядом кулацких восстаний. Измена Григорьева на юге, поддержка восстаний левыми с.-р. и «незалежными» укр. с.-д., перешедшими обратно в петлюровский лагерь, создали тяжелое положение для Советской власти. Но, повидимому, встряска и эволюция в еврейском рабочем движении, начавшаяся с сентября 1918 года, была глубока, возврату назад и колебаниям не было места. Эволюция продолжается. Позиция еврейских коммунистов все более приближается к позиции коммунистической партии. 22 мая учредительная конференция «Фарбанда» принимает резолюцию о политическом моменте и тактической линии, в которой мы не находим уже никаких остатков прежнего отмежевывания от большевиков, которым так бо-

гата платформа «левого Бунда» и «Объединенных», относящиеся к январю. А между тем эта конференция происходила в самый разгар кулацких восстаний:

Конференция констатирует, что, несмотря на столь сложное и тяжелое международное и внутреннее хозяйственное и политическое положение, революционный подъем в среде пролетариата Украины продолжается, нет признаков усталости, а бешеный натиск реакции вызывает лишь новое напряжение революционной энергии.

Конференция констатирует, что и еврейский рабочий класс Украины решительно вступил на путь социалистической революции и порвал все нити, связывавшие его с жалкими группами соглашательского социализма. Растут его коммунистические организации, усиливается приток в Красную армию. Натиск реакции и волна погромов против евреев не могли уже остановить этот революционный процесс, а, наоборот, действуют в направлении дальнейшего подъема революционной энергии, умножая ее поддержкой городской бедноты, поставленной перед опасностью физического истребления.

Развитие революционного процесса на Украине со всей несомненностью подтверждает, что основной тактической задачей Советской власти и коммунистической партии является мобилизация городского и деревенского пролетариата, *этого единственно-надежного стойкого борца за дело социалистической революции*, который не изменит ей при самых тяжелых обстоятельствах. Этой задачей должна быть проникнута вся законодательная и административная политика власти и все ее хозяйственные мероприятия. Мобилизация пролетарских элементов в деревне, вместе с отказом от насильственного внесения в деревню коммунистических начал в хозяйстве, может привлечь на сторону революции менее надежное и среднее крестьянство. Как планомерная аграрная политика, так и целесообразная хозяйственная продовольственная политика в городе может привлечь на сторону Советской власти широкие массы бедноты. В то же время необходима колоссальная просветительная работа среди широких масс среднего крестьянства и городской бедноты для окончательного освобождения их из-под влияния буржуазных и контр-революционных идей.

Всякого рода уступки, делающиеся по отношению к непролетарским группам населения и вызываемые переходными задачами момента, *должны быть ограничены экономическими интересами и принципом гегемонии пролетариата в том смысле, чтобы власть оставалась в руках истинно-пролетарской коммунистической партии.*

Сложность и ответственность политического момента с особой настойчивостью подчеркивает необходимость твердой власти, способной непримиримо и неуклонно проводить до конца поставленные перед ней задачи революционной борьбы и строительства. Соглашение с колеблющимися элементами в центре и на местах, опасное всегда, особенно недопустимо в настоящий момент, а допущение к участию во власти на местах правосоциалистических кругов способно лишь создать тормоз и внести дезорганизацию в ряды власти.

С другой стороны, конференция считает необходимым отметить, что *власть в центре, а в особенности на местах должна решительно отказаться от политики изоляции и даже борьбы против родственных нарпонных и революционных элементов, стоящих на коммунистической платформе.* Приветствуя с этой точки зрения вступление в состав рабоче-крестьянского правительства представителей Укр. Соц. Револ. (группы «Боротьба»), опирающихся на беднейшее крестьянство и привлечение в Ц. И. К. представителей других советских партий, конференция обращает внимание коммунистической партии на необходимость издания таких же декретов и для местной политической работы.

Та же учредительная конференция «Фарбанда» ликвидировала остатки идеологии по национальному вопросу, форми-

ровавшейся в эпоху буржуазно-демократической революции. Несмотря на всю разницу в прежних взглядах «Бунда» и «Объединенных» по вопросу о задачах и сущности еврейской автономии, которые были сформулированы в программах «национальной» и «культурно-национальной автономии», единогласно была принята обширная резолюция по национальному вопросу. Мы приводим из нее ее принципиальную часть:

По вопросу о способе защиты интересов пролетариата национальных меньшинств, конференция находит, что требования специальных политических гарантий для национальных меньшинств, каковы персональная автономия (национальная или культурно-национальная), равно как и требования самоопределения для национальных меньшинств были уместны в отношении к буржуазному государству. Теперь же никакая часть пролетариата не имеет основания требовать каких бы то ни было гарантий от власти, которая базирует на пролетариате, как целом и проводит в жизнь его диктатуру.

Интересы пролетариата требуют в настоящий момент строжайшей централизации государственной власти для преодоления врагов социальной революции. Только в тесном сожительстве всех частей пролетариата будут шаг за шагом изжиты все старые национальные суеверия и предрассудки, которые унаследованы от эпохи буржуазной диктатуры с ее делением человечества на господствующие и угнетенные нации.

Теми же принципами централизма проникнута и резолюция по организационному вопросу. По смыслу этой резолюции массовая еврейская коммунистическая организация, остающаяся в виде национальной секции в составе общей коммунистической партии имеет своей задачей исключительно обслуживание еврейских рабочих с точки зрения агитации и пропаганды. Как самостоятельная *политическая* организация, «Фарбанд» должен был прекратить свое существование. Каждый член будущей еврейской секции вливался в общую партийную организацию и там рука об руку со всем сознательным пролетариатом руководил общим делом освобождения пролетариата.

Вступление «Фарбанда» в состав Российской Коммунистической Партии совершилось в самый канун эвакуации Киева, когда вся партия на Украине переходила на нелегальное положение. Фактическое слияние местных организаций происходило уже в подполье и, поскольку позволяют судить отрывочные сведения, доходившие до Москвы, трений на этой почве не возникало, работа шла дружно, бывшие деятели «Фарбанда» быстро были втянуты в общую работу.

Большая группа работников «Фарбанда» эвакуировалась из Украины, вступила в местную партийную работу в Великороссии и много содействовала оживлению деятельности еврейских секций Р. К. П. особенно в городах Гомеле и Витебске, единственно крупных центрах западной окраины, не оккупированных белогвардейцами. На состоявшемся 15—18 ноября в Витебске районном совещании еврейских секций Витебской, Смоленской и Гомельской губерний [illegible]

организационное влияние деятелей бывшего «Фарбанда» было весьма ощутительно.

Совещание это констатировало:

„Общие объективные условия создали перелом в настроении еврейской рабочей массы и увеличили их симпатии к коммунизму. Право-социалистические группы превратились в узко-партийные оторванные от массы группы, переживающие к тому же беспрерывный кризис и процесс развала. Организация партийной недели в Витебске и Гомеле с участием еврейских секций привела секции в соприкосновение с широкой еврейской рабочей массой и открывает новые широкие возможности для нашей партийной работы".

Оценка эта подтвердилась не только успехами партийной недели, но и результатами выборов в Витебский Совет рабочих депутатов, следовавших непосредственно за совещанием. На этих выборах «Бунд» потерпел жестокое поражение, собрав всего около 700 голосов. *Еврейская рабочая масса голосовала за коммунистический список*, «Бунд» оказался изолированной партийной группой, разбитой ударами справа и слева. Выступив с левой полу-коммунистической платформой, он оттолкнул от себя обывательские слои рабочей и крестьянской массы, которые голосовали за «список Р. С.-Д. Р. П. и меньшинства «Бунда»—список, шедший под лозунгом реставрации капитализма. В то же время еврейская революционно-настроенная рабочая масса оказалась равнодушной к оппозиционной критике советской практики, развитой «Бундом» на выборах, и к идее *самостоятельной* еврейской рабочей организации, также сильно подчеркивавшейся бундистами в агитации. Она предпочла подлинных коммунистов недостаточно еще отшлифованной копии их. Борьба на выборах, как мы видели, привела к фактическому расколу витебской организации «Бунда» и выставлению двух конкурирующих бундовских списков. Постановлением общего собрания витебской организации все голосовавшие за список меньшинства, как и сами лидеры этого меньшинства (среди них и Браун-Сергей, старый деятель и бывший член северо-западного областного комитета «Бунда»), исключены из партии. Постановление это санкционировано Центральным Комитетом «Бунда».

Мы остановились подробнее на витебских выборах, так как на этом примере лучше всего могли характеризовать положение дел в «Бунде». В конце октября в Гомеле состоялось широкое бундовское совещание, в порядке дня которого стояли два вопроса: а) об отношении к Р. С.-Д. Р. П. и б) об отношении к Коммунистическому Интернационалу. Решений на этом совещании не было принято (будет созвана конференция), но были формулированы две платформы: большинство совещания высказалось за полный разрыв с Р. С.-Д. Р. П. и за присоединение к III Коммунистическому Интернационалу. Это решение достаточно определяет общую

идейную эволюцию в «Бунде». Сведения, идущие из Литвы и Польши, указывают, что и там большинство «Бунда» стоит на той же позиции.

Вопрос о вступлении в состав Р. К. П. пока на очередь не поставлен, хотя лидеры и заявляют, что с программой р. к. п. они целиком согласны. Тормазом к объединению служит в настоящее время почти исключительно организационный вопрос. Одновременно с общим левением и приближением к коммунизму сепаратистское настроение в партийных верхах «Бунда» крепнет: здесь пока ни за что не желают расстаться с традиционной политической самостоятельностью «Бунда» и крайне боятся быть «поглощенными» централистической Р. К. П., как-будто у еврейского рабочего класса имеются какие-либо особые политические задачи.

Рядом с так называемой «Еврейской Коммунистической Партией (Поалей-Цион)», причудливо соединившей коммунизм с старой буржуазно-сионистской программой, мы скоро будем иметь вторую еврейскую коммунистическую партию «Коммунистический Бунд», возникающий в Белоруссии почти годом позже, чем он родился на Украине. Надо полагать, что существование его не будет более продолжительным, чем на Украине. Можно предвидеть и неизбежность его вступления в состав Р. К. П., так как в широкой еврейской рабочей массе к идеям организационного бундизма относятся совершенно равнодушно, а в отношении национальной программы нынешние лидеры «Бунда» в Белоруссии стоят на той же позиции, что бывший «Фарбанд» на Украине, а именно: при диктатуре пролетариата политическое требование культурно-национальной автономии теряет всякий смысл.

Решительное постановление съезда независимых в Германии о том, чтоб завязать сношения с Коммунистическим Интернационалом, должно значительно ускорить процесс кристаллизации определенно-коммунистической позиции левого крыла «Бунда». Момент объединения всех еврейских коммунистов в рядах Р. К. П. не за горами.

Этому будет содействовать и неизбежное левение еврейских рабочих масс на Украине, проживших 4—6 месяцев под гнетом деникинской оккупации. Когда мы пишем эти строки, в Москве получено сообщение о приближении регулярной Красной армии к предместьям Киева и Харькова. На Украине снова водворяется Советская власть.

Год прошел со времени германской революции. Медленно, но верно еврейские рабочие пришли в ряды общей пролетарской партии. Былое единство еврейского и российского пролетариата снова восстановлено под знаменем коммунизма. Кризис еврейского рабочего движения таким образом подходит к концу.

М. Рафес.

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 10 17 01 09 002 0